

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

- Экономическая теория
- Методология экономической науки
- От теории к экономической политике
- История мысли
- Междисциплинарные исследования
- Экономическая история
- Обзоры и рецензии

№1
2021

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2017 г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКВА

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

научный журнал

№ 1/2021

Является сетевым СМИ
Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций;
серия Эл № ФС77-78796 от 30 июля 2020 г.
ISSN 2587-7666
Выходит с 2017 г., периодичность выхода — 4 раза в год

Главный редактор П.А. Ореховский
Отв. секретарь А.И. Волынский

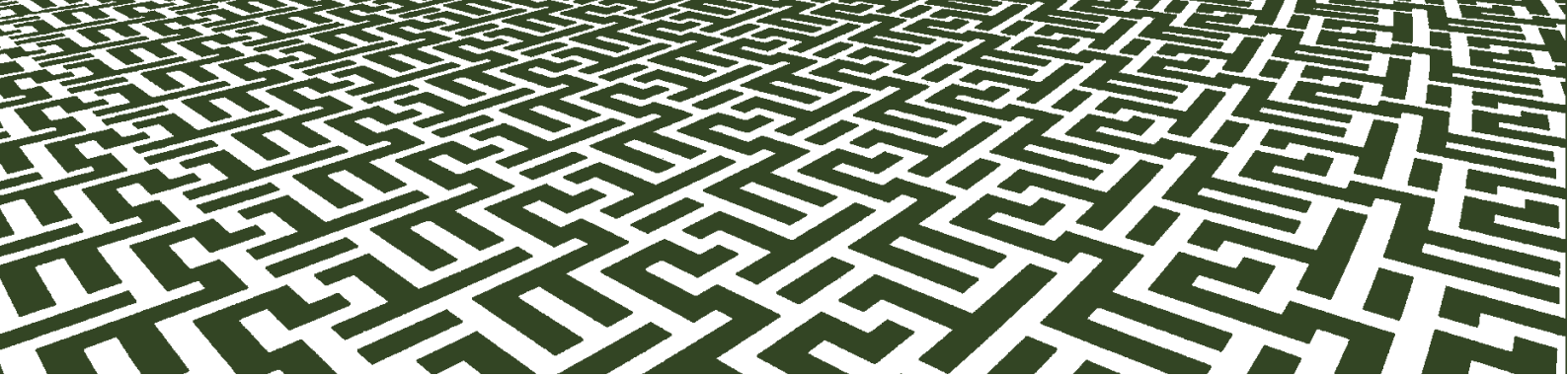
Редакционная коллегия

В.С. Автономов	Н.А. Макашева <i>зам. гл. редактора</i>
О.И. Ананьин	В.С. Мартьянов
М.Р. Байсингер (США)	В.Ю. Музычук
А.Е. Варшавский	Р.М. Нуреев
М.И. Воейков <i>зам. гл. редактора</i>	А.Н. Олейник (Канада)
Г.Д. Гловели	Н.М. Плискевич <i>зам. гл. редактора</i>
Р.С. Гринберг	Л.И. Полищук
В.Е. Дементьев	В.М. Полтерович
А.П. Заостровцев <i>зам. гл. редактора</i>	Т.Ф. Ремингтон (США)
Л.В. Зеленоборская	А.Я. Рубинштейн
Р.И. Капелюшников	М.Е. Симон
С.Г. Кирдина-Чэндлер	Н.Е. Тихонова
О.Б. Кошовец	М.Ю. Урнов
А.М. Либман (ФРГ)	Б.А. Хейфец
В.И. Маевский	Т.В. Чубарова <i>зам. гл. редактора</i>

Компьютерная верстка — Хацко Н.А.

Адрес издателя: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
тел./факс: 8(499) 724-15-41
e-mail (издателя): ieras@inecon.ru
e-mail (для авторов статей): editorqet@gmail.com

© Вопросы теоретической экономики, 2021

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

THEORETICAL ECONOMICS

- **Economic theory**
- **Methodology of economic science**
- **From theory to economic policy**
- **History of thought**
- **Interdisciplinary studies**
- **Economic history**
- **Surveys & reviews**

Nº1
2021

INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

MOSCOW

VOPROSY TEORETICHESKOY EKONOMIKI
scientific journal

№ 1/2021

Chief Editor Petr Orekhovskiy
Executive Secretary Andrei Volynskii

Editorial board

V.S. Avtonomov	N.A. Makasheva <i>Deputy Chief Editor</i>
O.I. Anan'in	V.S. Martyanov
M.R. Beissinger (USA)	V.U. Muzychuk
A.E. Varshavskiy	R.M. Nureyev
M.I. Voyeikov <i>Deputy Chief Editor</i>	A.N. Oleinik (Canada)
G.D. Gloveli	N.M. Pliskevich <i>Deputy Chief Editor</i>
R.S. Grinberg	L.I. Polishchuk
V.E. Dementiev	V.M. Polterovich
A.P. Zaostrovtssev <i>Deputy Chief Editor</i>	T.F. Remington (USA)
L.V. Zelenoborskaya	A.Y. Rubinshtein
R.I. Kapelyushnikov	M.E. Simon
S.G. Kirdina-Chandler	N.E. Tikhonova
O.B. Koshovets	M.Y. Urnov
A.M. Libman (FRG)	B.A. Kheyfets
V.I. Mayevskiy	T.V. Chubarova <i>Deputy Chief Editor</i>

Address: 117218, Russia, Moscow, Nakhimovskiy pr., 32
tel./fax +7 499 724 1541
e-mail (direction): ieras@inecon.ru
e-mail (redaction): editorqet@gmail.com

© Voprosy teoreticheskoy ekonomiki, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

В.Н. Юсим

Первопричина возникновения и развития института денег 7

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В.С. Мартьянов

Блеск метафор и понятийная релятивность мейнстрима общественных наук 22

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

М.Э. Дмитриев, В.Б. Крапиль

Оценка потенциала дистанционной занятости государственных служащих 35

Н.В. Зубаревич

Влияние пандемии на социально-экономическое развитие и бюджеты регионов 48

ИСТОРИЯ МЫСЛИ

И.Г. Чаплыгина

Преподавание экономических дисциплин в Московском университете второй половины XVIII в. 61

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Малашенко

Исламская экономика: есть ли шанс на развитие? 73

А.Н. Медушевский

Посткоммунистический проект в Восточной Европе: содержание, эволюция и причины истощения (Часть 1) 82

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

А.Ю. Ермолов

Взгляды современных зарубежных ученых на экономические проблемы позднего СССР (Часть 2) 94

М.А. Фельдман

«Предвосхитившие работу, выполненную западными экономистами», или феномен журнала «Плановое хозяйство» 112

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А.П. Заостровцев, Я.Д. Ширяева

Айн Рэнд: философия свободной экономики 121

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

V. Yusim

The Root Cause of the Emergence and Development of the Institution of Money 7

METHODOLOGY OF ECONOMIC SCIENCE

V. Martianov

The Shine of Metaphors and Conceptual Relativity of the Mainstream Social Sciences..... 22

FROM THEORY TO ECONOMIC POLICY

M. Dmitriev, V. Krapil

Assessment of the Possibilities of Distant Employment of Civil Servants..... 35

N. Zubarevich

Influence the Pandemic at Socio-Economic Development and Regional Budgets 48

HISTORY OF THOUGHT

I. Chaplygina

Teaching of Economy Related Disciplines in the Moscow University of the Second Half of the 18-th Century 61

INTERDISCIPLINARY STUDIES

A. Malashenko

Islamic Economy: Does It Have Chance for Development? 73

A. Medushevsky

Post-Communism Project in Eastern Europe: Content, Evolution and the Causes of Expiration 82

ECONOMIC HISTORY

A. Ermolov

The Views of Modern Foreign Scientists on the Economic Problems of the Late USSR 94

M. Feldman

«Anticipating the Work Done by Western Economists», or the Phenomenon of the Magazine «Planned Economy» 112

SURVEYS & REVIEWES

A. Zaostrovtssev, Ia. Shiriaeva

Ayn Rand: The Philosophy of a Free Economy 121

В.Н. Юсим

*д.э.н., профессор, Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова (Москва)*

ПЕРВОПРИЧИНА ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ДЕНЕГ¹

Аннотация. В статье обсуждается ряд дискуссионных проблем теории денег, связанных с их происхождением и, как следствие, базовым направлением развития. Первая из рассмотренных проблем — позиция, оспаривающая общепризнанно ведущую роль функции меры стоимости в возникновении денег. Вторая проблема — парадокс денег, как единой меры стоимости в ситуации, когда реальное представление о стоимости блага различно у каждого потребителя. Третья проблема — это обоснование фактора, который активизировал процесс возникновения денег в прошлом и заставляет совершенствовать их в настоящее время. Заключает рассмотрение актуальных задач теории обоснование количественной оценки экономической эффективности института денег в современном мире. Общим результатом анализа рассмотренных проблем стал вывод о направлении и актуальности трансформации современных денежных и международной валютной систем в ближайшем будущем.

Ключевые слова: деньги, теория денег, мера стоимости.

JEL: E40, E42.

DOI: 10.24411/2587-7666-2021-10101.

Введение

До последнего времени в академических кругах не затухает дискуссия о первичности одной из функций денег. И это не случайно.

Ответ на вопрос: «какая из функций создала деньги?» — не только очередное уточнение теории. Как было всегда, это шанс на то, что критическая масса представлений о сложном и предельно важном для развития человеческой цивилизации явлении станет достаточной, чтобы обосновать новые возможности его использования во благо.

Доказательство первородности денег от одной из её функций — ключ к развитию современных денежных систем. Причем актуальность корректных представлений о процессе возникновения и развития института денег постоянно нарастает. В экономической литературе все чаще встречаются материалы о несоответствии эффективности действующих денежных систем уровню сложившихся технологических возможностей [Юсим, 2012; Кузнецов, 2018]. Растут и претензии к справедливости и функциональности международной денежной системы как со стороны научного сообщества, так и со стороны серьезных финансистов и политиков [Stiglitz, 2007; Wilkie, 2011; Steil, 2013; Юсим, 2016; Кузнецов, 2018].

В своей статье Д. Ш. Гогохия поднял, как представляется, две актуальные в настоящее время темы, присутствующие в теории денег. Это проблема первичности конкретной функции денег и проблема стабильности (устойчивости) покупательной способности денежной системы [Гогохия, 2019]. Ответ на эти вопросы не только уточняет теоретические представления о природе денег, но и позволяет определить направление и способы радикального повышения эффективности денежной и международной валютной систем. [Юсим, Свирчевский, Тархова, 2016].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-010-00709\20.

Задача обоснования первичности функции денег

Адам Смит рассматривал всего две функции денег: меры стоимости и средства обращения. Карл Маркс рассматривал уже пять функций денег: мера стоимости; средство обращения; средство накопления; средство платежа и мировые деньги [Гогохия, 2019].

П. Самуэльсон называл только две функции денег: средство обмена и единица масштаба цен, или единица счёта. Три функции денег (средство обращения, средство накопления покупательной способности, средство измерения стоимости, или масштаб цен) принимают во внимание многие англо-американские авторы. Четыре функции денег называют С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи в такой последовательности: первая — средство обмена и средство платежа, вторая — единица счёта, третья — средство сохранения стоимости, четвертая — мера отложенных платежей [Петрикова, 2006].

Из вышеприведённой информации можно сделать вывод, что в настоящее время у экономистов отсутствует единая точка зрения на корректный набор функций денег.

Вместе с тем, неслучайно два крупнейших экономиста мира А. Смит и П. Самуэльсон посчитали необходимым и достаточным использовать для обоснования свойств денег только две их функции. Это означает, что в их понимании все остальные важнейшие функции денег вытекают из двух базовых.

Действительно, если деньги выполняют функции меры стоимости и средства обращения (обмена), то они с таким же успехом могут выполнять функции: средство накопления, средство платежа и мировых денег.

Можно обосновать существование и ряда непризнанных функций денег, например функцию созидания (или обеспечения) инвестиций. И это ничего не поменяет. Любые новые функции — только следствие существования первых двух.

При этом институт денег позволяет реализовать множество задач, которые ставит человек. И, скорее всего, смысл выделения производных, относительно первых двух, функций — это удобство выделения из спектра конкретных задач, важных для жизни современного человека, тех, которые решаются с помощью института денег: накопления, платежа, международного обмена и ряда других.

Большинство известных специалистов в сфере теории денег считают первичными и, как следствие, главными две функции денег, выделенные А. Смитом. Как пример альтернативной точки зрения рассмотрим аргументацию сторонников первичности функции денег как «средства накопления». Её активный представитель Д. Гогохия аргументирует свою позицию двумя доводами [Гогохия, 2019].

Первый довод: эта функция необходима для существования человека еще с первобытных времен. Он пишет: «Неслучайно желание людей накапливать богатство в денежной форме или предпочтение ликвидности отмечалось практически во все исторические эпохи».

Уточним, наверное, речь идет не о всех эпохах, так как в каких-то из эпох люди жили, но денег не существовало.

Второй довод: «...Спрос на деньги как средство накопления играет ключевую роль в становлении и развитии товарного (специализированного) производства во всяком человеческом обществе».

Рассмотрим первый довод. Желание людей накапливать богатство подтверждают данные совсем недавно возникшей естественной науки «этология», вскрывающей биологические основы поведения человека. [Дольник, 2016]. Из неё следует, что склонность к накоплению, как генетическая программа, существовала еще у первобытного человека, то есть около 200 тыс. лет.

Вместе с тем, этот факт не обосновывает, а наоборот исключает возможность того, что функция «средство накопления» стала первопричиной возникновения денег. Действительно, сотни тысяч лет функция работала в условиях первобытного общества, но

не как институт накопления личного богатства, а как общественный институт выживания племени. То есть деньги как институт частного обмена не могли возникнуть как результат влияния этой функции.

Второй довод: функция «средство накопления» стала первопричиной возникновения денег, так как «играет ключевую роль в становлении и развитии товарного производства». Но, роль любой функции «...в становлении и развитии товарного производства» может быть какой угодно, но это ничего не говорит о её роли в процессе возникновения денег. То есть довод не может рассматриваться, как корректный.

Вместе с тем, К. Менгер, один из самых убедительных и в настоящее время авторитетных учёных экономистов, предлагает свой вариант реконструкции процесса возникновения денег. В основу его выводов легли данные о хозяйственной деятельности людей в Америке до её открытия Колумбом и аналогичной информации о Европе, и Китае несколько тысяч лет тому назад. Независимо от него эту же модель предлагает Уильям Джевонс [Джевонс, 2005].

Для обоснования своей позиции Менгер использует фундаментальные мотивы, определяющие поведение человека с первобытных времен. Он пишет: «...экономический интерес отдельных хозяйствующих индивидов приводит ...без всякого соглашения, без законодательного принуждения, без всяких даже соображений об общественном интересе к тому, что индивиды отдают свои товары в обмен на другие, обладающие большей способностью к сбыту... Так возникает под мощным влиянием привычки то наблюдаемое всюду при росте экономической культуры явление, что известное число благ и именно те, которые обладают в смысле времени и места наибольшей способностью к сбыту, принимаются в обмен каждым и поэтому могут быть обменены на всякий другой товар. Такие блага предки наши называли Geld — деньгами от слова «gelten» — «исполнять», «платить» [Менгер, 2005. С. 109].

То есть можно считать, что, по Менгеру, функция, создавшая деньги — это «средство обмена». Но никакой товар, «обладающий большой способностью к сбыту», не может стать средством обмена (и деньгами), если он одновременно не мера стоимости.

Действительно, представим, что деньги лишены функции меры стоимости. То есть нет разницы между купюрой в 50 рублей и 5 000 рублей. Естественно, автоматически перестает действовать функция «средство обмена», а за ней и все остальные функции денег.

Получается, что функция «средство обмена» возникла после или параллельно с возникновением денег. Действительно, как писал У.С. Джевонс, при осуществлении непосредственной меновой сделки деньги исполняют «... двоякую функцию: они служат, во-первых, как меновое средство и, во-вторых, как всеобщее мерило ценности» [Джевонс, 2005. С. 8].

Но могли ли возникнуть деньги, обладая только одной из функций?

Даже не апеллируя к авторитету Джевонса, с высоты понимания сущности денег в XXI в. очевидно, что без функции «мера стоимости», или что то же самое «мерило ценности», деньги перестают быть деньгами.

То же самое можно сказать о функции «меновое средство». Действительно, если претендент на деньги неудобен для обмена или для хранения, то деньги из него не получатся.

При этом вопрос о первичности одной из функций денег остается открытым. Решает проблему семантика.

Если обратиться к множеству определений понятия «функция», то окажется, что различным функциям денег соответствуют два разных определения этого понятия. Функции «мера стоимости» соответствует определение: «внешнее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений», а всем остальным функциям денег соответствует определение: «деятельность, обязанность, работа». Действительно, функция меры — это констатация свойства некоего объекта (овцы, монеты, банкноты, или записи на банковском депозите), которое используется для соизмерения двух и более величин. А таким функ-

циям, как обмен, накопление, платеж и им подобным, соответствует понятие деятельности с помощью объекта, который наделен свойством меры.

Получается, что в рамках современных определений понятия «функция» из всех возможных функций денег выделяется одна, которая недостаточна, но необходима для выполнения всех остальных функций. При этом она же, единственная, представляющая объект целиком «...в данной системе отношений». А любая другая функция не может претендовать на такой статус, так как не способна без поддержки первичной функции представлять объект. При этом, как писал еще Джевонс, «Поскольку современные формы денег условны, при характеристике их функций не всегда используется понятие меры стоимости и формируемого на её базе масштаба цен, их пытаются заменить. Однако термин “единица счёта” по сути вкладываемого в него смысла тождествен термину “масштаб цен”» [Джевонс, 2005. С. 11], а следовательно, и мера стоимости.

Эталон и парадокс денег как меры стоимости

Постулатом современной науки об измерениях «метрологии», является обязательное наличие единого носителя единицы измерения, который называется «эталон». Вместе с тем, экономическая теория отвергает существование эталона стоимости (ценности) и даже принципиальную возможность его создания.

Корректность этого мнения якобы подтверждают три обстоятельства.

Во-первых, трудно представить существование эталона любой виртуальной величины, в том числе и такой, как ценность (или стоимость).

Во-вторых, тот факт, что изначально эталоны ценности (стоимости) денежной единицы формально совпадали с мерой стоимости, может быть истолкован как довод о возможности обойтись вообще без эталона.

И в-третьих, если считать, что эталон стоимости существует, необходимо объяснить следующий парадокс. *Парадокс заключается в том, что стоимость блага, которое представляет эталон, различна для каждого человека* в силу его личных предпочтений, привычек, воспитания и многого другого. Но эталон единицы стоимости один и только тогда меры стоимости, созданные, как копия единственного эталона, строго одинаковы. О каком единственном эталоне и каких одинаковых мерах стоимости можно говорить в этой ситуации?

О том, что эталон стоимости возник параллельно с мерой, или единицей стоимости, говорят следующие факты:

Во-первых, вне сомнения, в каждый момент времени покупательная способность денежной единицы в разных местах одинакова. В противном случае понятие «цена» теряет всякий смысл.

Во-вторых, с высоты опыта и достижений естественной науки — «метрологии» — очевидно, что невозможно создать множество одинаковых мер чего бы то ни было, в том числе и денег, не используя единый эталон измеряемой величины. При этом выводы естественных наук более надёжны, чем гуманитарных, так как всегда подтверждаются экспериментально.

В-третьих, эволюция современных систем мер и весов прошла на начальном этапе, точно такие же фазы, что и система мер стоимости. Действительно, например, на этапе становления системы мер длины эталонами становились самые разные материальные объекты с огромным разбросом своих значений. Их погрешность в миллионы раз превышала погрешность современного эталона длины.

Так, эталоном длины становилась абстрактная длина шага или части тела человека, а мерой — реальная длина шага или части тела человека. Например, в старорусской

системе мер мера длины «локоть» — расстояние от согнутых пальцев взрослого человека до кончика его локтя. Даже в XVIII в. на Руси в лавочках, где продавали ткань, её измеряли в «локтях» продавца. Как правило, работали в них короткорукие приказчики.

В Великобритании «фут» — изначально длина стопы человека.

Точно так же, изначально, в системе измерения стоимости использовались материальные меры стоимости (например овцы, как деньги) и абстрактный эталон этих мер, как стоимость воображаемой усредненной овцы, но никак не конкретной. И другого быть не могло, так как только таким способом можно было организовать грубую, но систему измерения.

Это означает, что *системы измерения любых величин проходят в процессе развитие одни и те же этапы*. Поэтому можно не сомневаться, что в недалёком будущем в каждой стране появится свой эталон стоимости, а носителем единицы (меры) стоимости будет особая единица её национальной валюты [Юсим, 2012].

Парадокс возникновения абстрактного эталона стоимости, а за ним и денег объясняет механизм арбитража. Он всегда возникает в условиях рынка и автоматически выравнивает отклонения от среднего значения рыночной цены любого блага.

В условиях конкурентного обмена арбитраж всегда вызывает генетическая программа человека, требующая максимизации потребления благ. Как следствие, в условиях рынка, если где-то локально возникает цена покупки (обмена) ниже средней, всегда найдется участник рынка, который станет покупать это благо (обменивать на товар-эталон) по заниженной цене и потом продавать его по цене более высокой, близкой к средней. А в случае локального возникновения цены выше средней он будет покупать это же благо в любом другом месте по цене близкой к средней и продавать по цене выше средней. *Цены начинают выравниваться*.

Процесс арбитража заканчивается, когда цена блага станет близка (или равна) средней. Это объясняет парадокс денег, когда, как бы необъяснимо, возникает единая (одинаковая) покупательная способность всех денежных единиц в отсутствии видимого механизма обеспечения такого непростого требования.

Фактически механизм арбитража не только создает единое мгновенное значение покупательной способности денежной единицы, но и формирует значение виртуального эталона стоимости.

Анализ механизма возникновения такой функции денег, как мера стоимости, позволяет перейти к рассмотрению фактора, наиболее значимо повлиявшего на собственно возникновение денег.

Влияние технологий на возникновение денежной системы

Общепризнанно, что человек разумный, прямоходящий, появился около 200 тыс. лет назад, а деньги — от 10 до 12 тыс. лет. То есть сравнительно недавно. Почему 200 тыс. лет человек обходился без денег, а каких-то 10–12 тыс. лет назад их придумал? Ответив на этот вопрос, можно понять первопричину возникновения денег и направление их развития.

Для начала уточним: никакого экономического обмена, или обмена с целью получения личной выгоды, внутри первобытного племени не было. Экономическая антропология констатирует: до появления денег экономика функционировала на основе бартера, дара и долга [Graeber, 2011]. Но бартер, дар и долг в условиях племени не преследовали цель коммерческой выгоды. Как следствие, деньги не могли возникнуть, так как они нужны только как инструмент экономического обмена. Более того, деньги не могли возникнуть и как «средство накопления», так как накапливать богатство в высоко ликвидной форме было также бессмысленно ввиду отсутствия института экономического обмена.

Рассмотрим первопричину возникновения денег на примере производства, занимающего промежуточное место между первыми самостоятельными производственными единицами, положившими начало рыночных отношений [Бродель, 1993] и современными высокотехнологичными производствами.

Это мануфактура булавок, деятельность которой детально рассмотрел Адам Смит. Он пишет: «...Эти десять человек вырабатывали свыше 48 тыс. булавок в день. ...Но если бы все они работали в одиночку и не были приучены к этой специальной работе, то, несомненно, ни один из них не смог бы сработать двадцати, а может быть, даже и одной булавки в день. Одним словом, они, несомненно, не выработали бы 1/240, а может быть, и 1/4800 доли того, что они в состоянии выработать теперь в результате надлежащего разделения и сочетания их различных операций» [Смит, 2007. С. 76].

Вместе с тем, простой расчёт показывает, что если рабочий день длился 10 часов (или 36 тыс. секунд), то на каждую из 48 тыс. операций, которые выполнил любой рабочий, приходится:

$$36 \text{ тыс. (секунд)} \div 48 \text{ тыс. (операций)} = 0,75 \text{ секунды.}$$

Но человек не способен за такое время взять изделие, закрепить его в приспособлении, выполнить операцию, затем открепить и передать другому. При этом нет и тени сомнения, что А. Смит привел типовой результат работы мануфактуры за один день.

С высоты производственного опыта в более чем две сотни лет после Адама Смита, можно с полной уверенностью утверждать, что ни специализация фирм, ни пооперационная специализация рабочих никогда не могли и не могут сейчас объяснить реально наблюдавшийся рост производительности труда.

Именно это доказал Карл Менгер в своем труде «Основания политической экономии» [Менгер, 2005]. Он писал: «Адам Смит принял за исходный пункт хозяйственного прогресса людей возрастающее разделение труда... Предположим, что оккупаторный по преимуществу труд (использующий только природные возможности, — прим. авт.) какого-либо австралийского племени целесообразно распределен между отдельными его членами ... Очевидно, что данное племя, как и всякое другое, будет достигать таким способом ...больших результатов и таким образом улучшит свое положение.

Напротив, если народ не ограничивается только оккупаторной деятельностью..., то при таких условиях мы будем в состоянии, конечно, найти у него... тот именно прогресс в благосостоянии, который Адам Смит был склонен приписать исключительно последнему обстоятельству» [Менгер, 2005. С.16].

Другими словами, мощный рост производительности труда в мануфактуре, рассмотренной Смитом, обеспечило не разделение труда, а новая технология производства булавок.

Поясним. Разделение на операции использовалось задолго до мануфактур точно так же, как и используется в настоящее время. Например, при изготовлении глиняной посуды за тысячи лет до А. Смита обязательно выстраивались последовательно операции замеса глины, формования, обжига. То есть изготавливающий их человек делал замес на несколько горшков, формовал из глины несколько горшков, а потом обжигал сразу несколько горшков. Точно также современная домохозяйка не замешивает тесто, а потом варит один пельмень, и так сто раз. Она замешивает тесто, потом лепит, а потом варит сразу сто пельменей. То есть реализует последовательное выполнение отдельных операций.

В настоящее время выстраивание последовательности технологических операций называется пооперационным разделением труда.

Не стоит сомневаться, что профессиональный ремесленник использовал при изготовлении булавки точно то же разделение на операции, что и в мануфактуре А. Смита, и что он мог изготовить от 100 до 500 булавок в день.

То есть реально речь должна идти не о росте производительности в 240 или 4800 раз, а о 20-ти — 50-ти кратном росте производительности работника мануфактуры относительно ремесленника. А рост производительности в сотни и тысячи раз честно насчитал А. Смит, когда сравнивал производство в мануфактуре с возможностями «неумелого человека», а не профессионального ремесленника.

Но рост производительности в десятки раз — уже огромный шаг вперед. Его могла обеспечить только самая передовая технология того времени. Скорее всего, это было использование кассетного закрепления заготовок и специальных ручных приспособлений на каждом рабочем месте.

Второе утверждение А. Смита о существовании врожденной склонности человека к обмену также важно рассмотреть для понимания роли технологий в появлении денег.

Как констатировалось выше, 200 тыс. лет первобытные племена обходились без межплеменного и внутриплеменного обмена. Был обмен, но только дарами [Семенов, 1989]. То есть не существовал обмен, который правильно определить как экономический, или коммерческий.

В уже упоминавшейся выше работе В. Дольника «Непослушное дитя биосферы» излагаются результаты науки, возникшей только во второй половине XX в.. В частности, речь идет о врождённых программах человека [Дольник, 2013].

«...Наконец, шестая программа — обмен. Он развит у обезьян и некоторых вороновых. Меняются животные одного ранга. У обезьян и ворон обмен всегда обманчив: у них есть очень хитрые программы, как обдурить партнера, подсунуть ему не то, захватить оба предмета, которыми начали меняться, и т. п. У человека обмен тоже развит, и подсознательная его сторона — обязательная выгода («не обманешь — не продашь»). *Честный взаимовыгодный обмен — позднее достижение разума, борющегося с мошеннической инстинктивной программой.*

То есть никакой врожденной, или генетически обусловленной, программы честного обмена у человека не могло возникнуть до того, как он перешел к экономическому (честному) обмену. А следовательно, и переход к нему никак не может быть объяснен врожденной склонностью к обмену [Дольник, 2013. С.236].

Вместе с тем, та же наука «этология» однозначно доказывает, что человеку, как любому живому существу, генетически присущи программы: продолжение рода, стремление к лидерству, стремление к максимизации потребления благ и т.п. А у отдельных представителей человека разумного возникает и программа обеспечения собственной значимости за счёт выделения среди соплеменников своей полезностью для общества. Это, может быть, ловкость, владение ремеслом или способность к творчеству и, в частности, изобретательству.

Последнее обстоятельство позволило человеку освоить технологии земледелия и перейти от кочевого образа жизни к осёдлому.

То есть *первопричину возникновения технологий объясняет генетическая программа.* Она подталкивает человека эмпирически находить, а потом использовать эффективные технологии производства оружия, средств потребления, а также снижения любых видов затрат, связанных с обеспечением производственного процесса. В частности, затрат на реализацию произведенной продукции. И, как будет показано ниже, без института денег эти затраты настолько возрастают, что использовать любые эффективные технологии становится невозможным.

4. Оценка экономической эффективности института денег

Чтобы дать оценку эффективности института денег, необходимо сравнить издержки обращения в рамках денежной системы и в условиях натурального обмена. Естественно, оценка может быть только ориентировочной. Например, Адам Смит получил оценку роста производительности при производстве булавок в диапазоне от 200 до 4800 раз (см. выше),

предположив, что люди, которые «не были приучены к этой специальной работе» самостоятельно могли бы изготовить от 1 до 20 булавок в день. То есть он использовал субъективную оценку и очень широкий диапазон её значений.

Как известно, в экономической литературе издержки обмена товарами и услугами называют издержками обращения (conversion), обмена (exchange), или обобщенно, транзакционными издержками. Так что будем применять все три термина, используемые цитируемыми в статье авторами.

Для сравнения издержек обращения в присутствии и отсутствии денег сгенерируем модели возникновения издержек в этих двух ситуациях. Для этого оценим объем издержек одного и того же предприятия — мануфактуры производства булавок А. Смыта, при наличии и отсутствии денег.

Первая модель оценивает издержки обмена в рамках денежной системы (рис. 1).

В этом случае принимаем допущение, что издержки обмена пропорциональны количеству транзакций. Тогда, приняв себестоимость производства месячной партии булавок за P_0 и обозначив норму прибыли производителя булавок как K , получим цену P_1 партии булавок после первой транзакции как: $P_1 = KP_0$, а после N транзакций получим $P_N = K^N P_0$.

Значение современной нормы прибыли промышленных предприятий варьируется очень широко, примем, что она укладывается в диапазон $K = 1,2 - 1,6$, а в среднем в 1,4. Количество транзакций N можно оценить как 2–6, в среднем 4. Тогда цена в розницу месячной партии $P_N = 1,44$ или $P_N = 3,84P_0$. Округленно, отношение цены продаж к себестоимости: $P_N \div P_0 = 4$.

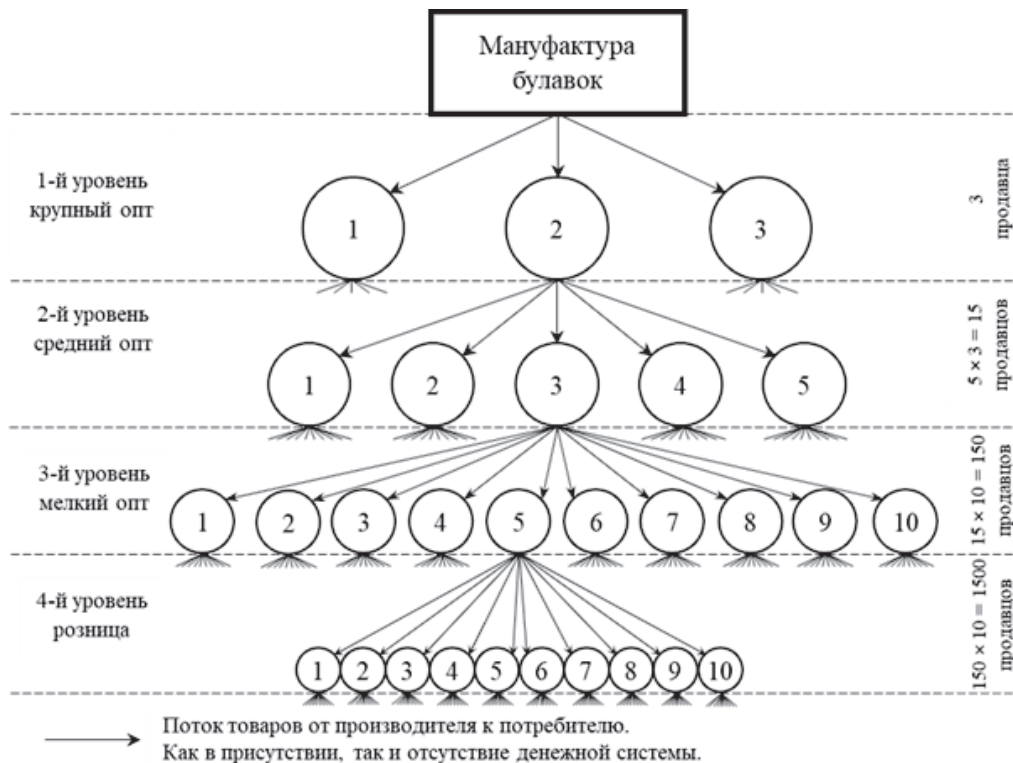

Рис. 1. Модель системы оптово-розничной торговли в условиях денежной системы

Вторая модель оценивает издержки в условиях натурального обмена (рис. 2).

Она отличается от первой тем, что при одинаковой, вынужденно многоступенчатой структуре системы продаж необходимо обеспечить не только собственно поток продаж, но и возврат натуральных продуктов от конечного покупателя к производителю.

Чтобы оценить соотношение $P_N \div P_0$ при отсутствии денежной системы, построим модель оптово-розничной торговли для рассматриваемой мануфактуры булавок.

Для начала рассчитаем её месячный выпуск. Он получится при умножении дневного выпуска в 48 тыс. булавок на число рабочих дней в месяце. Округлив 48 тыс. булавок до 50 тыс., а число рабочих дней до 20, получим 1 млн. булавок в месяц.

В маленьком шотландском городке едва ли можно продать за месяц даже 500 булавок, значит, партия в миллион булавок должна быть распространена на достаточно большой территории. То есть система продаж должна включать наличие крупных, средних и мелких оптовиков, а также розничных торговцев.

На первом шаге продажи будут осуществляться производителями крупным оптовикам в разных концах страны, а также и на экспорт (такие булавки широко используются в мире и получили название английских). Задача крупных оптовиков — продать булавки средним, средние — мелким, а мелкие — розничным торговцам. Если считать, что крупных оптовиков трое, на каждого из них приходится пять средних, а на каждого из средних 10 мелких, то получится всего $3 + (3 \cdot 5) + (15 \cdot 10) = 168$ оптовых торговцев. Приняв, что с каждым мелким оптовиком связаны 10 розничных продавцов, получим 1680 продавцов. То есть на каждого из них придется по 600 булавок, что уже можно продать за месяц в небольшом городе.

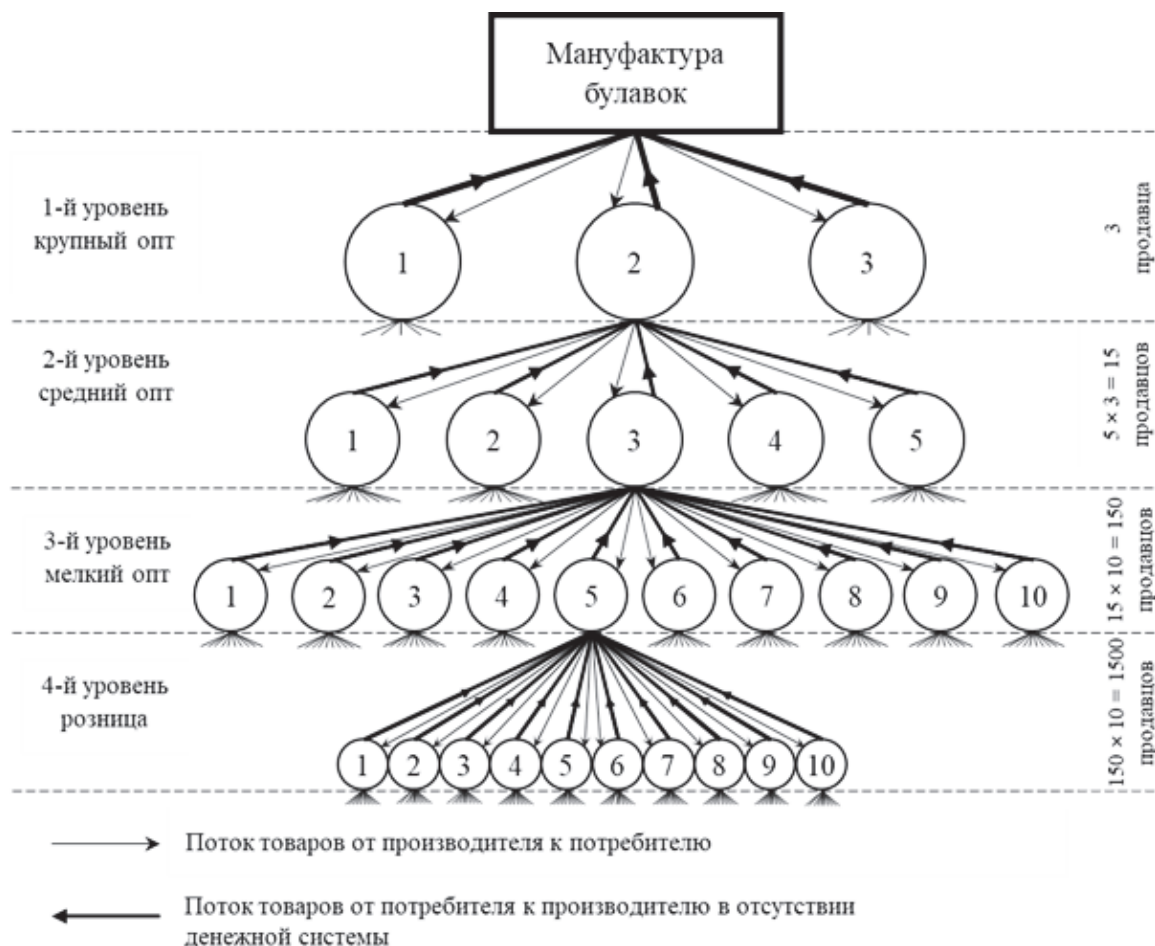

Рис. 2. Модель системы оптово-розничной торговли при отсутствии денежной системы

Смоделируем издержки обмена продукции мануфактуры булавок в условиях натурального обмена. Будем считать, что в этой ситуации процесс продажи (обмена на товары, необходимые мануфактуре) происходит в два этапа. На первом этапе булавки только передаются от производителя к оптовикам по ступеням, а далее к розничным торговцам, также, как это делается в рамках денежной системы (рис. 1). Но продажа произойти не может, так как всю оплату булавок должны обеспечить конечные покупатели.

На втором этапе конечные продавцы должны получить от покупателей блага, необходимые владельцам мануфактуры и её работникам, а также всем посредникам, участвующим в цепочке доставки булавок покупателям.

Сначала оценим *издержки первого этапа* обмена при передаче месячной партии булавок от производителя к розничному продавцу. Упрощая ситуацию, примем, что издержки обращения будут такими же, как и при обращении в рамках денежной системы: то есть четыре ступени продаж и размер цены в четыре раза превосходящий себестоимость.

На *втором этапе* происходит обмен булавок на продукты, одежду, стройматериалы и прочие блага, необходимые для жизни работников и владельцев мануфактуры, а также их семей, на месяц. Сюда же входит и прибыль собственников. Кроме того, в оплату булавок входят все доли посредников.

Когда натуральный продукт попадет в мануфактуру, завершается полный круг обменов (рис. 2). Но издержки каждой обратной транзакции в отсутствие денег будут не такие, как при денежной системе. Действительно, на уровне розничных продаж необходимо выбрать, сохранить, произвести транспортировку и передачу продуктов, полученных за булавки, вверх по ступеням торговли. Это несравненно сложнее, чем обменять их на денежные купюры или монеты.

Предположим, что в каждой из транзакций (рис. 1) издержки обмена одной булавки на всех оптовых уровнях станут в 2–4 раза выше себестоимости её производства (в среднем в 3 раза), а на уровне розницы в 6–10 раз (в среднем в 8 раз). Разница в издержках на последнем и остальных уровнях связана с тем, что именно на нем происходят сбор, сортировка, упаковка, первичное хранение и доставка предыдущему уровню посредников.

Тогда на оптовых уровнях издержки в среднем возрастают в $33 = 27$ раз, а на розничном уровне в 8 раз, или всего в $27 \times 8 = 216$ раз. То есть цена булавки должна вырасти в эти же 216 раз. Причем, при реальном росте производительности на мануфактуре в 10–50 раз (см. предыдущий раздел) издержки производства можно снизить только в 3–15 раз. Больше не дадут не меняющиеся при любом росте производительности постоянные издержки. То есть допустимое снижение цены по сравнению с ремесленником никак не позволит мануфактуре с ним конкурировать.

Действительно, высокий рост производительности означает точно такой же рост объемов выпуска. При огромных издержках обращения и компенсирующих их ценах продать необходимый объем продукции не удастся. Это означает, что без денежной системы мануфактура булавок даже не будет создана при любом потенциальном росте производительности.

В работе «Закон роста экономически обоснованных объемов выпуска продукции» [Юсим, Дворцин, Алперин, 2005] доказывается, что с ростом производительности технологический возрастает минимальный объем выпуска продукции, необходимый для безубыточной работы предприятия. Логика такого утверждения проста. Как правило, чем эффективней (производительней) технология (комплекс оборудования), тем выше её цена на рынке и тем дороже её техническое обслуживание. Чтобы окупить такую технологию, необходимо увеличить выпуск и продажу продукции относительно устаревшей технологии. То есть *на каждом шаге технического прогресса возникает как возможность, так и необходимость в увеличении объемов выпуска продукции.*

Так, к 1980 г. производительность производства булавок по сравнению с мануфактурой Адама Смита выросла в 167 раз ($800\,000 \div 4800 = 167$ раз.)². Но даже такой рост произ-

² Чарльз Бэббидж... в 1832 г. принялся изучать фабрики по производству булавок. Он обнаружил, что каждый рабочий делает более восьми тысяч штук за один день. В течение дальнейших 150 лет технического развития производительность выросла в 100 раз, составив 800 тысяч булавок на работника в день, согласно проведенному в 1980 г. исследованию кембриджского экономиста Клиффорда Праттена. ludirosta.ru/post/bulavki-i-ekonomicheskaya-teoriya_400 (дата обращения 25.11.2020).

водительности современного производства не позволил бы ему конкурировать с ремесленником в условиях натурального обмена.

То есть именно деньги сняли мощное ограничение на требование роста объемов сбыта вместе с ростом эффективности технологий и тем самым открыли возможность технического прогресса.

Перспектива трансформации действующей денежной системы

Из вышеизложенных представлений о первопричине возникновения денег два теоретических положения вытекают.

Первое — это первичность функции «мера стоимости» как базы для возникновения денег. Второе — это спонтанное возникновение единства покупательной способности всех однотипных денежных единиц, находящихся в обращении, в каждый момент времени.

Оба положения вытекают из представлений Карла Менгера о механизме возникновения денег, приведенных выше.

Менгер описывает типичное поведение человека, реализующего свой экономический интерес с помощью процесса обмена и как следствие получается, что функция, создавшая деньги — это «средство обмена». Но аргументы о первичности функции «мера стоимости» заставляют уточнить позицию учёного и сделать далеко идущие выводы.

Если деньги — «мера», то смысл их использования возникает только тогда, когда все меры одинаковы. Возникает вопрос: а какой же механизм обеспечивает равенство мер? Выше было аргументировано, что это механизм арбитража.

Но следующий уровень анализа требует принять или опровергнуть требование метрологии о необходимости использования эталона единицы покупательной способности для обеспечения равенства мер. Причем в случае с эталоном стоимости это виртуальная и субъективная для каждого участника обмена величина.

Тогда о каком эталоне единицы покупательной способности может идти речь? Ответ на этот вопрос дают теоретические выводы и практические результаты теории вероятности. Покажем это на примере казино, которое должно выигрывать теоретически и, в среднем, всегда выигрывает на практике.

Эдвард Торп [Торп, 2017] показал, как точно работают законы вероятности на достаточно больших выборках. Он обнаружил ситуации, при которых вероятность выигрыша у игрока выше, чем у казино. Теоретический вывод подтвердила практика. Торп стал обыгрывать казино в Лас Вегасе.

Точно также статистически достоверно работает механизм выравнивания значений реальных мер стоимости — денежных единиц. То есть развитие товарных отношений потребовало использования эталона стоимости, и люди стихийно его создали.

Задолго до нашей эры внутри конгломератов поселений в границах дневной шаговой доступности, как минимум в Китае, [Бродель, 1993] стало формироваться устойчивое значение меры (единицы) стоимости — денежной единицы.

Значение меры, например овцы, стало приниматься за единицу стоимости в актах обмена. А цены всех остальных благ возникали случайно, в результате торга, но выражались в единицах стоимости — овцах.

Постепенно, благодаря механизму арбитража, разброс значений цен всех товаров, кроме овцы, стал снижаться. Стоимость же овцы стала использоваться как единица стоимости, или константа. Это означает, что два участника акта обмена получили возможность выразить цену товара в значении формально одинаковых, но субъективно разных единицах, или значениях меры стоимости. Это и есть момент возникновения денег.

Главный вывод из вышеизложенного: миллиарды транзакций высочайшей эффективности обеспечивают меры стоимости (деньги). А долгосрочная эффективность транзакций тем выше, чем устойчивей значение меры стоимости. Кризисы, потеря сбережений, неравномерность доходов, спад экономической активности — прямое или косвенное следствие неустойчивости покупательной способности денег.

Принципиально устойчивость любой меры обеспечивает только реальный эталон. Следствием осознания этого факта стало появление золотого стандарта. Но практика его использования показала его нежизнеспособность.

Национальные независимые эталоны стоимости должны появиться сразу после того, как придет осознание, что цивилизация уже давно их использует. Действительно, методы расчёта значений инфляции, паритета покупательной способности, сравнения ВВП стран в долларах Гири-Хамиса, по существу, используют эталоны покупательной способности. Пока эталоны временные, не самые точные, официально не принятые, но эталоны.

Например, при расчёте инфляции за эталон покупательной способности принимается стоимость (цена) P_0 определенной корзины благ в момент времени t_0 . В последующий момент времени t_1 корзине соответствует покупательная способность уже P_1 денежных единиц. То есть возникает другая цена корзины. Инфляцией считается выраженный в процентах относительный прирост цены корзины $(P_1 - P_0) \div P_0$.

В каждом из таких случаев инфляция рассчитывается относительно некоторого значения стоимости корзины продуктов. При этом начальная стоимость корзины молчаливо подразумевается неизменной, то есть эталоном. От официального эталона стоимости этот временный эталон отличается только одним: официальный эталон признан официально, а временный — нет.

Вместе с тем, наилучшим из возможных эталонов меры стоимости будет корзина товаров. Это объясняется, во-первых, тем, что множество товаров корзины представляют достаточно репрезентативную выборку цен различных товаров, за каждой из которых стоит денежная единица.

Если исходить из того, что покупательная способность денежной единицы всегда одинакова, а цены меняются, то значение единицы стоимости, полученное как среднее из множества цен, будет значительно точнее, чем её значение, соответствующее какому-нибудь одному товару, например золоту, нефти или бигмаку.

Сделанное утверждение можно пояснить следующим примером. Пусть за меру (единицу) стоимости принята овца. А так как все овцы разные, то на рынке их цены будут разными. Но стадо из ста разных овец будет представлять стоимость средней овцы (меру стоимости) значительно точнее, чем каждая отдельная овца. Кроме того, погрешность измерений одного объекта уменьшается с ростом числа измерений [Рабинович, 1978]. А так как множество цен товаров корзины формируется одной мерой стоимости, погрешность оценки меры будет уменьшаться с ростом числа товаров корзины.

Также следует учесть, что оценка изменения текущей покупательной способности меры стоимости предполагает неизменность вкусов и предпочтений потребителей благ, которые остаются неизменными при изменении покупательной способности денежной единицы. Но так как цены разных товаров меняются по-разному, то можно говорить только об усредненных изменениях цен.

Эффективность использования корзины товаров для оценки инфляции уже сейчас однозначно оценила практика. Альтернативы ей ни в настоящее время, ни в будущем не просматриваются. Так же не видно альтернативы бивалютной национальной денежной системе, в которой будут функционировать как современные фиатные деньги, так и эталонные деньги с неизменной покупательной способностью [Юсим, Свирчевский, Тархова, 2016].

Заключение

Авторитетные современные исследователи утверждают, что действующая денежная система отстала от требований времени [Кузнецов, 2018; Mundell, 2012; Винокуров, Демиденко, Коришунов, 2017; Звонова, Кузнецов, 2017]. И действительно, считается, что за последние несколько тысяч лет были только два вида денежных систем: металлического обращения и обращения денежных знаков. Но, как было показано выше, развитие технологий заставило создать денежную систему, изменить её вид, и оно же заставит перейти на новый класс денежных систем.

Авторская позиция по двум дискуссионным вопросам теории денег уточняет представления о первичности одной из функций и возможности создания эталона покупательной способности денег.

Кроме того, предложен вариант количественной оценки роли денежной системы в развитии человеческой цивилизации и показано, что удивительный прогресс в надежности, удобстве пользования, возможностях и, как следствие, росте эффективности денежной системы не затронул принципа её действия. Это означает, что денежная система развивалась революционно внутри своих подсистем (передачи и хранения информации, скорости их обработки, удобства использования). То есть, если ничего не менять, впереди убывающие темпы развития [Дворцин, Юсим, 1993].

Решают проблему революционные изменения. Но они всегда связаны с корректировкой основ. Направление такой корректировки — создание искусственного эталона покупательной способности денежной единицы.

ЛИТЕРАТУРА

- Асалиев А.М., Юсим В.Н. (2012). Наднациональная мировая валюта и эталон покупательной способности // Экономика устойчивого развития. №3. С. 26–40.
- Бродель Ф. (1993). Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма.
- Бродель Ф. (2008). Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир.
- Винокуров Е.Ю., Демиденко М.В., Коришунов Д.А. (2017). Потенциальные выгоды и издержки валютной интеграции в Евразийском экономическом союзе // Вопросы экономики. № 2. С. 75–96.
- Гогохия Д.Ш. (2019). Деньги как ликвидный актив: теория и история // Вопросы теоретической экономики №2. С. 7–20.
- Дворцин М.Д., Юсим В.Н. (1993). Технодинамика. Основы теории формирования и развития технологических систем. М.: Международный фонд истории науки «Дикси».
- Джевонс У.С. (2005). Деньги и механизм обмена. Челябинск: Социум.
- Дольник В.Р. (2013). Непослушное дитя биосферы. М.: МЦНМО.
- Звонова Е.А., Кузнецов А.В. (2017). Наднациональные подходы к регулированию глобальных финансовых дисбалансов // Мировая экономика и международные отношения. Т. 61. № 6. С. 67–76.
- Кузнецов А.В. (2018). Наднациональное валютное регулирование: теоретические и практические подходы // Финансы и кредит. Т. 24. № 4. С. 191–208.
- Кузнецов А.В. (2019). Проблемы формирования многополярной финансовой системы в условиях централизации глобального капитала // Мир новой экономики. Т. 13. №2. С.70–79.
- Менгер К. (2005). Основания политической экономии. М.: ИД Территория будущего.
- Петрикова С.М. (2006). Сущность, функции и теории денег в экономической науке // Финансы и кредит. №22 (226). С. 17–27.
- Рабинович С.Г. (1978). Погрешности измерений. Л.: Энергия.
- Семенов Ю.И. (1989) Экономическая антропология // Этнология в США и Канаде / Ред.: Е.А. Веселкин, В.А. Тишков. М.: Наука. С. 62–85.
- Смит А. (2007). Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо.
- Торп Э. (2017). Человек на все рынки: из Лас-Вегаса на Уолл-стрит: Как я обыграл дилера и рынок. М.: КоЛибри.
- Юсим В.Н., Дворцин М.Д., Алтерин С.В. (2005). Закон роста экономически обоснованных объемов выпуска продукции // Экономический анализ: теория и практика. № 7. С. 8–13.

- Юсим В.Н., Свирчевский В.Д., Тархова Л.С. (2016). Задача создания независимой наднациональной валюты и её решение // Научные исследования и разработки. Экономика. № 1. Т. 4. С. 8–17.
- Mundell R. (2012). The Case for a World Currency // Journal of Policy Modeling. No. 4. Vol. 34. Pp. 568–578.
- Stiglitz J.E. (2007). Making Globalization Work. New York, London: W.W. Norton & Company.
- Steil B. (2013). The Battle of Bretton Woods: John Maynard Keynes, Harry Dexter White, and the Making of a New World Order. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Wilkie C. (2011). Special Drawing Rights (SDRs): The First International Money. Oxford University Press.

Юсим Вячеслав Наумович

vn62@yandex.ru

Vyacheslav Yusim

Doctor of Economics, professor, Department of Industrial Economics of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

vn62@yandex.ru

THE ROOT CAUSE OF THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF MONEY³

Abstract. The article discusses a number of controversial problems of the theory of money related to their origin and, as a consequence, the basic direction of development. The first of the considered problems is a position that challenges the generally recognized leading role of the function of the measure of value in the emergence of money. The second problem is the paradox of money as a single measure of value in a situation where the real idea of the value of a good is different for each consumer. The third problem is the substantiation of the factor that activated the process of the emergence of money in the past and makes it necessary to improve it at the present time. Concludes the consideration of topical problems of the theory substantiation of a quantitative assessment of the economic efficiency of the institution of money in the modern world.

The general result of the analysis of the considered problems was the conclusion about the direction and relevance of the transformation of modern monetary and international monetary systems in the near future.

Keywords: *money, theory of money, measure of value.*

JEL: E40, E42.

REFERENCES

- Asaliev A., Yusim V. (2012). Nadnatsionalnaya mirovaya valyuta i etalon pokupatelnoy sposobnosti [Supranational world currency and the standard of purchasing power] // Ekonomika ustoychivogo razvitiya. No. 11. Pp. 26–40.
- Brodell' F. (1993). Dinamika kapitalizma [The dynamics of capitalism]. Smolensk: Poligramma.
- Brodell' F. (2008). Grammatika tsivilizatsiy [The grammar of civilizations]. M.: Ves' mir, 2008.
- Gogokhiya D.Sh. (2019). Den'gi kak likvidnyy aktiv: teoriya i istoriya [Money as a liquid asset: theory and history] // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. №2. Pp. 7–20.
- Dvortsin M.D., Yucim V.N. (1993). Tekhnodinamika. Osnovy teorii formirovaniya i razvitiya tekhnologicheskikh system [Technodynamics. Fundamentals of the theory of formation and development of technological systems]. M.: Mezhdunarodnyy fond istorii nauki «Diksi».
- Jevons S. (2005). Den'gi i mekhanizm obmena [Money and exchange mechanism]. Chelyabinsk: Sotsium.
- Dol'nik V.R. (2013). Neposlushnoye ditya biosfery [The naughty child of the biosphere]. M.: MTSNMO.
- Kuznetsov A.V. (2008). Nadnatsional'noye valyutnoye regulirovaniye: teoreticheskiye i prakticheskiye podkhody [Supranational currency regulation: theoretical and practical approaches] // Finansy i kredit. T. 24. № 4. Pp. 191–208.
- Kuznetsov A.V. (2019). Problemy formirovaniya mnogopolyarnoy finansovoy sistemy v usloviyakh tsentralizatsii global'nogo kapitala [Problems of the formation of a multipolar financial system in the context of the centralization of global capital] // Mir novoy ekonomiki. Vol. 13. No. 2. Pp. 70–79.
- Menger K. (2005). Osnovaniya politicheskoy ekonomii. [Foundations of Political Economy]. M.: Territoriya budushchego.
- Petrikova S.M. (2006). Sushchnost', funktsii i teorii deneg v ekonomicheskoy nauke [Essence, functions and theories of money in economic science] // Finansy i kredit. No. 22 (226). Pp. 17–27.

³ The reported study was funded by RFBR, project number 20-010-00709\20.

- Rabinovich S.G.* (1978). *Pogreshnosti izmereniy* [Measurement errors]. L.: Energia.
- Semenov Yu.I.* (2004). *Ekonomicheskaya antropologiya* [Economic anthropology] // *Ethnology in the USA and Canada*. / Eds.: Veselkin, Tishkov. M: Nauka. Pp. 62–85.
- Smith A.* (2007). *Issledovaniye o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [Research on the nature and causes of the wealth of nations]. M. :Eksmo.
- Torp E.* (2017). *Chelovek na vse rynki: iz Las-Vegasa na Uoll-strit: Kak ya obygral dilera i ryok* [Man to All Markets: From Las Vegas to Wall Street: How I Beat the Dealer and the Market]. M.: KoLibri.
- Yusim V.N., Dvortsin M.D., Alperin S.V.* (2005). *Zakon rosta ekonomicheskii obosnovannykh ob'yemov vypuska produktsii* [The law of growth of economically justified volumes of production] // *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*. № 7. Pp. 8–13.
- Yusim V.N., Svirchevskiy V.D., Tarkhova L.S.* (2016). *Zadacha sozdaniya nezavisimoy nadnatsional'noy valyuty i yeye resheniye* [The task of creating an independent supranational currency and its solution] // *Nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Ekonomika*. № 1. Vol. 4. Pp. 8–17.
- Mundell R.* (2012). *The Case for a World Currency* // *Journal of Policy Modeling*. No. 4. Vol. 34. Pp. 568–578.
- Stiglitz J.E.* (2007). *Making Globalization Work*. New York, London: W.W. Norton & Company.
- Steil B.* (2013). *The Battle of Bretton Woods: John Maynard Keynes, Harry Dexter White, and the Making of a New World Order*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Wilkie C.* (2011). *Special Drawing Rights (SDRs): The First International Money*. Oxford University Press.

В.С. Мартьянов

*к.полит.н., доцент, директор Института философии и права
УрО РАН, Екатеринбург*

БЛЕСК МЕТАФОР И ПОНЯТИЙНАЯ РЕЛЯТИВНОСТЬ МЕЙНСТРИМА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК¹

Аннотация. Понятия политологического и экономического мейнстрима в значительной степени обусловлены преобладающей социальной онтологией. Они связаны с интересами ключевых социальных групп, чьи перспективы видения общества как целого, выраженные в корпусе священных научных текстов, определяют общественные нормы, иерархии приоритетов, доминирующие ценности и институты. Соответственно, задачи общественных наук как социального института не сводятся к поиску эмпирически верифицируемых истин, но явно или неявно предполагают моральные выводы о должном, о благе для конкретного общества и человечества. Эти утверждения связаны с экстраполяцией претендующих на универсальность представлений и интересов исторически преходящих социальных групп. Поэтому истины общественных наук всегда являются релятивными соглашениями сообществ (социальными конструктами), подлежащими периодическому пересмотру. В настоящее время критика ценностных оснований общественного согласия, зафиксированная в западном мейнстриме, актуализирована глобальной трансформацией социальной онтологии. Принципы распределения коллективных ресурсов все менее связаны с капитализмом, рынком, демократией, которым все труднее выполнять обещания о развитии и росте доступных ресурсов для большинства населения в условиях усиления экономического неравенства и свертывания модели всеобщего благосостояния. Это ведет к падению убедительности экономических и политологических понятий и концепций, легитимирующих нормативный социальный порядок, всё чаще действующий не в интересах большинства. Растет численность социальных групп, не ориентированных в своей жизнедеятельности на рыночные ресурсы. Усиливается интенсивность их запроса на альтернативные принципы социальной стратификации и распределения ресурсов, связанные не с классово-рыночно-демократическими регуляторами, но с властными иерархиями рентно-распределительных механизмов. Ключевая для западного мейнстрима метафора рынка (демократии) все чаще вытесняется феноменологией дистрибутивных ресурсных взаимодействий, опосредуемых государством

Ключевые слова: мейнстрим, истина, метафора, стратификация, демократия, рынок, рентноориентированное поведение, рентное общество, легитимация, социальная онтология, классовый интерес.
JEL: B41, B52.

DOI: 10.24411/2587-7666-2021-10102.

О чем на самом деле говорят политические и экономические классификации?

Науки об обществе имеют метапарадигмальные основания, сформировавшиеся до их дисциплинарного разделения, из которых проистекают базовые представления о человеке и обществе, сакральном и профанном [Фишман, 2004]. При этом любые социальные теории и модели являются лишь убедительными или неубедительными интерпретациями реальности в перспективе интересов и жизненного мира тех или иных социальных групп. Фундаментальная несводимость оценок социальных фактов к самим фактам не позволяет

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.

установить окончательной и принципиальной разницы между *научными* парадигмами, теориями, концепциями, с одной стороны, и сказками, мифами и баснями — с другой, как описательными нарративами, опирающимися лишь на непрочный консенсус признающего их таковыми сообщества [Ореховский, 2018. С. 34]. Это создает вечно скандальную ситуацию в историческом движении познания, связанную с тем, что смена консолидирующих парадигм происходит в виде разоблачения господствующих *научных* языков описания как идеологий/мифов/сказок в пользу конструирования новых *языков научного описания*, чью мифологическую/архетипическую картину мира только предстоит деконструировать когда-нибудь в будущем. Для *социальных фактов* процедуры удостоверения истины и проверки подлинности нарратива могут варьироваться и никогда не сводятся к принципам удостоверения истины только с помощью статистики или *естественнонаучного эмпиризма*, определившего научную картину природы, но не самого общества Нового времени [Латур, 2006. С. 79]. Разные дискурсы со своими процедурами верификации и легитимации действуют параллельно, создавая множественность интерпретаций социальной реальности и способов их подтверждения. Более того, подавляющая часть современного знания исследователей об обществе не является частью их личного опыта, будучи опосредованным и воспринимаемым на веру как *естественное коллективное воображаемое*, как части привычной картины мира, каковой для Средневековья были рай и ад, черти и ангелы, плоская Земля и сословность и т.д. Поэтому действительно важной проблемой являются не столько разной степени успешности попытки обоснования единственно правильного дискурса и подтверждающих его процедур, сколько понимание закономерностей и причин, по которым одни дискурсы теряют убедительность, а другие её приобретают, перемещаясь в центр обществоведческого мейнстрима.

С конца XVIII — начала XIX вв. предполагается, что вместо нераздельного поиска истины, добра и красоты автономная наука в модерном обществе будет иметь *монополию на поиск истины*, поставив в своей центр естественнонаучные количественные и эмпирические методы. Однако это разделение так и осталось нереализованным, по крайней мере, в области социальных и гуманитарных наук: «и теология, и философия традиционно претендовали на постижение *как того*, что есть истина, *так и того*, что есть благо. Эмпирическая наука считала, что не располагает средствами, позволяющими отделять хорошее [от плохого], она считала своей прерогативой только установление границы между истинным [и ложным]. Люди науки изящно снимали эту проблему с повестки дня, утверждая, что намерены заниматься только поиском истины, а поиск блага готовы полностью отдать на откуп философам (и богословам)... В конечном счёте некоторые заявляли даже, что невозможно определить, что есть благо; можно лишь определить, что истинно». [Валлерстайн, 2004. С. 251].

Новейшие методологические подражания мейнстрима общественных наук наукам о природе, призванные укрепить *контроль над истиной*, осуществляются в виде широкого использования математических и экспериментальных методов, которые призваны создать иллюзию объективности целей и непредвзятости результатов. Однако уподобление естественным наукам является весьма условным, так как в общественных науках субъект всегда неотделим от исследуемого предмета. Подобная включённость может не осознаваться, но всегда остается проблемой, требующей решения. Оно осуществляется в области этического самоопределения исследователя, путем сознательного или бессознательного выстраивания ценностной иерархии, которая является неустранимым элементом всей его деятельности. Сколь угодно изошёренные процедуры объективации, формализации, обобщения и математизации неспособны элиминировать субъектные ценностные иерархии. Более того, сам отказ от признания своей вовлечённости в изучаемый объект является ясным признанием идеологического характера дискурса познающего субъекта.

Постоянно претендуя на нейтралитет, объективность, незаинтересованность и автономию как необходимые условия авторитетного научного дискурса об обществе, общественные науки, тем не менее, всегда параллельно вырабатывали и представления о *благ*е и *должном* обществе. Критерии неангажированности социальных мыслителей всегда остаются релятивными и представляют не более, чем подвижный компромисс между принципами отстраненной (объективирующей) научности и онтологической вовлеченностью учёных в изучаемый предмет, частью которого они являются [Валлерстайн, 2016. С. 258–278]. Именно отсюда берет начало отрефлексирующая М. Вебером традиция противоречивого метания исследователей между социальными позициями *учёного*, *ограничивающегося фактами*, и попытками прямого влияния на общество в качестве *политиков*, *авторитетов* и *экспертов*, направленными на обоснование его желательных изменений.

Неизбежная релятивность социального знания заключается в том, что категории описания социального порядка (и шире — *жизненного мира*) убедительны в силу явного или неявного соглашения (консенсуса) ключевых социальных групп относительно иерархии *справедливой несправедливости* распределения ресурсных потоков общества между составляющими его группами, исходя из их общественной *полезности*. Достигнутый консенсус сам по себе обеспечивает *ясность* и *убедительность* описания политического, экономического и культурного порядка в обществоведческом мейнстриме, который связан с позициями доминирующих субъектов и нацелен на обеспечение устойчивого статус-кво. Нарушение достигнутого равновесия в распределении разнообразных ресурсов (падение нормы прибыли, пределы социального государства, перераспределение рент, изменение принципов стратификации, распад старых и образование новых групп и т.д.) обуславливает потребность обновления представлений о *справедливом обществе*, которые легитимировали бы происходящие изменения социальной онтологии. В подобной перспективе представляется справедливым, что «политическую теорию лучше всего мыслить как последовательную социальную критику. Последняя волей-неволей оказывается предписывающей, ведь она касается теоретических объяснений условий нашего существования, а также возможности или желательности их изменения, кроме того, она неминуемо дескриптивна, так как это критика конкретного набора переменных — изменяющихся отношений дефицита, власти и пределов, определяющих условия социальной интеракции людей. Не то чтобы сугубо концептуальные компоненты никогда не могут стать предметом аналитической дискуссии, просто сама эта дискуссия никуда не приведёт, так как она будет представлять собой обсуждение частей сложных концептов, как если бы эти части представляли собой самодостаточное целое» [Шапиро, 2011. С. 303].

Соответственно, общественные науки не столько познают социальные закономерности, сколько конструируют *большое общество*, легитимируя иерархическую структуру коллективных гегемонов и бенефициаров подобного общественного устройства. В ситуации перехода от одного общественного порядка к другому усиливается гетерархия, появляются различные ценностно-институциональные альтернативы. Упадок мейнстрима представляет собой следствие глобальной перестройки сложившихся ранее властных, экономических, институциональных, интеллектуальных и моральных иерархий. И как кризис он осмысливается только теряющими привычные позиции лидерами разрушающихся иерархий, в то время как поднимающиеся центры силы и общественные классы устанавливают новые социальные нормы и правила.

Таким образом, ценности и понятия мейнстрима имеют онтологические и исторические обоснования, находящиеся в процессе постоянных изменений. Либерализм в основе политического проекта Модерна означал общий отказ от неизменных культурных ценностей в пользу перманентных социальных трансформаций, интенсивной вертикальной и горизонтальной мобильности, рефлексивной социальности, роста пространств автоно-

мии индивидов — всего того, что прямо противоречит содержанию привычных культурных и социальных регуляторов домодерных обществ. Конкуренция разных ценностных оснований политических классификаций и описывающих категорий связана не только с методологической релевантностью предлагаемых описаний, но всегда имеет дополнительное легитимирующее (идеологическое) измерение. Всегда убедительнее теории, интерпретации фактов и языки описания, которые предлагаются бенефициарами существующего социального, экономического, культурного порядка в национальном или глобальном измерении. Эти теории гораздо чаще повторяются в разных информационных источниках (книги, журналы, телевизор, Интернет, социальные сети и т.д.). Их представляют субъекты и источники, обладающие социальным и символическим капиталом, который базируется на учёных степенях и званиях, почетных наградах, позициях в ведущих ВУЗах и академических институтах. Следование учёных и преподавателей доминирующим теориям поощряется экономически как оптимальный рациональный выбор, влекущий наибольшие дивиденды. Мейнстримные теории, лежащие в основе редакционной политики и картины мира ведущих газет, журналов, электронных СМИ и собственников социальных сетей, поддерживают иерархию социального знания, которая может быть оспорена или трансформирована только вместе с изменением самих принципов социальной стратификации и онтологии существующего политического порядка. Это проблема появления новых политически значимых коллективных субъектов, обладающих альтернативной перспективой взгляда на общество [Мартьянов, 2018].

Общества, занимающие доминирующие глобальные позиции в экономической и военной сфере, демонстрируют аналогичные позиции и в мировой иерархии культурного и символического влияния. Глобальные центры силы, власти и капитала располагают мощными средствами продвижения желательной картины мира и *должного общества*, позволяющими придать ей нормативный статус для всех остальных в дихотомической разбивке на West (Запад) и Rest (Незапад), принимаемой в качестве исходной системы ценностно-идеологических координат. Сохранение глобальной инерции западнцентричной культурной гегемонии в области общественных наук предполагает, что все альтернативные системы самоописания современных обществ и перспективы взглядов на глобальный мир будут априори считаться *отклонениями, патологиями* и уязвимыми членами бинарных оппозиций, в которых строится любое идеологическое описание.

Таким образом, власть, легитимность и научную убедительность имеет прежде всего тот, кто может навязать и поддерживать определённые категории и ценностные иерархии описания общества. В многосоставном обществе Модерна всегда существует конфликт между его понятийными описаниями в различных классовых перспективах. Аналогичный конфликт описаний мы можем увидеть и в глобальном разрезе, в центр-периферийной иерархии обществ, включенных в капиталистическую миросистему на разных условиях и ориентированных на разные доступные ресурсы. Конкуренция за контроль и передел сфер влияния и глобальных рынков всё чаще обретает вид дипломатических, политических и военных конфликтов, обостряя противостояние ведущих центров силы, в том числе на уровне нормативных описаний Модерна/Современности, критериев прогресса и принципов справедливого общества. Интерпретация любых понятий и ценностей прямо связана с проекцией далеких от универсальности интересов корпораций, классов и наций. В более мягком и функциональном виде *мягкой силы* производные иерархии обществоведческих классификаций представлены во всевозможных глобальных рейтингах, инструментально производимых и продвигаемых Западом на основании *экспертных рейтингов восприятия, то есть частных мнений правильно подобранных специалистов*. Рейтинги свободы, демократии, политического риска, конкурентоспособности, кредитный рейтинг, рейтинг привлекательности и т.д. активно влияют не только на частных инвесторов, но и не критично инкорпорируются западными

странами в качестве целевых показателей государственных программ и целей развития [Иванов, Иванова, 2015]. Замеры *качества* ключевых признаков Современности/Модерна являются вынужденной мерой, поскольку все актуальные общества тем или иным образом включены в капитализм и свободный рыночный обмен, используют демократические процедуры, реализуют либеральные принципы и институты, доминирующие после Ancien Régime сначала в Европе, а затем и во всем остальном мире.

Факторы упадка и попытки социокультурного ремонта западного мейнстрима общественных наук

Наблюдаемый упадок ценностных и смысловых координат западного мейнстрима позволяет увидеть, что его нарративы имеют ту же базовую структуру, набор субъектов и варианты их взаимодействия, что и любые *ненаучные* типы повествований — мифы, легенды, русские волшебные сказки в типологии В. Проппа. Например, «действующими лицами “микроэкономической сказки” оказываются конкуренция (положительный герой), монополия (вредитель), государственное регулирование (ложный герой), различные типы информации — полная, несовершенная, асимметричная (помощник или даритель), предпочтения, производственные и трансакционные издержки. Эти действующие лица сталкиваются между собой, реализуя различные (как правило, парные) функции “производитель — потребитель”, “фирма — наемный работник”, “спрос — предложение”, “доходы — издержки”, “оппортунизм — гарантии” (репутация) и т.д. Действующих лиц *макроэкономики* в свое время выделял Я. Корнай, определив их в рамках своего анализа как “основные болезни”: *безработица, инфляция, нарушения роста* (инвариант — *рост*), (высокий государственный) *долг, бюрократизация* (то есть *неэффективность государства*), *дефицит*, (высокое неравенство в) *распределении доходов*. Взаимодействия этих “героев” порождает множество парных функций: “рациональные ожидания — иррациональный оптимизм инвесторов”, “снижение процентных ставок — ловушка ликвидности”, “рост государственных расходов — дефицит бюджета”, “рост процентных ставок, эффект вытеснения, снижение государственных расходов — рост социальной дифференциации”, и т.д.» [Кошовец, Ореховский, 2018. С. 152].

В структурной основе обществоведческого мейнстрима, объединяющего науку и идеологию (гражданскую религию), находятся универсальные бинарные оппозиции, оптимизирующие человеческое мышление. Они позволяют создавать иерархии понятий для объяснения истинного/должного/правильного функционирования политических сообществ, перенося особенности структуры человеческого мышления на сами свойства реальности, что ведет к её упрощению. Подобное тождество обусловлено тем, что бинарные коды служат скорее удобству и экономии повседневного мышления, чем познанию. Мейнстримом предполагается, что одни сообщества имеют универсальные ценности и институты, которые необходимо взрастить в других. Для незападного мира были придуманы *вспомогательные* гуманитарные дисциплины. Это *ориенталистика*, занимавшаяся относительно самостоятельными западными странами и полуколониями Запада, и *антропология*, чьим предметом стали колонии и зависимые от западных метрополий территории. Важными целями обеих дисциплин стало оправдание и возвышение Запада через утверждения о его моральном и техническом превосходстве, которое может быть получено остальным миром только *с помощью и под управлением* Запада: «Во-первых, обе эти дисциплины рассматривали “остальной” мир, то есть тот, который в конце XIX века не был частью господствующих панъевропейских зон. Во-вторых, народы, которые рассматривались этими дисциплинами, не рассматривались в качестве “современных” (“modern”) — под этим подразумевалось, что они не имели технологий и машин, которые, как считалось, являлись важнейшими признаками современного “прогресса”. Следовательно, считалось,

что они не разделяли ценности Модерна в том виде, как они воображались и практиковались в панъевропейском мире. В-третьих же, утверждалось, что эти страны/зоны/народы не имели истории, то есть они не изменялись, не развивались, не прогрессировали в ходе исторического времени» [Валлерстайн, 2016. С. 310].

Соответственно политическое и экономическое влияние на другие страны оправдывается задачами *прогрессорства*. Обществоведческий мейнстрим, иерархически структурированный подобным образом, просуществовал в относительно неизменном виде с момента своего институционального возникновения в конце XIX в. почти до конца XX в. Важнейшую роль в разрушении этой иерархии сыграло то, что западная колониальная система изначально имела узкие временные рамки. Западные метрополии не строили иллюзий относительно исторического диапазона, отведенного на грабёж колоний, которые со временем сократят экономическое отставание и освоят передовые научные и социальные технологии, обладая несоизмеримо большим демографическим и ресурсным потенциалом. Поэтому в мейнстрим общественных наук было заложено ценностное оправдание жестокости западной колониальной политики и экспансии в виде *цивилизаторской миссии* прогрессоров. Сто лет назад подобная легитимация открыто называлась процессом цивилизации варваров.

В актуальном глобальном контексте *прогрессоры* претендуют, прежде всего, на то, чтобы воплощать онтологию ключевых понятий в виде привилегированных членов бинарных пар, которые считаются присущими им имманентно — свобода, демократия, рынок, прогресс, справедливость, передовое *классовое сознание* и т.д. Целью производства этих понятий вовсе не является практическая реализация стоящей за ними онтологии, которая ведет к овеществлению, а значит исчерпанию и профанизации утопий. Наоборот, описывающие понятия должны оставаться идеалом для других, быть недостижимой планкой для слаборазвитых, варварских обществ, чья *органическая отсталость* и *инаковость* фундируется *естественными* культурными, этнологическими и антропологическими отличиями, которые обобщаются в концепции *ориентализма*, и под которую попадают описания всех незападных обществ [Саид, 2016]. Это позволяет установить символические границы и дифференцировать область *принципиально недостижимого* для незападных обществ, которые *нуждаются в прогрессорстве*. Подобная интеллектуальная практика доминирования не может снискать широкой поддержки *в чистом виде*. Поэтому на уровне политической транзитологии она имеет адаптационный слой *теорий модернизации*, в которых утверждается обратное: варвары неизбежно станут цивилизованными и колониальное господство прекратится; рыночные и демократические институты автоматически обеспечат всеобщий подъем уровня жизни и прогресс в интересах большинства человечества.

Привлекательность этой *риторики надежды* обусловлена тем, что она частично правдива и её обещания иногда выполняются. Другое дело, что обещания, данные *гражданам, обществам* и *классам*, выполняются в ограниченном объеме и бенефициарами становятся не сами общества и классы, но лишь всё менее многочисленные представители последних [Стиглиц, 2016]. Причем как в странах центра, так и в обществах полу- и периферии капиталистической миросистемы. Соответственно освобождение колоний, интеграция колониальных элит в элиту глобальную, включение периферий в мировые рынки, формирование модели общества потребления не решают ключевых социально-экономических вопросов, связанных с преодолением расширяющегося центр-периферийного неравенства как глобального мира, так и разных измерений неравенства в отдельных обществах. В глобальном мире 1% наиболее богатых людей контролировали в 2019 г. 45% всех экономических активов человечества, демонстрируя долгосрочную тенденцию к постоянному увеличению своей доли богатства [Global wealth report, 2019. P. 13]. В мире доходное неравенство непрерывно радикализируется с начала 1980-х гг. [Доклад о неравенстве, 2018]. В России в 2018 г. 3% населения владели 90% всех финансовых активов, что опровергает любые попытки обосновать экономические возможности для роста доли среднего класса, который со времен Аристотеля

призван был быть фундаментом демократии как правления большинства [Шаповалов, 2019]. Более того, сама взаимосвязь процессов расширения среднего класса и демократизации осталась недоказанной. Многие недемократические общества, например, Китай и Россия, значительно расширили социальную базу среднего класса и уровень доходов населения, но это не привело к их демократизации в глазах Запада. Важно и то, что ресурсная база среднего класса современных обществ все чаще обеспечивается государством, а не рынком.

Умножение ведущих акторов постбиполярного мира, а также радикализация неравенств и различий внутри наций-государств и мировой экономики, ведущие к эскалации политических, экономических, культурных конфликтов, представляет большой соблазн вновь объяснить эти явления сквозь призму цивилизационной парадигмы и устойчивых культурных различий, закрепляемых в различных системах *идентичности*. Однако подобное объяснение фактически лишь работает на закрепление этих различий, подразумевая их непреодолимость и *объективный характер* следующих из них дискриминационных практик, неравенств, нормативного партикуляризма *духовных скреп*, к которым апеллируют *новые варвары*, закрепляющие свою легитимность подобной политической риторикой. Таким образом, в условиях Модерна цивилизационный дискурс имеет скорее прагматическое и популистское применение, чем является способом объяснения фоновых закономерностей, действующих на глобальное человечество.

Поскольку понятия и ценности западного политологического мейнстрима выработаны внутри исторически сложившихся иерархий (правлящего класса, культурно-религиозной традиции и т.д.), то последние начинают обладать чем-то вроде моральной монополии на признание/непризнание их *правильной* реализации в других сообществах. Поэтому теории приобщения к цивилизации в виде концепций модернизации и транзита существуют не столько с целью понять *слаборазвитые* общества, в отношении которых они применяются, сколько чтобы сделать их похожими на западные общества, выступающие в качестве целевого образца. В подобном ценностном контексте предполагается, что *модернизируемые* и *переходные* общества должны стать *похожими* на общества, монополизировавшие языки описания социальной реальности. Но именно *похожими*, а не *идентичными*, так как *оригинал* (идеал) всегда должен оставаться недостижим для его несовершенных *копий*. Логика подобной символической власти проста: признание достижений других нивелирует монополию на интерпретацию понятий, которые генерируют легитимирующий политический дискурс, будь то социалистическая формация, либеральная демократия или нечто третье. Интеллектуальная монополия Запада на Модерн/Современность позволяет поддерживать базовые механизмы иерархизации и локализации (разобщения).

Таким образом, методологическая проблема применения западного мейнстрима к *периферийным* обществам состоит в том, что он изучает не общество, которое существует *в реальности*, но то, каким оно *должно стать* в парадигме транзитологии [Carothers, 2002]. Реальная онтология периферийного общества адептов западного мейнстрима не интересует, поскольку рассматривается только в контексте патологий и отклонений от некоей универсальной нормы, заданной *концом истории* [Фукуяма, 2004]. В подобной методологической перспективе российское общество априорно и изначально относится в некие маргинальные разделы мейнстримных политических иерархий и классификаций. Все последующие исследования ведутся лишь в техническом аспекте *созидательного разрушения* сложившегося социального, экономического и политического порядка, который необходимо преодолеть, ибо *Карфаген должен быть разрушен*. Любой содержательный анализ мейнстримных политологических и экономических исследований о незападных обществах показывает неизменность исследовательских стратегий, направленных либо на подтверждение тех или иных шаблонных *изъянов* периферийного общества, либо на поиск *правильных* тенденций, процессов и субъектов, которые сделают это общество таким, каким ему предписывает стать западный мейнстрим. Убедительность этого дискурса зиждилась на авторитетном ядре

(*символ веры* в виде общеизвестных работ М. Фридмана, Ф. Хайека, Г. Беккера, К. Поппера, Д. Норта, Ф. Фукуямы, Д. Аджемоглу и др.) и производной системе перекрестных цитирований последователей (адепты веры), которые создают воображаемую реальность — *Незапад во зле*, которая не нуждается в онтологической аргументации. Для подобных самореферентных систем апелляции к устойчивости *недемократических* политических институтов, электоральной поддержке *авторитарного* политического режима, росту уровня жизни в *командных экономиках*, легитимности сложившихся *традиций*, географическим и климатическим *особенностям* не имеют значения в сравнении с либерально-рыночной утопией, которая реализуется только после *разрушения* сложившейся конфигурации отклоняющихся институтов и практик любого западного общества, несмотря ни на какие подтверждения их эффективности для реализации интересов большинства. Однако «если либеральные, инклюзивные институты отвечают гуманистическим ценностям прав человека и способствуют общему экономическому росту, а заодно — преодолению нищеты и болезней, то почему в свое время целый ряд стран отказался от них, освобождаясь от колониальной зависимости?... На деле либеральные рыночные институты приносят односторонние преимущества тем, кто уже богат и более производителен, а распространение этих институтов, как показала последняя треть XX в., приводит не к сокращению, а к увеличению разрыва между богатыми и бедными» [Ореховский, 2019: 121–122].

Проблема в том, что так называемые *отсталые, архаичные периферийные, переходные общества и гибридные режимы* оказались более устойчивы в долгосрочной перспективе, чем представлялось составителям нормативных политических классификаций на основе всеобъемлющих бинарных оппозиций, считающихся взаимоисключающими: демократия/авторитаризм, рынок/госрегулирование, открытое/закрытое общество (К. Поппер), естественное государство/общество открытого доступа (Д. Норт), инклюзивные/эксклюзивные институты (Д. Аджемоглу), монетарный/патрональный порядок (В. Ефимов), рынок/раздаток (О. Бессонова), X/Y институциональные матрицы (С. Кирдина) и т.д., и т.п. Более того, в альтернативных политических классификациях переходность, многосоставность, архаика, противоречия и гибридность могут быть успешно обнаружены и в западных обществах, которые считаются свободными от неё. Стабильность, устойчивость и легитимность социально-политического порядка не могут быть объяснены исключительно наличием *хороших* институтов, *правильной* культуры или *технологическим* соблюдением демократических процедур. Более того, высокая народная поддержка политического режима и элит может зависеть от совсем других, неортодоксальных причин: «распределения ренты, предоставления базовых социальных обязательств, кооптации потенциальной оппозиции, мобилизации общественной поддержки и др.» [Мельвил, 2020. С. 35]. В подобном методологическом и онтологическом контекстах обращение к реальным механизмам поддержания социального порядка современных обществ обнаруживает неудовлетворительность разбиения разных политических режимов на *в чистом виде* и *чисто и исключительно* демократические и недемократические (авторитарные, тоталитарные), а национальных экономик на рыночные и нерыночные. Подобные концептуальные разбивки и номенклатуры вытекающих из них бинарных признаков всегда будут идеологическими, субъективными и слишком поверхностными, относящимися скорее к наблюдаемой периферии политических и экономических порядков.

Рано или поздно культуртрегерская политическая логика учитель / ученик перестает работать — ученик становится равен учителю, а копия — неотличимой от или даже превосходящей оригинал. Подобное культурное, экономическое, демографическое ослабление западных гегемонов и их политических теорий можно наблюдать в глобальном мире. В подобной исторической перспективе ценностные основания западной гегемонии начинают оборачиваться против своих бенефициаров, как только последние оказываются не в силах обеспечить глобальный силовой порядок: «прежде подконтрольные страны

и народы получили возможность использовать свои конкурентные преимущества. В этой ситуации “либеральный экономический порядок” стал невыгоден тем, кто его создал» [Караганов, 2019. С. 60].

Выясняется, например, что, возможно, капитализм и свободные рынки исторически никогда и не были доминирующим механизмом распределения ресурсов, оставаясь защитной периферией неизменного рентно-сословного (дистрибутивного) ядра государства [Чанг, 2018]. В такой перспективе современные общества отличаются лишь толщиной этой оболочки, являющейся дополнительным механизмом привлечения ресурсов. И это отличие при сопоставимой эффективности развития незападных экономик с меньшим проникновением рыночно-либеральных институтов и интенсивности соответствующих ресурсных обменов указывает на то, что роль этой адаптивной и защитной оболочки сильно переоценена. Сама по себе толщина этого слоя не создает качественного институционального и морального различия между незападным *Мордором* и блистательным западным *Валинором*. При ближайшем рассмотрении весь цивилизационный блеск нормы оказывается лишь интеллектуальным алиби, маскирующим все те же реальные процессы мягкого политического диктата крупных собственников, радикальное экономическое неравенство, скрытую сегрегацию, *стеклянные потолки* социальной мобильности, закрытое и наследственное воспроизводство элит, клановость и передачу в поколениях депутатских, судебных, мэрских, губернаторских, корпоративных и даже президентских должностей, отсутствие системного политического представительства большинства как *людей труда* и т.д. Альтернативная политическая теория, критически обращенная на самого гегемона, под слоем капитализма, рынка и демократии без труда обнаруживает глубинное политико-институциональное несовершенство и классовые противоречия, оборачивающиеся отсутствием убедительных оснований для морального авторитета элит, которые *естественным образом* не склонны действовать в интересах большинства как ключевого субъекта истинной демократии. Но признание *несовершенным* одновременно означает обнуление морального авторитета политологических теорий прогрессора. Бывшие варвары в актуальных условиях все чаще достигают экономического уровня метрополий и с не меньшим успехом генерируют глобальные модели и рейтинги, категории и показатели, теории и иерархии, в которых изначальные прогрессоры начинают уступать им в области образования, государственного управления, инноваций, темпов экономического развития, противодействия коррупции, социального обеспечения граждан и всего того, что позволяет не только стать *современными*, но и самим уверенно говорить от имени *Современности/Модерна*.

Поэтому пересмотр глобальной иерархии знания и власти приводит к обнаружению того обстоятельства, что либерально-демократические и рыночные ценности и институты, которые представлялись в качестве универсального ядра Современности/Модерна, оказываются защитным слоем, с помощью которого свое идеологическое обоснование получала западная гегемония. Ослабление военно-политической и экономической гегемонии и углубляющийся кризис неолиберального мейнстрима позволяют увидеть, что западные и незападные общества имеют гораздо больше общего в функционировании своего ценностно-институционального ядра. Последнее воспроизводится преимущественно с помощью тщательно маскируемых элитами механизмов социальной архаики, которая в публичном дискурсе выносится во внешнюю для обществ-гегемонов реальность, приписываясь только *периферийным* и *отсталым* обществам, нуждающимся в *модернизации*. Сохранять этот парадокс будет все трудней в условиях, когда множество незападных обществ становятся успешней, влиятельнее и богаче, невзирая на те или иные проблемы с рынком, демократией и либерализмом. В подобной ситуации сравнительный анализ показывает всю ненадежность и партикулярность рыночных коммуникаций любых обществ, надстраиваемых над толщей дарообменных, реципрокных, дистрибутивных, рентно-сословных и иных отношений, образующих ядро их реальных социальных взаимосвязей.

Заключение

Мейнстрим наук об обществе всегда стремится к контролю представлений и об истине, и о благе для общества. Мейнстрим заявляет, что претендует только на объективно обоснование (математически и эмпирически) универсальное знание об истине, ограничиваясь чистой наукой. На самом деле в ядре общественных наук всегда лежат релятивные ценностные суждения относительно должного социального порядка. И в этом смысле любой актуальный мейнстрим всегда параллельно является языком власти, транслирующим представления элит (правлящего класса) о нормальном обществе и благе для него. Следует особо отметить, что «это отнюдь не означает, будто англо-американский мейнстрим совершенно ложен или тем более порочен в принципе. Просто он, помимо несомненных методологических и логико-теоретических достижений, также идеологически возводит в абсолют довольно специфический опыт геополитически удачно изолированной и одновременно расположенной у основания мировых торговых маршрутов островной и заокеанской окраины Запада. Там и только там вместо централизованных государственных бюрократических машин смогли возникнуть и закрепиться коалиции капиталистических элит, принявшие на себя множество функций государства: это местное управление, сбор налогов, идеология (включая протестантскую религию), социальная регуляция, даже отправление правосудия и полицейский надзор. Все это затем оказалось зафиксировано в доктрине либеральной рыночной экономики» [Дерлугьян, 2009. С. 20—21]. В настоящее время критическая и немейнстримная социально-политическая мысль не демонстрирует убедительных картин альтернативного будущего, за исключением локальных технологических утопий и попыток прямого гражданского ремонта (массовые протестные движения) отдельных недостатков рыночных либеральных демократий, которые вполне согласуются с либеральным консенсусом. Более того, распадается базовый дискурс транзита и модернизации, предназначавшийся ранее незападным обществам периферийного капитализма. Окончателюность и универсальность ценностей и достижений модернизации в западных обществах, воплощавших нормативное измерение Современности/Модерна, неожиданно оказывается сомнительным на фоне усиливающихся дискуссий о возможности множественных вариантов Модерна и постоянном обновлении духа капитализма, окончательно открепленного от Запада [Фишман 2020].

В перспективе усиливающегося распада неолиберальной версии западного мейнстрима серьезные исследовательские перспективы открывает концепция *рентного общества* как осуществляющаяся альтернатива рыночному обществу. В рентной онтологии меняется сама система идеологических координат, позволяя не прибегать к всё менее убедительным объяснительным понятиям, концептам и субъектам, связанным с нарративом либеральных демократий (рынок, демократия, либерализм, рациональный выбор, партии, выборы и т.д.): «то, что называется политикой в современной России, можно рассматривать как весьма конфликтные отношения между теми публичными функционерами, которые пытаются распределять ресурсы “по закону”, согласно принципам сословной и глубоко социалистической по природе социальной справедливости, с одной стороны, и членами разного рода корпораций, пытающихся выстроить распределение ресурсов “по понятиям”, сообразно меняющейся со временем иерархии корпораций и кланов, — с другой. Граждане государства, принадлежа к определенным сословиям, в то же время являются членами разного рода корпораций и кланов. Как члены сословий они заинтересованы в распределительной социальной справедливости, то есть в том, чтобы получать от государства то, что им “положено”. Однако их интересы как членов корпораций сосредоточены в повышении статусов их корпораций и кланов, в повышении своего статуса в них» [Кордонский, Дехант, Моляренко, 2012. С. 31].

Рентное общество является итогом фоновых изменений социальной структуры современных обществ, состоящие в распаде экономических макрокласов в пользу более

дифференцированного пространства социальных групп и меньшинств, выделяемых по различным внеэкономическим основаниям; падения значения способности людей к труду как условия доступа к ресурсам; усиления внеэкономической регуляции общественных процессов и рентных механизмов доступа граждан к ресурсам [Мартьянов 2017]. Всё это ведет к общественному порядку, где рынок, труд и капитал постепенно отходят на институциональную периферию воспроизводства общества, уступая место государству, рентоориентированному поведению и рентному доступу (в том числе в виде базового безусловного дохода), сословному лоббизму, привилегиям меньшинств и популизму как новым коллективным практикам и процедурам согласования объемов доступа к ресурсам [Фишман, Мартьянов, Давыдов 2019].

ЛИТЕРАТУРА

- Валлерстайн И. (2004). Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.: Логос.
- Валлерстайн И. (2016). Мир-система Модерна. Т. IV. Триумф центристского либерализма, 1789–1914. М.: Русский фонд содействия образованию и науке.
- Доклад о неравенстве в мире (2018). wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-russian.pdf.
- Иванов В.Г., Иванова М.Г. (2015). «Charts power» — страновые рейтинги как экономическое оружие и инструмент мягкой силы. Ч. I // Вестник РУДН. Сер.: Политология. № 2. С. 36–51.
- Караганов С.А. (2019). Предсказуемое будущее? // Россия в глобальной политике. №2. С. 58–72. globalaffairs.ru/articles/predskazuemoe-budushhee.
- Кордонский С., Дехант Д., Моляренко О. (2012). Сословные компоненты социальной структуры России: гипотетико-дедуктивный анализ и попытка моделирования // Мир России. № 2. С. 62–102.
- Кошовец О.Б., Ореховский П.А. (2018). Структуралистская революция и метаморфозы экономической теории: от науки к сказке // Общественные науки и современность. №5. С. 143–157.
- Латур Б. (2006). Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европ. ун-та.
- Мартьянов В.С. (2018). Политические субъекты позднего капитализма: от экономических классов к рентоориентированным меньшинствам // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 3. С. 181–190.
- Мартьянов В.С. (2017). Наше рентное будущее: глобальные контуры общества без труда? // Социологические исследования. №5. С. 141–153.
- Мельвиль А.Ю. (2020). Выйти из “гетто”: о вкладе постсоветских исследований / Russian Studies в современную политическую науку // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 22–43.
- Ореховский П.А. (2018). Стагнация в форме расцвета: анализ дискурса мейнстрима экономической теории // Экономическая теория: триумф или кризис? / Под ред. А. П. Заостровцева. СПб.: Леонтьевский центр. С. 28–49.
- Ореховский П.А. (2019). Экономический национализм и «коллективное бессознательное» экономической теории // Экономическая наука: забытые и отвергнутые теории: Сб. материалов 1-й Октябрьской междунауч. научн. конф. по проблемам теоретической экономики. 3–5 окт. 2019 г. М.: ИЭ РАН. С. 120–124.
- Саид Э.В. (2016). Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Миръ.
- Стиглиц Дж. (2016). Великое разделение. Неравенство в обществе, или что делать оставшимся 99% населения? М.: Эксмо.
- Фишман Л.Г. (2004). В ожидании Птолемея. Трансформация метапарадигмы социально-политических наук. Екатеринбург: УрО РАН.
- Фишман Л.Г. (2020). Пугающий дух и его медиумы: (Актуальна ли «Протестантская этика» в XXI в.?) // Журнал институциональных исследований. Т. 12. № 1. С. 84–99.
- Фишман Л., Мартьянов В., Давыдов Д. (2019). Рентное общество. В тени труда, капитала и демократии. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Фукуяма Ф. (2004). Конец истории и последний человек. М.: АСТ.
- Чанг Х.-Д. (2018). Злые самаритяне. Миф о свободной торговле и тайная история капитализма. М.: Манн, Иванов и Фарбер.
- Шапиро И. (2011). Бегство от реальности в гуманитарных науках. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Шаповалов А. (2019). Все, кто нажили непосильным трудом // Коммерсантъ. № 65. www.kommersant.ru/doc/3940397?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.
- Carothers T. (2002). The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. Vol. 13. No 1. Pp. 5–21.
- Global wealth report (2019). www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/about-us/research/publications/global-wealth-report-2019-en.pdf.

Мартьянов Виктор Сергеевич

martianov@instlaw.uran.ru

Victor S. Martianov

PhD (Political Science), Director of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the RAS

martianov@instlaw.uran.ru

THE SHINE OF METAPHORS AND CONCEPTUAL RELATIVITY OF THE MAINSTREAM SOCIAL SCIENCES

Abstract. The concepts constituting the mainstream political science and economics are largely determined by social ontology. They are related to the interests of key social groups, whose value perspectives of seeing society as a whole, expressed in the body of sacred texts, determine the social norms, hierarchies of priorities, dominant values and institutions. The tasks of the social sciences are not limited to the search for empirically verifiable truths, but explicitly or implicitly presuppose moral conclusions about what should be, about the good for a particular society and humanity. These ideas are associated with the extrapolation of historically transient social groups claiming to be universal in their views and interests. Therefore, the truths of the social sciences are always relational agreements of communities (social constructs) subject to periodic revision. At present, the criticism of the value foundations of social harmony, recorded in the mainstream, is actualized by the global transformation of social ontology. The principles of the distribution of collective resources are less and less connected with capitalism, market, and democracy, for which it is increasingly difficult to fulfill the promises of the development and growth of the available resources for the majority of the population in the context of increasing economic inequality and curtailing the model of universal welfare. This leads to a decline in the credibility of economic and political science concepts and concepts that legitimize the normative social order, which is increasingly acting not in the interests of the majority. The number of social groups that are not oriented in their life to market resources is growing. The intensity of their demand for alternative principles of social stratification and resource allocation is increasing, which are associated not with class-market-democratic regulators, but with rent-distribution mechanisms. The metaphor of the market (democracy), which is key for the Western mainstream, is increasingly being replaced by the phenomenology of state-mediated distributive resource interactions.

Keywords: *mainstream, true, stratification, democracy, market, rent-seeking behavior, rental society, metaphor, legitimation, social ontology, class interest.*

JEL: B41, B52.

REFERENCES

- Carothers Th.* (2002). The End of the Transition Paradigm // *Journal of Democracy*. Vol. 13. No 1. Pp. 5–21.
- Chang Ha Joon* (2018). Zlyye samarityane. Mif o svobodnoy trgovle i taynaya istoriya kapitalizma [The Evil Samaritans. The Free Trade Myth and the Secret History of Capitalism]. Moscow: Mann, Ivanov i Farber. (In Russ.).
- Doklad o neravenstve v mire* [Global Inequality Report] (2018). Resource: wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-russian.pdf. (In Russ.).
- Fishman L.G.* (2020). Pugayushchiy dukh i yego mediumy: (Aktual'na li «Protestantskaya etika» v XXI v.?) [Frightening Spirit and its Mediums: (Is the “Protestant Ethics” relevant in the XXI Century?)] // *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy*. Vol. 12. No 1. Pp. 84–99. (In Russ.).
- Fishman L.G.* (2004). V ozhidanii Ptolemeya. Transformatsiya metaparadigmy sotsial'no-politicheskikh nauk [Waiting for Ptolemy. Transformation of the metaparadigm of social and political sciences]. Yekaterinburg: UB RAS. (In Russ.).
- Fishman L., Martyanov V., Davydov D.* (2019). Rentnoye obshchestvo. V teni truda, kapitala i demokratii [Rental Society. In the Shadow of Labor, Capital and Democracy]. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russ.).
- Fukuyama F.* (2004). Konets istorii i posledniy chelovek [The End of History and the Last Man]. Moscow: AST. (In Russ.).
- Global wealth report* (2019). www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/about-us/research/publications/global-wealth-report-2019-en.pdf.
- Ivanov V.G., Ivanova M.G.* (2015). «Charts power» — stranovyye reytingi kak ekonomicheskoye oruzhiye i instrument myagkoy sily. Chast' I [“Charts power” — Country Ratings as an Economic Weapon and an Instrument of Soft-Power. Part I] // *Vestnik RUDN. Ser.: Politologiya*. No. 2. Pp. 36–51. (In Russ.).
- Karaganov S.A.* (2019). Predskazuyemoye budushcheye? [A Predictable Future?] // *Rossiya v global'noy politike*. No. 2. Pp. 58–72. globalaffairs.ru/articles/predskazuemoe-budushchee. (In Russ.).

- Kordonsky S., Dekhant D., Molyarenko O.* (2012). Soslovnnye komponenty sotsial'noy struktury Rossii: gipotetiko-deduktivnyy analiz i popytka modelirovaniya [Classical components of the social structure of Russia: hypothetical-deductive analysis and an attempt at modeling] // *Mir Rossii*. No. 2. Pp. 62–102. (In Russ.).
- Koshovets O.B., Orekhovskiy P.A.* (2018). Strukturalistskaya revolyutsiya i metamorfozy ekonomicheskoy teorii: ot nauki k skazke [Structuralist revolution and metamorphoses of economic theory: from science to fairy tale] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 5. Pp. 143–157. (In Russ.).
- Latour B.* (2006). Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii [There was no new time. Essays on Symmetrical Anthropology]. St. Petersburg: Izdatel'skiy dom Yevropeyskogo universiteta (In Russ.).
- Martyanov V.S.* (2017). Nashe rentnoye budushcheye: global'nyye kontury obshchestva bez truda? [Our Rental Future: Global Outlines of a Laborless Society?] // *Sociological Studies*. No. 5. Pp. 141–153. (In Russ.).
- Martyanov V.S.* (2018). Politicheskiye sub'yekty pozdnego kapitalizma: ot ekonomicheskikh klassov k rentooriyentirovannym men'shinstvam [Political subjects of late capitalism: from economic classes to rent-seeking minorities] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. № 3. Pp. 181–190 (In Russ.).
- Melville A.Yu.* (2020). Vyyti iz "getto": o vklade postsovetikh issledovaniy / Russian Studies v sovremennuyu politicheskuyu nauku [Leaving the "ghetto": on the contribution of post-Soviet studies / Russian Studies to modern political science] // *Polis. Political Studies*. No. 1. Pp. 22–43 (In Russ.).
- Orekhovskiy P.A.* (2019). Ekonomicheskyy natsionalizm i «kollektivnoye bessoznatel'noye» ekonomicheskoy teorii [The Economic Nationalism and the "Collective Unconscious" of the Economic Theory] // *Ekonomicheskaya nauka: zabytyye i otvergnutyye teorii: Sb. materialov 1-y Oktyabr'skoy mezhdunar. nauchn. konf. po problemam teoreticheskoy ekonomiki. 3–5 okt. 2019 g.* [Economic science: forgotten and rejected theories: Proceedings of the 1st October International Scientific Conference on Theoretical Economics. October 3–5, 2019]. Moscow: IE RAS. Pp. 120–124. (In Russ.).
- Orekhovskiy P.A.* (2018). Stagnatsiya v forme rastsveta: analiz diskursa meynstrima ekonomicheskoy teorii [Stagnation in the form of prosperity: analysis of the mainstream discourse of economic theory] // *Ekonomicheskaya teoriya: triumf ili krizis? [The Economic theory: triumph or crisis?]*. / Ed. A.P. Zaostrovtssev. St.Petersburg: Leontief Center. Pp. 28–49. (In Russ.).
- Said E.V.* (2016). Oriyentalizm. Zapadnyye kontseptsii Vostoka [Orientalism. Western concepts of the East]. St. Petersburg: Russkiy Mir. (In Russ.).
- Shapiro I.* (2011). Begstvo ot real'nosti v gumanitarnykh naukakh [Escape from reality in the humanities]. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russ.).
- Shapovalov A.* (2019). Vse, kto nazhili neposil'nyim trudom [Everyone who made money by back-breaking labor] // *Kommersant*. No. 65. www.kommersant.ru/doc/3940397?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop. (In Russ.).
- Stiglitz J.* (2016). Velikoye razdeleniye. Neravenstvo v obshchestve, ili chto delat' ostavshimsya 99% naseleniya? [The Great Divide. Inequality in society, or what should the remaining 99% of the population do?]. Moscow: Eksmo. (In Russ.).
- Wallerstein I.* (2004). Konets znakomogo mira. Sotsiologiya XXI veka [The End of the Familiar World. Sociology of the XXI century]. Moscow: Logos (In Russ.).
- Wallerstein I.* (2016). Mir-sistema Moderna. T. IV. Triumf tsentristskogo liberalizma, 1789–1914 [Modern World-System. Volume IV. The Triumph of Centrist Liberalism, 1789–1914]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke. (In Russ.).

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

М.Э. Дмитриев

д.э.н., главный научный сотрудник, Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Москва)

В.Б. Крапиль

научный сотрудник, Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Москва)

ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА ДИСТАНЦИОННОЙ ЗАНЯТОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ¹

Аннотация. В статье рассматривается возможность использования дистанционной (удалённой) работы на государственной службе. Рассматривается возможность перехода к ней на примере отдельных государственных функций и государственных услуг. Для федеральных органов исполнительной власти разных типов оценивается доля возможного перехода на дистанционную работу в зависимости от их структуры и полномочий. Также предлагается последовательность шагов по осуществлению такого перехода и анализируются возможные сложности. Отдельно рассматривается вопрос об особенностях дистанционной работы в экстренных случаях.

Ключевые слова: государственная служба, дистанционная (удалённая) работа, электронный документооборот, полномочия органов власти, государственные услуги.

JEL: M10, M12, M14, M15, M48, M50.

DOI: 10.24411/2587-7666-2021-10103.

Введение

Понятие «дистанционная (удалённая) работа» появилось в Трудовом Кодексе РФ в апреле 2013 г., однако широкого распространения эта практика не получила в значительной степени потому, что содержала избыточные требования по оформлению такой работы, в частности использование работником усиленной квалифицированной электронной подписи. На государственной службе дистанционная (удалённая) работа впервые была разрешена на уровне субъекта Российской Федерации в Московской области, где в октябре 2019 г. были приняты поправки в региональный Закон о государственной службе. Закон содержит преимущественно отсылочные нормы — порядок такой деятельности определяется служебным распоряжением органа власти, перечень должностей, для которых она разрешена, — правовым актом, принимаемым органом, а порядок материально-технического обеспечения работающих удалённо устанавливается Губернатором и Председателем областной Думы. Прямо прописанных норм, кроме собственно возможности дистанцион-

¹ Данная статья подготовлена на основе Аналитического обзора «Анализ возможностей расширения удаленного взаимодействия государственных служащих при исполнении государственных функций, включая возможности работы на дому», подготовленного по результатам научно-исследовательской работы в РАНХиГС при Президенте РФ.

ной профессиональной деятельности государственного служащего, фактически две: удалённая работа не подразумевает ненормированный рабочий день, а работающим из дома не производится ежемесячная денежная выплата на проезд. Опыт Московской области вызвал интерес в других субъектах Федерации. В феврале 2020 г. вслед за подмосковными депутатами за соответствующий законопроект проголосовало Законодательное собрание Ульяновской области.

Однако в 2020 г. ситуация принципиально изменилась. В условиях пандемии COVID-19 организация дистанционной работы стала насущным требованием, в том числе и для органов власти. Принятие в ноябре 2020 г. дополнительных поправок в Трудовой Кодекс упростило «частным» работодателям переход к формату удалённой работы, а поскольку данный вопрос напрямую законодательством о государственной гражданской службе не регулируется, то эти нормы Трудового Кодекса могут быть применены и к государственным служащим.

В то же время имеющаяся законодательная основа дистанционной деятельности не отвечает на вопрос о реальной возможности удалённой работы для сотрудников органов исполнительной власти. Более того, именно эта категория работников в период полной самоизоляции весной 2020 г. была отнесена к продолжающим работу в очном режиме. Но вывод о том, что государственные служащие не могут работать удалённо, является чересчур пессимистическим.

В настоящей статье будет показано, что для значительной части работы государственных служащих может быть применен дистанционный (удалённый) формат работы при условии определения необходимых условий и первоочередных шагов для внедрения такого формата, в том числе в экстренных условиях. При этом под дистанционной (удалённой) работой будем понимать выполнение служебных обязанностей государственными служащими вне места нахождения органа власти (как правило, из дома). Дистанционной работе не противоречит участие в мероприятиях, проводимых на территории органа власти, если эти мероприятия не носят систематического характера и не требуют постоянного присутствия государственного служащего, а также работа в командировках, включая служебные поездки (так называемые «местные командировки»).

Оценка возможности применения дистанционного формата работы

Для оценки возможности применения удалённой работы целесообразно осуществить выборочную проверку алгоритмов реализации полномочий. При этом в качестве основного источника для такой проверки будут использоваться административные регламенты. Безусловно, с их помощью можно проанализировать далеко не все аспекты деятельности, однако из них можно выделить вопросы, которые создают наибольшие сложности при переходе на удалённую работу.

Наша выборка включала четыре государственные функции и семь государственных услуг, в том числе три услуги, включающие выполнение контрольных функций.

Очевидно, что без перехода от обмена бумажными документами к обмену электронными говорить о возможности удалённой работы государственных служащих бессмысленно — и это касается практически всех проанализированных функций и услуг. Между тем указание на возможность осуществления внутриведомственного документооборота в электронной форме не предусмотрено ни в одном из проанализированных регламентов, хотя и прямой запрет на это отсутствует.

Межведомственный обмен во многих регламентах предписано осуществлять в электронной форме через систему межведомственных электронных взаимодействий (СМЭВ). Однако доверие к бумаге по-прежнему остается более высоким: не случайно в одном

из регламентов указано, что в случае неполучения ответа по СМЭВ направляется повторный запрос, причем именно в бумажной форме (направление повторного запроса в электронной форме не допускается). Практически нигде не предусмотрена возможность обмена документами по электронной почте.

При общении с гражданами и организациями вопрос возможности предоставления документов в электронной форме решен разными способами. В большинстве регламентов допускается направление документов через портал государственных услуг, следовательно, такая форма допустима. В то же время возможность подачи документов по электронной почте разрешается крайне редко. В некоторых случаях прямо записано, что поступивший в электронной форме документ распечатывается и далее осуществляет его движение в бумажном виде.

Что касается вопроса выдачи результатов осуществления функции, предоставления услуги или направления документов в ходе реализации полномочия, то здесь возможность делать это в электронной форме предусматривается крайне редко. Тем не менее за исключением отдельных случаев проблема выдачи документа в электронной форме упирается в дальнейшее его признание другими государственными органами или иными лицами. Представляется, что наличие на электронном документе усиленной квалифицированной электронной подписи снимает этот вопрос. Кроме того, результат может помещаться в базу, где иные органы власти могут ознакомиться с ним. В этом случае не только бумажный, но и электронный документ заявителю просто не требуется.

Такой подход может дать существенный эффект еще и за счёт того, что во многих случаях документ подписывается на уровне руководителя федерального органа власти или его заместителя только потому, что на документе должна стоять печать, которая ставится только на подписи руководителей высшего уровня. Как показывает опыт, это приводит к механическому подписанию целого ряда документов. Предоставление сотруднику права выпускать документы за собственной электронной подписью даст возможность избавить руководителя от ненужной работы.

Большинство государственных функций, имеющих административные регламенты, являются функциями по осуществлению контроля и надзора и осуществляются, как правило, в виде плановых и внеплановых проверок. Осуществление контрольно-надзорных полномочий иным способом встречается, но это скорее исключение.

Как показал анализ, исполнение всех видов надзора, осуществляемого в виде проверок (включая планирование проверок), строится на единых принципах и не содержит принципиальных отличий, в том числе в случае осуществления надзора региональными органами (как переданного полномочия). Порядок проведения плановых и внеплановых проверок одинаков, за исключением круга проверяемых вопросов, что не имеет решающего значения для выяснения возможности дистанционной работы.

В целом при переходе на электронный документооборот нет препятствия для исполнения контрольно-надзорных функций в виде проведения документарных проверок в дистанционном режиме. Выездные проверки осуществляются по месту нахождения проверяемого лица, то есть не зависят от того, где расположено рабочее место проверяющего лица, а следовательно, также могут осуществляться дистанционно. Планирование проверок может осуществляться дистанционно, поскольку уже сейчас оно почти полностью выполняется в электронной форме.

Для сферы государственных услуг можно рассматривать обобщённый сценарий, в который укладываются практически все услуги. Это получение заявления от физического или юридического лица с приложением документов, осуществление формальной проверки (комплектности документов и правильности их оформления), запрос при необходимости сведений в других органах исполнительной власти, принятие решения и (или) иные действия, составляющие смысл государственной услуги, выдача результата.

Нет никаких сложностей для выполнения удалённого приёма документов (за редким исключением), формальной проверки и межведомственных запросов. Возможность принятия решения или выполнения иных содержательных действий зависит от конкретного содержания услуги. Некоторые услуги (например, предоставление информации) могут осуществляться удалённо без существенного изменения порядка их оказания. В некоторых случаях может потребоваться изменение способа оформления результата.

Отдельные услуги не могут быть оказаны полностью дистанционно, если включают операции, требующие личного присутствия (цифровое фотографирование, электронное дактилоскопирование заявителя). Выдача результата не может осуществляться дистанционно, если результат является не документом либо документом строго установленной формы (например, паспорт). Препятствием на пути к удалённому предоставлению услуг может стать обмен в ходе их предоставления сведениями, составляющими государственную тайну. В этом случае организация дистанционной работы не представляется возможной без нарушения принципиальных правил работы с такими документами. Однако доля таких услуг не слишком велика. В целом предоставление государственных услуг может быть переведено на дистанционную работу в большей части процесса их оказания, вплоть до полного перехода.

Государственные услуги, включающие выполнение контрольных функций (выдача лицензий и иных разрешительных документов), по процедуре объединяют государственные услуги по выдаче документов и проведению проверок. Поэтому для этого типа полномочий также нет принципиальных сложностей при переходе на удалённую работу.

Определение доли государственных служащих, которые могут работать удалённо

Для определения примерной доли государственных служащих, для которых возможен переход на дистанционное исполнение служебных обязанностей, были выбраны три ведомства, осуществляющих деятельность в одной сфере, — Министерство транспорта (Минтранс), Федеральная служба по надзору в сфере транспорта (Ространснадзор) и Федеральное агентство железнодорожного транспорта (Росжелдор). Для этих ведомств была проведена оценка двумя способами — исходя из полномочий, установленных в Положении об органе исполнительной власти, и на основании ведомственной организационной структуры.

Оба способа имеют свои недостатки. В положении о ведомстве, как показала практика, сформулированы далеко не все выполняемые этим функции, в частности, обеспечивающие функции. В то же время организационная структура позволяет судить о работе ведомства исключительно по наименованиям структурных подразделений и отделов, что не всегда бывает достаточно.

Безусловно, более точные результаты можно было бы получить, если осуществить привязку полномочий к организационной структуре ведомства, желательно с точностью до отдела: численность сотрудников в отделах, как правило, примерно одинакова (в районе 6–7 человек). Однако во многих случаях рассмотрение формулировок функций не даёт возможности однозначно сопоставить полномочие с конкретной структурной единицей. Есть примеры, когда полномочие нельзя отнести ни к одному структурному подразделению, но бывают и обратные ситуации, когда функцию, судя по её названию, может выполнять любой из двух-трех отделов. В некоторых случаях можно определить департамент, реализующий функцию, но затруднительно понять конкретный отдел, поскольку формулировка не подходит под сферу деятельности ни одного отдела. В этих условиях практически вынужденным является проведение двух независимых оценок (по полномочиям и по структуре), а потом соотнесение их между собой.

Исходя из анализа полномочий Министерства, можно сказать, что дистанционно не могут выполняться только:

- оформление и выдача документов, которые не могут быть выданы в электронной форме;
- организация работы со сведениями, составляющими государственную тайну;
- мобилизационная работа и организация гражданской обороны.

Таким образом, можно говорить о возможности перевода на удалённую реализацию до 90–95% полномочий, перечисленных в Положении о Минтрансе.

Если рассматривать деятельность подразделений министерства без привязки к полномочиям, а опираясь на названия отделов и департаментов, из 81 отдела постоянное присутствие требуется для сотрудников не более чем 10, что составляет около 12%. Получившийся результат немного превышает оценку, данную на основании полномочий (5–10%). Однако следует учесть, что из 10 отделов, которые нецелесообразно переводить в удалённый режим, как минимум, половину составляют выполняющие обеспечивающие функции, поэтому такое расхождение вполне обоснованно. В целом можно оценить долю сотрудников, которые могут быть переведены на дистанционную работу, в 90%.

На основании анализа полномочий Росжелдора получается, что доля государственных служащих агентства, которые могут быть переведены на дистанционную работу, не меньше, чем в министерстве. Анализ наименований отделов позволяет сделать любопытное наблюдение: в Росжелдоре в ещё большей степени, чем в Минтрансе, невозможность (полной или частичной) дистанционной работы касается обеспечивающих подразделений. В то же время из остальных отделов только два, да и то частично, не могут выполнять свои функции в удалённом режиме. Для окончательных выводов требуется анализ численности отделов: либо предположение о примерно равном числе сотрудников в них было некорректным по отношению к Росжелдору, либо имеет место непропорционально большая доля госслужащих, занятых решением непрофильных задач.

С учетом того, что полномочия Ространснадзора — это как раз рассмотренные выше государственные услуги и контрольно-надзорные функции, то можно говорить о том, что все полномочия (кроме обеспечивающих) могут выполняться без присутствия государственных служащих на постоянном рабочем месте в органе власти. Этому выводу, как и ожидалось, противоречат результаты анализа структуры Ространснадзора, зато картина практически совпадает с полученной для Росжелдора: большинство отделов, которые не могут быть переведены на дистанционную работу, выполняют не содержательные, а обеспечивающие функции. В целом анализ структуры если и не подтверждает вывод об отсутствии специалистов, кроме выполняющих обеспечивающие функции, которые не могут работать в дистанционном формате, то, по крайней мере, их число вполне укладывается в рамки 10%.

В целом на примере одной сферы деятельности можно сформулировать гипотезу, что независимо от того, является ли орган исполнительной власти министерством, агентством или службой, доля государственных служащих, которые могут выполнять свою работу удалённо, составляет до 90%, хотя может быть меньше в тех ведомствах, где высок процент государственных служащих, занятых обеспечивающей деятельностью.

Необходимые шаги и возможные сложности для перехода

Несмотря на столь высокий потенциал дистанционной работы, нельзя сказать, что переход к ней может быть осуществлен в кратчайшие сроки. Для этого должны быть подготовлены условия и решен целый ряд проблем.

Основой, без которой невозможен переход к дистанционной работе, является внедрение в органах власти электронного документооборота. Несмотря на то, что многие ком-

мерческие структуры уже давно лишь по минимуму используют в работе бумажные документы, в государственных органах к электронным документам по-прежнему относятся скептически. Тем не менее в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» к 2024 г. планируется довести долю внутриведомственного и межведомственного юридически значимого электронного документооборота в деятельности государственных (муниципальных) органов и бюджетных учреждений до 90%.

В данный момент системы электронного документооборота (СЭД) внедрены практически во всех федеральных органах исполнительной власти, но доля безбумажного общения в среднем не превышает 5%. Основная проблема заключается в том, что сегодня органами власти используется около 30 различных СЭДов, и системы, установленные в некоторых ведомствах, фиксируют только зарегистрированные документы. Весь путь от создания проекта до его регистрации проходит вне рамок такой системы. Использование же в органе власти дистанционной работы возможно только при условии, что СЭД будет поддерживать создание, согласование и выпуск документов в электронной форме, то есть обеспечивать весь жизненный цикл внутри ведомства документа в безбумажном формате.

Отчасти решить проблему может создание типового СЭД-решения, которое, как предполагается, будет реализовано на базе СЭД «Тезис», разработанной в Самаре. Исходя из описания платформы, на которой построен «Тезис», можно предположить, что типовое решение СЭД будет обладать такими возможностями. Однако пока речь не идет о переходе всех органов власти на единую систему: предусматривается возможность подключения к единой платформе как через типовое решение, так и через доработанную собственную СЭД. Поэтому важно, чтобы каждая ведомственная СЭД поддерживала функционал создания документов.

При проектировании СЭД — как типового решения, так и ведомственных вариантов — желательно учесть, что в настоящее время большинство процессов исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг выстроено не оптимальным образом, причем в первую очередь это относится к рутинным (легко алгоритмизируемым) процессам. Автоматизация их исполнения в текущем виде приведет к консервации этих неоптимальностей. Поэтому необходимо первым делом провести анализ процедур с целью определения возможности их оптимизации, выстроить улучшенные алгоритмы и лишь затем устанавливать требования к СЭД.

Для межведомственного документооборота требуется, во-первых, интеграция ведомственных систем со СМЭВ, во-вторых, изменение правил обмена документами между органами власти, в первую очередь — переход в типовых вопросах на прямое взаимодействие между исполнителями. В настоящее время эти вопросы регламентированы на уровне Правительства России, поэтому потребуется изменение нормативной базы.

Полный переход органов исполнительной власти на электронный документооборот подразумевает соответствующее политическое решение, предписывающее направлять и получать документы исключительно в электронной форме. Представляется, что такое решение может быть принято в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, однако лишение граждан права использовать документы в бумажной форме выглядит спорным. Но это означает, что не могут быть полностью переведены на удаленный режим работы госслужащие, работающие с почтой, и сотрудники ведомственных архивов.

Очень важная составляющая электронного документооборота — законодательное закрепление признания электронных документов, выдаваемых органом власти, другими государственными органами, включая суд и органы прокуратуры. Следует более широко распространять практику интегрированных баз данных, в которых должностное лицо может найти решение, принятое другим органом.

Для удаленной работы государственный служащий должен иметь возможность работать на компьютере с лицензионным программным обеспечением, оборудованным

доступом к каналам связи и по ним к необходимой справочной информации, ведомственным базам и электронным журналам, а также к СЭД. Ему должна быть предоставлена электронная подпись, ассоциируемая с органом власти и занимаемой им должностью.

С электронной подписью связана и обратная проблема — документы, поступающие от заявителя, должны быть подписаны. Требование электронной подписи при обязательности подачи документов в электронной форме является недопустимым. Возможно, необходимо бесплатно предоставлять гражданам и организациям специальный ключ для общения с государственными органами. При этом ключ должен давать возможность однозначно идентифицировать заявителя более надёжно, чем это делается сейчас на портале государственных услуг.

Следует заметить, что проблема перехода на дистанционный режим исполнения обязанностей включает не только возможность такого перехода (она представляется вполне реальной), но и готовность государственных служащих к работе в удалённом режиме. Весьма вероятно, что в случае предоставления права работать дистанционно только некоторые государственные служащие (не исключено, меньшая их часть) выберут такой режим как постоянный. Это может быть связано с отсутствием условий для работы из дома, проблемами с качеством каналов связи, отсутствием дома хороших компьютеров, психологической потребностью нахождения в коллективе и т.д. Принудительное введение дистанционного исполнения обязанностей может привести к уходу с государственной службы некоторой части федеральных госслужащих. Правда, это может быть компенсировано за счёт привлечения на работу специалистов, проживающих в других регионах и готовых работать в таком режиме.

Более вероятной представляется частичная удалённая работа (несколько дней в неделю). Но в любом случае описанные выше задачи должны быть решены для того, чтобы в случае возникновения экстренной ситуации мог быть на какое-то время осуществлен переход органов исполнительной власти преимущественно на дистанционную работу.

С момента внедрения внутриведомственного электронного документооборота можно начинать пилотный проект по апробации дистанционного исполнения служебных обязанностей. Первоочередными кандидатами на участие в апробации являются:

- ▶ сотрудники, выполняющие работу с минимальным взаимодействием с другими госслужащими того же или других ведомств;
- ▶ сотрудники, выполняющие ограниченное число рутинных процессов;
- ▶ сотрудники, регулярно готовящие «большие» документы (например, проекты нормативных актов), требующие и длительного времени, и минимального обсуждения до стадии готовности чернового варианта;
- ▶ сотрудники, получившие длительное задание, на время исполнения этого задания.

Представляется нецелесообразным участие в апробации:

- ▶ руководителей всех уровней, начиная от заместителя начальника отдела;
- ▶ обеспечивающих специалистов и сотрудников обеспечивающих подразделений;
- ▶ сотрудников, работающих с государственной тайной.

В число тех, кто может участвовать в дистанционном исполнении обязанностей на стадии пилотного проекта, в территориальном органе имеет смысл добавить сотрудников, занятых документарными проверками. Из тех, кто предоставляет государственные услуги, на этапе апробации эффективнее выбирать занятых услугами, не требующих личного контакта с заявителями.

Апробация дистанционного исполнения обязанностей не меняет алгоритмы межведомственного обмена документов. Изменения в нормативную базу, предусмотренные федеральной программой, могут разрабатываться независимо и не лимитируют удалённую деятельность, за исключением принципиального разрешения на такой режим работы. Следовательно, нормативное регулирование на время работы над пилотными проектами может устанавливаться на ведомственном уровне.

Для оценки числа государственных служащих, которые могут участвовать в пилотном проекте, нами был рассмотрен модельный (условный) орган исполнительной власти. Его параметры были определены исходя из предположения, что в федеральных органах исполнительной власти и их территориальных органах действуют единые принципы формирования организационной структуры, а соотношение числа лиц, занимающих определенные должности, примерно одинаково в разных органах. Это предположение было проверено на открытых данных. С учетом результатов проверки данные, полученные для модельного органа, могут считаться приблизительными усредненными оценками для реальных федеральных органов исполнительной власти.

Как следует из наших расчётов, которые представлены в Приложении, доля сотрудников, которые могут быть привлечены к апробации удалённой работы, составляет приблизительно 35% в центральном аппарате (ЦА) типового органа и 43% в его территориальном органе (ТО). Исходя из приблизительной средней численности ЦА, органа исполнительной власти, 400 человек, а ТО — 100 человек, число потенциальных участников проекта может составить, соответственно, около 140 и 40-45 государственных служащих. Реально в начале апробации могут быть выбраны 30–40 сотрудников ЦА и около 15 человек в ТО.

По мере накопления положительного опыта и устранения допущенных ошибок возможен переход к расширению дистанционной работы. По мере успешной реализации пилотных проектов число работников, полностью или частично переходящих на удалённый режим, может постепенно увеличиваться. В число лиц, работающих часть времени дистанционно, постепенно могут включаться некоторые руководители. В таких случаях совещания у руководителя частично переводятся в удалённый режим, личное взаимодействие частично заменяется на разные виды удаленной связи — телефонные разговоры, электронную переписку или видеоконференции. Это не исключает возможности проведения массовых очных мероприятий (например, заседаний комиссий, советов и т.д.), но может сделать их менее частыми.

Сдерживающим фактором полного перехода на удалённую работу является даже частичное сохранение бумажного документооборота. Поскольку большинство из бумажных документов порождается государственными органами или (и) требуется ими, то решить эту проблему только для федеральных органов исполнительной власти путем внедрения внутреннего электронного документооборота недостаточно. Использование преимущественно электронных документов должно войти в практику как региональных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, так и других ветвей власти. В первую очередь это относится к судам, а также к прокуратуре, в настоящий момент отдающих явное предпочтение взаимодействию с использованием бумажных документов.

Основные препятствия на пути перехода к дистанционному исполнению обязанностей — инфраструктурные и психологические. Это отсутствие собственного (домашнего) компьютера, удовлетворяющего требованиям безопасности, который можно выделить для работы, и надежного канала в Интернете, настороженное отношение к электронным средствам коммуникации, непривычность решения обычных задач в новом формате, привычка работать в коллективе, невозможность дома сосредоточиться на работе, в том числе из-за отсутствия помещения, подходящего для работы.

С другой стороны, дистанционная работа дает возможность привлечения на государственную службу лиц, проживающих в других городах, и специалистов с ограниченной подвижностью. С учетом разницы в оплате труда в разных регионах и в зависимости от государственной политики это может стать либо способом повышения конкурентоспособности государственной службы, либо источником экономии фонда заработной платы.

Должен учитываться и экономический аспект перехода к удалённой работе, и заключается он в сокращении площадей, занимаемых органом власти. В ходе пилотного проекта за каждым сотрудником, участвующим в нем, скорее всего будет сохраняться рабочее

место, поскольку результаты эксперимента могут не оправдать ожидания. К тому же удалённо работающие сотрудники первое время будут регулярно появляться в здании органа власти. Но со временем, когда необходимость в этом снизится до уровня один-два дня в неделю, а число использующих дистанционную работу возрастет, возможен постепенный отказ от закрепления за каждым сотрудником постоянного рабочего места в помещении органа власти. Вместо этого должна получить распространение система абонирования рабочих мест, уже применяющаяся в офисах многих компаний. В этом случае государственный служащий, работающий удалённо, заранее резервирует себе одно из стандартизированных рабочих мест на время присутствия в офисе. Это может относиться и к тем руководителям отделов, которые должны будут присутствовать в помещении органа власти в среднем 2-3 дня в неделю. Для руководителей более высокого уровня, которые будут работать дистанционно не более, чем 1-2 дня в неделю, целесообразно сохранить постоянные рабочие места.

Расчёты (приведены в Приложении) были проведены на примере модельного органа исполнительной власти в предположении, что внутренний документооборот полностью переведен в электронную форму, но отдельные элементы обращения бумажных документов при внешних контактах сохраняются. Полученные результаты показывают, что площади, занимаемые руководителями отделов и специалистами, могут быть с переходом на дистанционную работу сокращены примерно на 1/3 в ЦА и на 40% в ТО. Эти оценки получены без учета площадей, занимаемых руководителями органа исполнительной власти, его структурных подразделений и территориальных органов.

Возможности дистанционной работы государственных служащих в экстренных условиях

Под экстренными условиями понимается временное (краткосрочное) введение мер, изменяющих правила существования общества. 2020 год продемонстрировал, что на практике возможно возникновение таких ситуаций, когда вопросы жизни и здоровья людей требуют принятия исключительных мер. В отличие от обычных условий, когда целью перехода на дистанционную работу является оптимизация деятельности государственных органов, в экстренных условиях на первый план (как показывает пандемия коронавирусной инфекции COVID-19) выходят другие критерии — например, минимизация очных контактов государственных служащих с иными лицами и между собой. В новой редакции Трудового кодекса для таких ситуаций установлен особый порядок.

Для государственной службы экстренная ситуация означает необходимость перехода на дистанционную работу, причем вне зависимости от желания государственных служащих. Государственная служба должна быть к этому готова. Можно утверждать, что такой переход при возникновении подобной ситуации будет легче осуществить органам исполнительной власти, внедрившим СЭД, удовлетворяющую описанным выше требованиям.

Для успешного функционирования органов власти в экстренной ситуации, требующей перехода на удалённый режим работы, необходимо:

- 1) реализовать все приведенные выше меры до степени возможности немедленного их применения в случае необходимости, независимо от того, будет или нет в обычное время осуществлен переход на дистанционное исполнение обязанностей;

- 2) отказаться на время экстренной ситуации от ряда функций, без которых можно обойтись в течение некоторого времени без серьёзного ущерба для качественного выполнения своих задач, или тех функций, которые фактически не востребованы или востребованность которых можно уменьшить.

Заключение

Проведённые исследования позволяют сделать вывод, что непреодолимые препятствия для перехода государственных служащих на дистанционный режим работы отсутствуют. Необходимой предпосылкой для начала пилотных проектов по организации удалённой работы и для готовности органов исполнительной власти к переходу на такой режим в экстренной ситуации является перевод деятельности органа на электронный документооборот, в обязательном порядке включая подготовку исходящих документов в электронном виде. При выполнении этого условия большинство государственных функций и государственных услуг могут исполняться дистанционно. Теоретически до 90% государственных служащих могут работать в удалённом режиме.

При отсутствии экстренных условий такая оценка является, безусловно, завышенной, однако использование дистанционной деятельности, особенно в формате частичной удалённой работы, может применяться достаточно широко. Такой подход обеспечивает целый ряд преимуществ, таких как уменьшение потерь рабочего времени, возможность инклюзии и стимулирование цифровизации, которая является одной из стратегических задач. Экономический эффект от этой меры также ожидается и за счёт применения электронного документооборота, потенциального снижения затрат на зарплату в связи с возможностью привлечения сотрудников из других регионов, а также за счёт экономии на используемых офисных площадях. Расчёты показывают, что такая экономия может достигать 35–40%.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Расчёт численных характеристик использования дистанционной работы

Описание модели

В качестве модели мы будем рассматривать модельный условный орган исполнительной власти, параметры которого были оценены либо путем усредненных расчётов по доступным данным о численности и структуре органов исполнительной власти, либо на основе экспертных оценок. Для модельного органа будут выполняться следующие условия:

- ▶ каждый руководитель самостоятельного структурного подразделения в центральном аппарате имеет трех заместителей (кроме отделов, имеющих такой статус, с одним заместителем);
- ▶ каждый отдел в центральном аппарате имеет начальника, заместителя начальника и 5 сотрудников.

На основании модели можно получить ориентировочные характеристики должностной структуры (в долях от численности). При этом мы исходим из того, что численность руководителей верхнего уровня (руководитель органа и его заместители) в минимальной степени зависит от общей численности госслужащих в данном органе.

Взяв за основу число департаментов (управлений) и число отделов в реальных различных органах власти, получим доли соответствующих категорий госслужащих, которые в общей численности довольно устойчивы и в среднем составляют примерно:

- ▶ руководители структурных подразделений и их заместители — 10%;
- ▶ руководители отделов и других структурных единиц в составе структурных подразделений, а также их заместители — 25%;
- ▶ специалисты и обеспечивающие специалисты — 65%.

Доля специалистов, как правило, составляет около 60%, обеспечивающих специалистов — примерно 5%.

Долю сотрудников обеспечивающих подразделений можно оценить в $35\% \pm 5\%$ в зависимости от конкретного органа исполнительной власти; это число в среднем соответствует рекомендациям Минтруда России по нормированию штатной численности центрального аппарата федеральных органов исполнительной власти.

Должностная структура территориальных органов (ТО) модельного федерального органа исполнительной власти будет немного иной: вместо трех уровней иерархии в ней только два (руководство территориального органа и руководители отделов), а доля обеспечивающих специалистов не превышает 20%. Начальники и заместители начальников отделов составляют около 40% численности (без учета руководства органа).

Еще одним важным параметром, определяемым экспертно, является доля работы со сведениями, составляющими государственную тайну. Она не одинакова для разных органов власти, даже если исключить из рассмотрения, как мы делаем в данном примере, органы, относящиеся к сфере обороны и безопасности. В качестве оценки примем, что доля сотрудников, регулярно имеющих дело с государственной тайной, составляет 10% от общего числа специалистов, а доля рабочего времени каждого из них, приходящаяся на секретные документы, — 5%.

Расчёт численности возможных участников пилотного проекта по апробации удалённой работы

В число участников пилотного проекта могут быть включены государственные служащие, за исключением отдельных категорий. Введем следующие обозначения:

I — доля сотрудников, не занимающих руководящие должности (без обеспечивающих специалистов);

O — доля обеспечивающих подразделений;

T — доля сотрудников, работающих с государственной тайной.

Индексы ЦА и ТО будем использовать в тех случаях, когда речь будет идти о значениях, различающихся для центрального аппарата и территориального органа.

Доля потенциальных участников пилотного проекта K может быть вычислена по формуле

$$K = I * (1-O) * (1-T).$$

Для центрального аппарата модельного органа параметры принимают следующие значения:

$$I = 0,6; O_{\text{ца}} = 0,35; T = 0,1.$$

Отсюда

$$K_{\text{ца}} = 0,351 \approx 0,35.$$

Для территориального органа изменяется только значение O: $O_{\text{то}}$ равно 0,2, поэтому $K_{\text{то}} = 0,432 \approx 0,43$.

Расчёт возможности экономии площадей при переходе к системе абонирования рабочих мест

Рассчитаем потребность в площадях при действующей системе (у каждого сотрудника есть рабочее место) и при введении дистанционной работы (в явочные дни государственные служащие используют систему абонирования рабочих мест). При этом для модельного органа примем следующие условия:

- ▶ за руководителями самостоятельных структурных подразделений сохраняются постоянные рабочие места;
- ▶ площадь, занимаемая одним сотрудником, одинакова для всех оставшихся госслужащих;
- ▶ после перехода на дистанционную работу число явочных дней составит в среднем 2 дня для специалистов и обеспечивающих специалистов и 3,5 дня для руководителей отделов.

Введем следующие обозначения: N — число сотрудников органа власти без учета руководителей уровня структурных подразделений и выше; S — площадь, приходящаяся на одного сотрудника (рабочие места и другие площади, прямо пропорциональные числу сотрудников).

Тогда используемая площадь M до введения дистанционного режима работы составит:

$$M = S * N.$$

Возможное высвобождение площадей будем рассчитывать для ситуации, когда еще сохраняется внешний бумажный документооборот. В этих условиях на дистанционную работу не сможет перейти часть сотрудников обеспечивающих подразделений, а именно:

- ▶ некоторые сотрудники финансово-бухгалтерских подразделений;
- ▶ сотрудники юридических подразделений, имеющие дело с судебными органами и с бумажными договорами;
- ▶ полностью подразделения документационного обеспечения, делопроизводства и архива;
- ▶ часть сотрудников подразделений по информационно-технологическому обеспечению;
- ▶ полностью подразделения по организационно-техническому и материальному обеспечению;
- ▶ полностью подразделения по мобилизационной подготовке и обеспечению государственной тайны.

Долю сотрудников обеспечивающих подразделений, не использующих дистанционный режим работы, обозначим как L . Проведенная оценка показывает, что L составляет примерно 0,5.

Также обозначим: D_p — среднее число явочных дней в течение рабочей недели руководителей отделов; D_c — среднее число явочных дней в течение рабочей недели специалистов; J — доля руководителей отделов; O — доля обеспечивающих подразделений.

Совокупную площадь M' , используемую в течение средней рабочей недели после введения удалённого режима работы, рассчитаем отдельно для сотрудников обеспечивающих и иных (функциональных) подразделений.

Тогда для функциональных подразделений:

$$M'_{\text{ф}} = 1/5 * (S * N * (1 - O) * J * D_p + S * N * (1 - O) * (1 - J) * D_c);$$

для обеспечивающих:

$$M'_{\text{об}} = 1/5 * (S * L * (N * O) * 5 + S * (N * O) * (1 - L) * J * D_p + S * (N * O) * (1 - L) * (1 - J) * D_c).$$

Прокомментируем получившиеся формулы. В функциональных подразделениях всего работает $N * (1 - O)$ сотрудников, из них руководители составляют $N * (1 - O) * J$, а специалисты — $N * (1 - O) * (1 - J)$. Для каждого из них используемая площадь составляет S в течение D дней в неделю. Общая площадь получается суммированием площадей, требуемых для руководителей отделов и для специалистов.

В обеспечивающих подразделениях аналогичная формула применяется для $N * O$ сотрудников этих подразделений, из которых $N * O * (1 - L)$ применяют удалённый режим

работы. Для оставшихся же $N \cdot O \cdot L$ сотрудников площадь S требуется в каждый из пяти дней рабочей недели.

Складывая эти значения и упрощая выражение, получим:

$$M' = M'_{\phi} + M'_{об}$$

Экономия площадей E от перехода на дистанционный режим работы составит:

$$E = 100\% \cdot (M - M') / M.$$

Параметры $D_p = 3,5$, $D_c = 2$ и $L = 0,5$ одинаковы для ЦА и ТО. Как и в случае расчёта числа участников пилотного проекта, $O_{ца} = 0,35$; $O_{то} = 0,2$.

Из описания модели следует, что для территориального органа $J_{то} = 0,4$. Для центрального аппарата необходимо учесть, что руководители структурных подразделений исключены из рассмотрения, поэтому доля руководителей отделов должна быть пересчитана. Для рассматриваемых 90% сотрудников она составит $J_{ца} = 0,278$.

Теперь можно вычислить $E_{ца} = 39,9\% \approx 40\%$ и $E_{то} = 46,8\% \approx 47\%$.

Указанные значения позволяют оценить среднее значение экономии площадей. Однако число рабочих дней не является фиксированной величиной и может меняться от недели к неделе. Необходим дополнительный резерв абонируемых рабочих мест. Если такой резерв оценить в 10%, то в формуле для расчёта E значение M' следует брать с коэффициентом 1,1. Тогда итоговые значения будут: $E_{ца} = 34\%$, $E_{то} = 41,4\% \approx 40\%$.

Таким образом, при дистанционной работе при введении системы абонирования рабочих мест можно ожидать сокращения используемых площадей примерно на $\frac{1}{3}$ для ЦА и на 40% для ТО.

Дмитриев Михаил Эгонович

dmitriev-me@ranepa.ru

Mikhail Dmitriev

doctor of economics, senior research fellow of the Institute of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy and Civil Service of the President of Russia

dmitriev-me@ranepa.ru

Крапиль Валерий Борисович

krapil-vb@ranepa.ru

Valery Krapil

research fellow of the Institute of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy and Civil Service of the President of Russia

krapil-vb@ranepa.ru

ASSESSMENT OF THE POSSIBILITIES OF DISTANT EMPLOYMENT OF CIVIL SERVANTS

Abstract. The article considers the possibilities of distant work in the public administration in Russia. We analyze potential cases of such transition for certain services and functions. We also assess the potential share of distance employment for different executive bodies with regard to their structure and functions. We consider the possible sequence of transition to distance employment as well as obstacles on its way. The article also examines some aspects of distant work in emergency situations.

Keywords: *civil service, distance employment, digital document flows, functions of executive bodies, public services.*

JEL: M10, M12, M14, M15, M48, M50.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Н.В. Зубаревич

*д.геогр.н., профессор, географический факультет,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (Москва)*

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И БЮДЖЕТЫ РЕГИОНОВ

Аннотация. Первая волна коронавирусного кризиса сильно ударила по экономике и бюджетам регионов, но с разной территориальной проекцией. Из-за карантина сильнее пострадали крупные города, где концентрируются сервисные отрасли и занятые в них. Промышленный спад был сильнее в регионах добычи нефти и газа, а также в регионах автопрома. Неполная занятость быстрее росла в индустриальных регионах и в федеральных городах, а зарегистрированная безработица — в крупнейших агломерациях (с исходно минимальным её уровнем) и в слаборазвитых республиках. Доходы бюджетов сильнее сократились в более развитых и нефтегазодобывающих регионах из-за падения налога на прибыль. На выходе из первой волны быстрее восстанавливалась розничная торговля, но с осени она уперлась в снизившийся потолок платёжеспособного спроса. Восстановление платных услуг шло медленно почти во всех регионах, за исключением курортных. Регионы обрабатывающей промышленности восстанавливались быстрее, чем добывающей. Рост доходов бюджетов регионов также был более медленным в регионах экспортно-ресурсной промышленности. Масштабная федеральная помощь компенсировала потери доходов большинству регионов и помогла преодолеть бюджетный кризис. Влияние второй волны коронавирусного кризиса на экономику и бюджеты пока слабое. Незначительно ухудшилась только динамика платных услуг из-за новых ограничений, розничная торговля стагнировала. Это может ускорить деградацию сервисной экономики крупных городов в условиях снижения доходов населения. В промышленности негативных изменений не произошло. Еще один риск — сокращение поддержки безработных при низком спросе на рабочую силу на региональных рынках труда. Оценить влияние второй волны на бюджеты регионов пока невозможно из-за отсутствия данных, но состояние бюджетов будет в большей степени зависеть от политики федеральных властей и масштабов поддержки производства «Атлант расправил плечи» она развивает свои философские и экономические теории.

Ключевые слова: *регионы России, коронавирусный кризис, динамика промышленности, розничной торговли, платных услуг, доходов населения, уровень зарегистрированной безработицы, бюджеты регионов.*

JEL: A13, D00, G18, H12, I10, J10.

DOI: 10.24411/2587-7666-2021-10104.

Коронавирусный кризис был тотальным, ударив почти по всем секторам экономики, по занятости и доходам населения, по доходам бюджетов. Первая волна кризиса, во многом обусловленная карантинами, пришлась на второй квартал 2020 г. Частичное восстановление, длившееся до сентября, начиная с октября было прервано второй волной пандемии, которая не закончилась и в начале 2021 г. Она не сопровождалась массовым закрытием бизнесов и жесткими ограничениями для работников, но негативно повлияла на восстановительный рост.

Общероссийские тенденции не отражают регионального разнообразия в прохождении первой и второй волны кризиса, в темпах восстановления. Все последствия второй волны пока невозможно оценить, но последние данные за ноябрь 2020 г. отражают ход восстановления и новое торможение в регионах. Для оценки влияния первой и второй волны пандемии на развитие регионов в статье рассматривается динамика основных социально-экономических индикаторов, а также изменения состояния бюджетов регионов за десять месяцев 2020 г.

Обзор ранее выполненных исследований

Динамика развития регионов в кризисы 2000-х гг. рассматривалась в ряде публикаций, при этом всегда отмечались сильные региональные различия. Глобальный кризис 2008–2009 гг., который сопровождался спадом промышленного производства на 11% в 2009 г. и ростом безработицы по методологии МОТ до 8,5%, основным фактором стала специализация экономики регионов [Зубаревич, 2012]. Этот кризис раньше и сильнее затронул регионы металлургической специализации с высокой долей экспорта, а затем регионы машиностроительной специализации из-за низкой конкурентоспособности. Краткосрочный спад цен на нефть и газ слабо повлиял на динамику развития регионов нефтегазовой специализации, в большинстве из них продолжался промышленный рост. Металлургические и машиностроительные регионы отличались значительным ростом уровня безработицы, в металлургических также сильно снизились доходы бюджетов из-за сокращения поступлений налога на прибыль. В кризис 2009 г. федеральные власти резко нарастили поддержку субъектов РФ, объем трансфертов регионам увеличился на треть.

Оценивались также перспективы прохождения регионами кризиса 2009 г. с предположением, что более вероятным результатом станет снижение межрегионального неравенства за счет ослабления и уменьшения числа регионов-лидеров и расширения периферии [Нефедова, Трейвиш, 2009]. Однако последующие исследования показали, что заметных изменений регионального неравенства в этот кризис не произошло [Зубаревич, Сафронов, 2014], восстановление было довольно быстрым.

Следующий экономический кризис середины 2010-х гг., помимо обвала цен на нефть и девальвации рубля, обусловили санкции. В 2015 г. сильно сократились инвестиции, доходы населения и потребление (розничная торговля) как в целом по России, так и почти во всех регионах [Зубаревич, 2015]. Спад не был преодолен до конца 2019 г.: объем инвестиций был на 3% ниже уровня 2013 г., объемы жилищного строительства и розничной торговли — на 8% от уровня 2015 и 2014 гг., соответственно, реальные доходы населения были ниже докризисных на 7% [Зубаревич, Макаренцева, Мкртчян, 2020]. Только промышленное производство, после незначительного снижения в кризис, выросло на 10% к уровню 2014 г. благодаря повышению цен на продукцию российского экспорта и роста пищевой отрасли после введения «контрсанкций». Поддержка регионов из федерального бюджета была минимальной, объем трансфертов в 2015–2017 гг. почти не рос, увеличение помощи началось только в 2018–2019 гг. в связи с электоральным циклом и реализацией национальных проектов.

Первая волна пандемии в апреле–мае 2020 г. сопровождалась масштабными ограничениями мобильности населения (карантины), приостановкой предоставления многих рыночных услуг и работы части промышленных предприятий. Жёсткость и длительность ограничений в регионах РФ была разной — от максимальных в Московской агломерации до относительно слабых, например, в Тверской области. Карантины привели к экономическому спаду, снижению внутреннего спроса, сжался также глобальный спрос на продукцию экспортных отраслей.

Влияние коронавирусного кризиса на российскую экономику, занятость, уровень жизни населения и бюджеты регионов рассматривалось в мониторингах НИУ ВШЭ и РАНХиГС. Проводились модельные расчеты спада доходов населения и роста уровня бедности в целом по России [*Экономические и социальные последствия коронавируса...*, 2020], оценки влияния мер поддержки, реализованных российскими властями [*Пишняк, Корчагина, Горина, Тер-Акопов, 2020*]. В мониторингах РАНХиГС и Института Гайдара [*Нефедова, Трейвиш, 200911*], а также Центра развития НИУ ВШЭ [*Бюджеты...*, 2020] рассматривались масштабы спада доходов бюджетов регионов в первые месяцы пандемии. В мониторингах Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС рассматривается кризисная динамика социально-экономических и бюджетных индикаторов, дифференциация регионов по темпам спада в острой весенней фазе кризиса и последующие месяцы 2020 г. [*Зубаревич, 2020; Мониторинг экономической ситуации...*, 2020; *Хасанова, Флоринская, Зубаревич, Бурдяк, 2020*].

В начале первой волны коронавирусного кризиса анализировались риски для занятости и бюджетов регионов, роста безработицы, особенно в крупных городах с высокой долей занятых в секторе рыночных услуг [*Зубаревич, 2020*]. Рассматривались также риски для регионов с высокой неформальной занятостью и одновременно с повышенной занятостью в более стабильном секторе бюджетных услуг; на основе анализа сектора рыночных услуг в регионах сделан вывод о необходимости снижения занятости в простых услугах, прежде всего в торговле [*Кузнецова, 2020*]. Сравнительный анализ трех кризисов (2009, 2015 и 2020 гг.) показал, что каждый из них имел разную динамику и региональную проекцию [*Зубаревич, Сафронов, 2020*]. Однако во всех рассмотренных публикациях не проводилось сравнение первой и второй волны коронавирусного кризиса на основе месячной динамики региональных индикаторов почти за весь 2020 г.

Источники данных и используемые методы

В работе использованы месячные (или квартальные) данные Росстата о динамике промышленного производства, розничной торговли, платных услуг, реальных доходов населения, уровня безработицы по методологии МОТ и зарегистрированной безработицы за 2020 г. Пока к ним невозможно добавить уровень бедности, так как региональные данные будут доступны только в середине 2021 г. и они публикуются в целом за год. Месячные данные позволяют выявить глубину спада в ходе первой волны, темпы восстановления и последующее торможение во вторую волну. Поскольку месячная региональная статистика нестабильна, для ряда индикаторов рассчитывалось среднее значение за два месяца. Рассматривалась также динамика за январь–ноябрь 2020 г. для выявления устойчивости изменений.

Бюджетный анализ проведен по данным Федерального Казначейства об исполнении консолидированных бюджетов регионов ежемесячно и нарастающим итогом для оценки темпов выхода из кризиса. Для оценки влияния первой волны рассчитаны данные об исполнении бюджетов за апрель–июнь 2020 г. Оценить влияние второй волны пока невозможно, так как опубликованы данные только за январь–октябрь 2020 г., но они позволяют

оценить скорость выхода из ковидного спада доходов бюджетов регионов и причины разной региональной динамики.

Использованы простые статистические методы анализа динамики в виде гистограмм распределения регионов по темпам спада для социально-экономических показателей, что позволяет выявить территориальные различия первой и второй волны кризиса. Использовать эконометрические методы на помесечной статистике затруднительно из-за ее относительной достоверности и сильных колебаний отдельных индикаторов из-за множества разнородных факторов, влияющих на динамику.

Результаты исследования

1. *Социально-экономические последствия коронавирусного кризиса в регионах.* По сравнению с сильным спадом в первую волну пандемии, прежде всего торговли и услуг, вторая волна не сопровождалась снижением показателей в целом по России; она только затормозила восстановление экономики. Незначительный спад отмечался лишь в платных услугах и был связан с введением новых ограничений осенью (рис. 1).

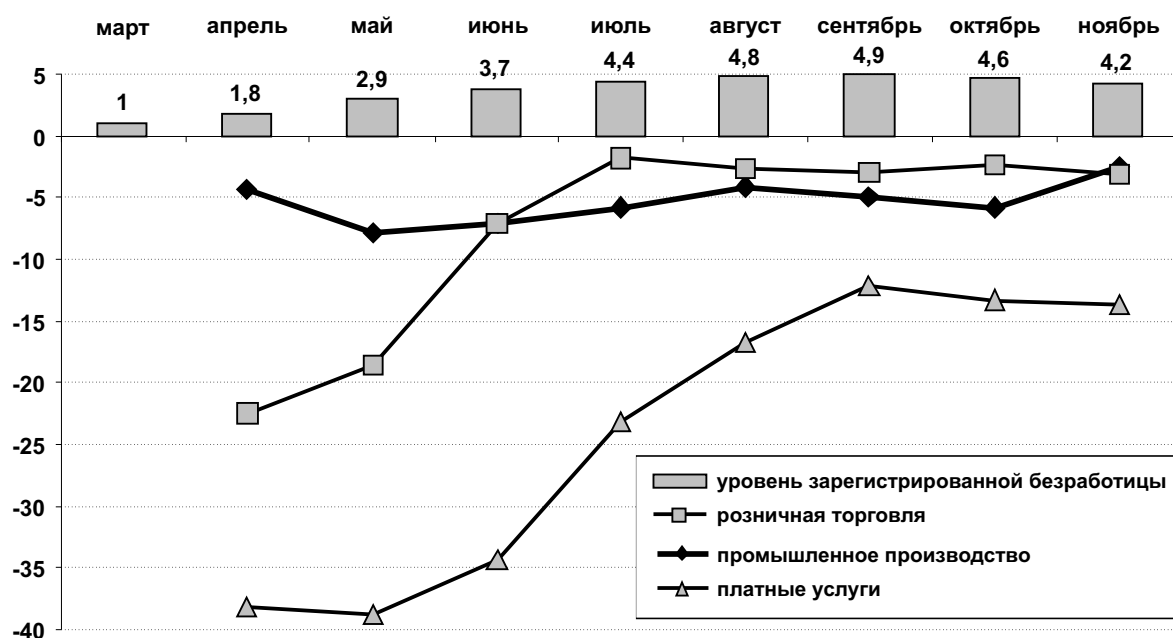

Рис. 1. Помесячная динамика промышленного производства, розничной торговли, платных услуг в 2020 г. (в % к тому же месяцу 2019 г.) и уровень зарегистрированной безработицы на конец месяца (в %)

Источник: данные Росстата.

Спад *промышленности* в 2020 г был менее сильным, но устойчивым вследствие негативного влияния нескольких факторов: снижения глобального спроса на продукцию экспортных отраслей, производящих сырье и полуфабрикаты (алмазы, нефть, газ, уголь, в меньшей степени — металлургия), сокращения внутреннего спроса, особенно на продукцию автопрома и ювелирной промышленности, а также карантина для части предприятий в отраслях внутреннего спроса в первую волну. В апреле–мае сократили промышленное производство 59 регионов, в том числе 20 регионов — на 10–35% (рис. 2). Самую худшую динамику имели регионы автопрома (Калининградская, Ульяновская, Нижегородская области — спад на 20%), часть нефтегазодобывающих и других сырьевых регионов (Ненецкий, Ханты-Мансийский АО, Томская область и Якутия — на 15–20%), а также Приморский край и Костромская область (спад на 25%).

Восстановительный рост шел быстрее в обрабатывающих отраслях, после падения во II квартале на 5% объем производства за январь–ноябрь 2020 г. вернулся к уровню 2019 г. Во вторую волну спада не было, в октябре–ноябре почти половина регионов восстановили или превысили показатель того же периода 2019 г., а в регионах автопрома спад смягчился. В добывающих отраслях производство в январе–ноябре 2020 г. сократилось на 7% к тому же периоду 2019 г., а в осенние месяцы оно не росло. Худшую динамику во вторую волну ковида (октябрь–ноябрь) имели регионы ТЭК (Томская область, Ненецкий, Ханты-Мансийский АО, Удмуртия, Коми, Татарстан — спад 10–18%).

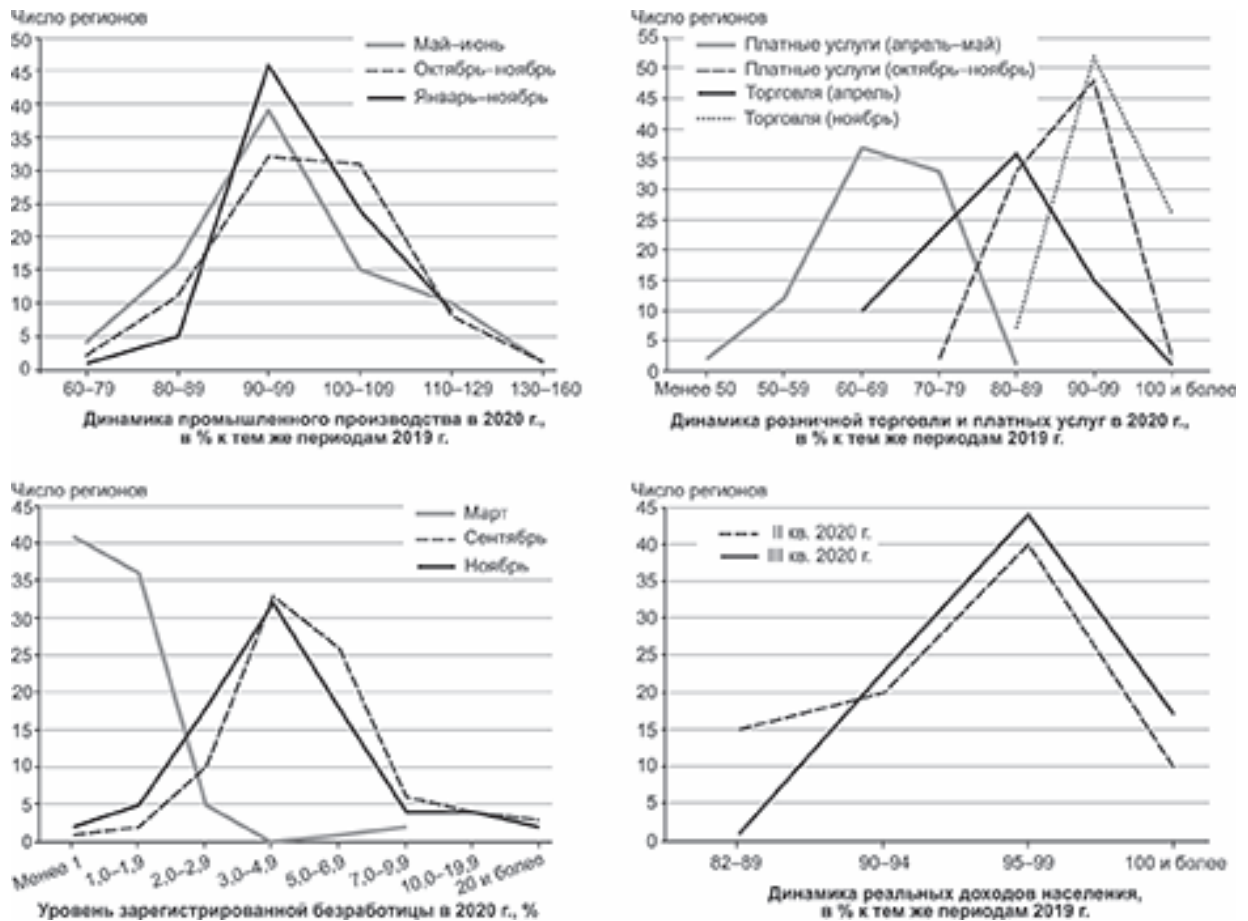

Рис. 2. Распределение субъектов РФ по динамике промышленного производства, розничной торговли, платных услуг, реальных доходов населения и уровню зарегистрированной безработицы в 2020 г.

Источник: рассчитано по данным Росстата

Спад инвестиций был максимальным во II-м квартале (-7,6%) и уменьшился до -4,2% в III квартале 2020 г. Поквартальные данные по регионам публикуются только нарастающим итогом, за январь — сентябрь инвестиции сократились на 4,1%. По статистике за три квартала 2020 г. невозможно выявить влияние двух волн кризиса, но заметна концентрация инвестиций в регионах с максимальными конкурентными преимуществами — крупнейших федеральных городах и главных нефтегазодобывающих регионах (рис. 3). Это устойчивый тренд, он проявлялся и в прошлый кризис: доля Москвы с Московской областью во всех инвестициях в России выросла с 15% в 2014 г. до 21% в 2019 г., а доля Тюменской области с автономными округами стабильно составляла 12–14%, т.е. крупнейшая агломерация страны и главный нефтегазодобывающий регион суммарно получили треть всех инвестиций в России. В ковидный кризис процесс территориальной концентрации инвестиций продолжился — они идут туда, где выше отдача от вложенных средств.

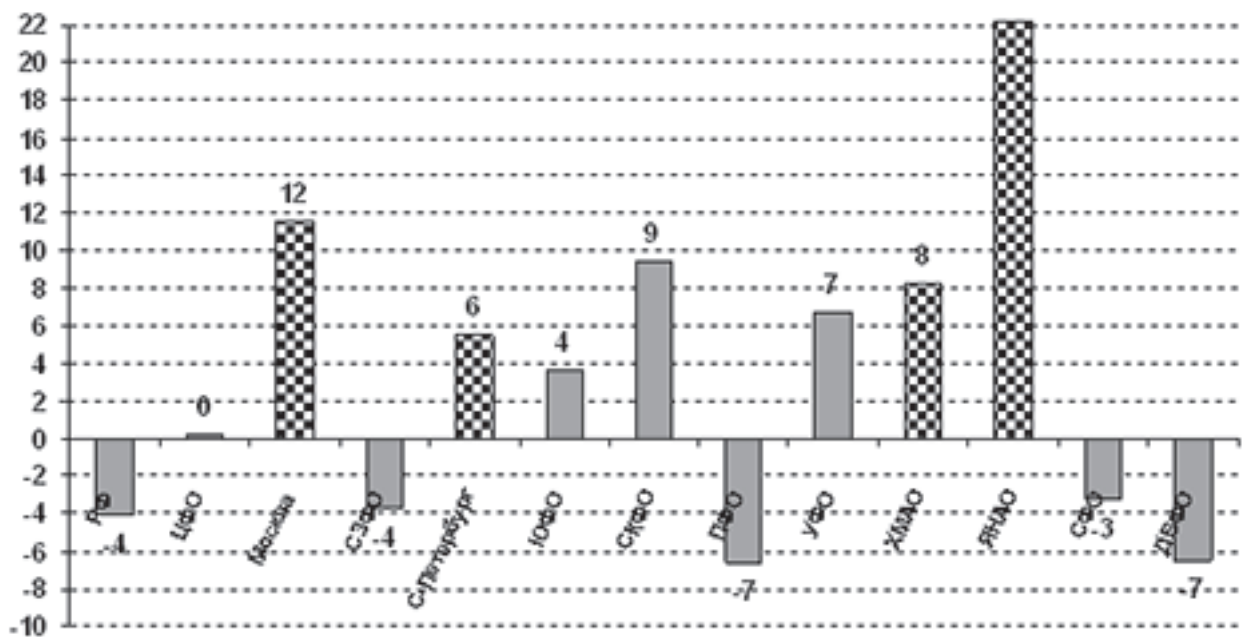

Рис. 3. Динамика инвестиций в январе — сентябре 2020 г. по федеральным округам и отдельным субъектам РФ, в % к тому же периоду 2019 г.

Источник: данные Росстата

Более сильно ударил ковидный кризис по сектору рыночных услуг, концентрирующихся в крупных городах. *Розничная торговля* еще не восстановилась после предыдущего кризиса, ее объем в реальном выражении в 2019 г. был на 8% меньше, чем в 2014 г. В первую волну ковида главным фактором был карантин, объем розничной торговли снизился в апреле на 23%, спад произошел во всех регионах (см. рис. 2). Восстановление летом и осенью было неполным из-за снижения платёжеспособного спроса населения (см. рис. 1). В ноябре розничная торговля восстановилась или выросла к тому же периоду 2019 г. только в 26 регионах. В целом за январь — ноябрь объем розничной торговли сократился на 4%, превысив уровень 2019 г. менее чем в десятке регионов: от республик Калмыкии и Адыгеи до Ленинградской, Рязанской, Тюменской и Челябинской областей. Этот малопонятный перечень вызывает сомнения в достоверности региональной статистики розничной торговли в ковидный кризис.

По сравнению с розницей, где в карантин закрывалась только непродовольственная торговля, провал *платных услуг* был намного сильнее, а отскок — значительно более медленным из-за снижения платёжеспособного спроса населения (см. рис. 1). В октябре и ноябре динамика вновь ухудшилась, повторное введение ограничений во вторую волну ковида затормозило восстановление почти во всех регионах (см. рис. 2). В целом за январь–ноябрь спад объема платных услуг составил 18%, а оборота общественного питания — 22%. Быстрее восстанавливались платные услуги в рекреационных регионах — Крыму, Краснодарском крае и Горном Алтае — благодаря увеличению притока туристов в курортный сезон из-за ограничений выезда за границу. Самый сильный спад сохранялся в Москве (–26% в ноябре): столичные жители стали меньше использовать общественный транспорт, посещать развлекательные и прочие учреждения из-за введенных ограничений.

Платные услуги в еще большей степени, чем розничная торговля, концентрируются в крупнейших городах: на Московскую агломерацию и Санкт-Петербург суммарно приходится 28% их общего объема. Сильный спад негативно повлиял на малый и средний бизнес, преобладающий в платных услугах, и на занятость в этом трудоемком секторе. Сектор платных услуг будет восстанавливаться медленно даже после отмены ограничений, так как платёжеспособный спрос населения и бизнеса сократился.

В секторе услуг велика доля *малых и средних предприятий и организаций* (МСП). Помощь государства пострадавшим отраслям была слабой, поэтому риски банкротств МСП выросли. Проблемы пандемии накладываются на негативные тенденции предыдущих лет: по данным Росстата, численность занятых в МСП сокращалась и до ковида, с 12 млн человек в 2017 г. до 11 млн человек в I квартале 2020 г., т.е. на 9%. Снижение занятости происходило в подавляющем большинстве регионов. Последствия ковида пока оценить невозможно, численность занятых в МСП за январь — сентябрь 2020 г. даже немного выросла. Скорее всего, рост банкротств МСП переместится в 2021 г. в связи с окончанием льготного периода, позволявшего откладывать налоговые и арендные платежи. Не все бизнесы смогут их заплатить из-за сильного падения прибыли.

Кризисный спад *занятости* проявлялся в разных формах. Для крупных и средних предприятий и организаций, прежде всего промышленных, основным механизмом адаптации к кризисам является рост неполной занятости, позволяющий снизить издержки на оплату труда. Российский Трудовой кодекс затрудняет увольнения, но разрешает неполную занятость (простои, отпуска по соглашению сторон и др.). В первую волну ковидного кризиса неполная занятость выросла с 3,8% в I квартале до 6,3% во II-м. Этот механизм стали широко применять и в секторе рыночных услуг, что показывает рост неполной занятости в Москве до 8,8% и в Санкт-Петербурге до 10%. В III квартале уровень неполной занятости сократился в целом по стране до 4,2%; только в Ивановской, Брянской, Тамбовской, Томской областях сохранились повышенный уровень и негативная динамика неполной занятости. Данных за IV-й квартал пока нет, но вторая волна кризиса вряд ли приведет к заметному росту неполной занятости в регионах.

Уровень *безработицы по методологии МОТ* вырос незначительно — с 4,8% в I квартале до 6,2–6,3% в августе–ноябре. Он приблизился к уровню зарегистрированной безработицы. Отмечу, что такого в России никогда не было. Заметны две зоны значительного роста. Первая — некоторые индустриальные регионы (Карелия, Волгоградская и Томская области — до 9–10%, Ярославская, Челябинская и Кемеровская — до 8%, Ставропольский, Красноярский края, Оренбургская область, Башкортостан и Марий Эл — до 7%). Вторая — республики Северного Кавказа и юга Сибири, которые давно имеют самый высокий уровень безработицы по МОТ.

Динамика *зарегистрированной безработицы* обусловлена прежде всего институциональными факторами, поэтому не отражает влияния двух волн ковидного кризиса. Уровень зарегистрированной с марта по сентябрь вырос в пять раз — с 1 до 4,9%, или с 0,7 млн до 3,7 млн человек (см. рис. 1). Федеральные власти весной увеличили пособия по безработице до прожиточного минимума (с дополнительной выплатой 3 тыс. руб. на ребенка) и упростили процедуру регистрации в службах занятости. Из федерального бюджета на выплаты пособий по безработице в январе — октябре 2020 г. было дополнительно израсходовано 124 млрд руб., что стало значимой мерой поддержки населения в период кризиса. Однако эти меры были временными, только на три — четыре месяца. С октября правила регистрации ужесточились, выплаты на детей отменили, поэтому численность зарегистрированных безработных стала сокращаться. Власти не сочли необходимым поддерживать безработных в прежних масштабах, поскольку жёстких карантинных ограничений во вторую волну ковида не вводилось.

Быстрый рост и последующее плавное снижение уровня безработицы произошло во всех регионах (см. рис. 2). В Москве, Санкт-Петербурге, Московской области и Татарстане уровень зарегистрированной безработицы до ковида был минимальным (0,4–0,6%), к сентябрю он вырос в 7–8 раз (до 3,1–3,6%). В Москве дополнительным стимулом стали доплаты из столичного бюджета к пособию по безработице. Максимальным ростом зарегистрированной безработицы отличалось большинство республик Северного Кавказа (с 1,5 в марте до 9–16% в сентябре). В Ингушетии и Чечне зарегистрированная безработица и до ковида была высокой (8%), а в сентябре она выросла до 25%, схожая динамика наблюдается в Тыве

(рост с 5 до 24%). Слаборазвитые республики стали основными бенефициарами роста поддержки безработных с помощью пособий, их получили в том числе потерявшие работу в неформальной экономике. Масштабные выплаты пособий по безработице способствовали снижению социального напряжения, особенно в проблемных республиках.

Реальные *доходы населения* России сократились на 7% с 2014 по 2019 гг., затем в первую волну пандемии (II квартал 2020 г.) — на 8%, а в III квартале — на 4%. За весь 2020 г. ожидается снижение на 4%. С учетом предыдущего спада это отбросит реальные доходы населения на уровень 2010 г. Оценить региональную динамику реальных доходов населения сложно, достоверность статистики вызывала вопросы еще в предыдущий кризис, а в пандемию проблем стало больше. Если верить статистике, во II квартале реальные доходы населения не падали или росли в 10 регионах, в III квартале — в 17 регионах (см. рис. 2). В течение обоих кварталов устойчиво росли доходы населения Калмыкии, Тывы и Чукотки, что труднообъяснимо. Невысокая достоверность региональных измерений не позволяет анализировать динамику доходов населения в ковидный кризис.

2. *Бюджеты регионов.* Первая волна ковидного кризиса и карантины нанесли сильный удар по *доходам бюджетов регионов*. Во II-м квартале 2020 г. собственные доходы консолидированных бюджетов (без трансфертов) сократились на 20% (–567 млрд руб.), в том числе поступления налога на прибыль — на 27% (–243 млрд руб.), НДС — на 10% (–99 млрд руб.) по сравнению с тем же периодом 2019 г. Сильнее пострадали более развитые и нефтегазодобывающие регионы, где локализован крупный экспортный бизнес: сокращение промышленного производства и мировых цен обусловило резкое снижение прибыли крупных компаний и поступлений налога на прибыль в бюджеты. Максимальные недополученные (выпадающие) доходы имела Москва (–141 млрд руб. за апрель — июнь), в том числе из-за жёсткого карантина. Сильнейший спад доходов бюджетов во II-м квартале стал одной из главных причин отказа от повторного карантина во вторую волну ковида осенью — экономика и бюджеты его бы не выдержали.

Оценить влияние второй волны пока невозможно, данные об исполнении бюджетов регионов доступны лишь за октябрь. Можно только понять, насколько быстрым было восстановление доходов бюджетов регионов после первой волны. В целом за январь–октябрь 2020 г. ситуация улучшилась: собственные доходы сократились только на 5%, поступления налога на прибыль — на 15%, а поступления НДС выросли на 4% к тому же периоду 2019 г. Таким образом, медленнее восстанавливался налог на прибыль, который наиболее значим для развитых и ресурсно-экспортных регионов.

При этом все доходы бюджетов регионов выросли за январь–октябрь на 5% благодаря дополнительным трансфертам из федерального бюджета. Трансферты выросли на 1 трлн руб. при 478 млрд руб. недополученных (выпадающих) собственных доходов бюджетов за тот же период. В результате спад собственных доходов был перекрыт трансфертами более чем вдвое. Объем трансфертов в январе–октябре 2020 г. увеличился на 56% по сравнению с 2019 г., такого роста помощи регионам не происходило ни в один из предыдущих кризисов, даже в тяжелом 2009 г. он составил 27%.

Можно выделить две группы регионов с разными масштабами помощи относительно масштабов падения собственных доходов их бюджетов (табл. 1). Первая — регионы, которым не компенсировали потери доходов бюджета. Слабее всего помогли «богатым» регионам с высокой бюджетной обеспеченностью (Москве, Тюменской, Сахалинской областям, ЯНАО и НАО). Федеральные власти считают, что они справятся сами. Кроме того, не компенсировали полностью большие потери доходов ряду ресурсодобывающих регионов со средней и невысокой бюджетной обеспеченностью (Астраханская, Архангельская, Кемеровская области, Пермский край, Коми, Татарстан). Причины такой политики неизвестны. Вторая группа — регионы, получившие огромную помощь, часть из них не теряли

собственные доходы, другой части потери были компенсированы с лихвой. Среди них не только высоккодотационные и особо поддерживаемые Чечня и Дагестан, но и самые разные регионы. В ковидный кризис нетранспарентность межбюджетных отношений и системы принятия решений о помощи регионам только усилилась.

Таблица 1

Объем выпадающих (недополученных) собственных доходов консолидированных бюджетов регионов и объем дополнительных трансфертов в январе — октябре 2020 г. (относительно января–октября 2019 г.), млрд руб.

	Выпадающие доходы	Дополнительные трансферты		Выпадающие доходы	Дополнительные трансферты
Ямало-Ненецкий АО	-58,7	8,1	Респ. Башкортостан	-23,5	33,0
Тюменская обл.	-55,8	6,4	Свердловская обл.	-13,4	33,6
Москва	-54,3	25,0	Челябинская обл.	-11,3	24,0
С.-Петербург	-15,9	13,4	Самарская обл.	-5,5	26,8
Респ. Татарстан	-41,8	34,1	Саратовская обл.	-4,3	23,1
Кемеровская обл.	-26,5	19,9	Нижегородская обл.	-4,0	23,6
Пермский край	-22,9	21,6	Московская обл.	-3,9	20,8
респ. Коми	-17,6	11,1	Новосибирская обл.	-1,3	31,8
Архангельская обл.	-9,5	7,3	Респ. Дагестан	-0,9	30,7
Сахалинская обл.	-9,4	-2,6	Ростовская обл.	0,2	25,5
Астраханская обл.	-7,5	6,3	Чеченская респ.	0,5	18,7
Ненецкий АО	-4,5	2,6	Алтайский край	1,6	18,5

Источник: рассчитано по данным Федерального казначейства.

Влияние пандемии на *расходы бюджетов регионов* проявилось прежде всего в масштабном росте расходов на здравоохранение: в январе — октябре они выросли на 75% к тому же периоду 2019 г., в том числе в Москве — в 2,3 раза, а в остальных регионах — на 62% (табл. 2). Пандемия еще сильнее выявила огромные различия в возможностях оказания медицинской помощи в столице и других регионах страны. Это привело к дефициту ковидных коек во многих регионах, особенно во вторую волну пандемии. Второй приоритет — социальная политика (социальная защита) из-за роста трансфертов на выплату пособий по безработице, на детей и т.д. При этом рост в Москве был меньше, поскольку в структуре ее расходов на социальную политику значительную долю занимают «московские» надбавки к пенсиям, которые в ковидный кризис выросли несущественно. Расходы на образование в регионах росли в пределах инфляции или чуть выше.

Помимо необходимого роста расходов, связанных с пандемией, увеличились и несоциальные расходы. Региональная динамика очень разная. Москва, несмотря на пандемию, продолжала проводить контрциклическую политику, наращивая расходы на национальную экономику (транспорт и дорожное хозяйство). В большинстве остальных регионов эти расходы росли медленнее и в основном за счет федеральных субсидий в рамках нацпроектов. Снижение расходов на ЖКХ в Москве проведено за счет оптимизации сверхдорогой программы благоустройства. В отличие от Москвы 70 регионов нарастили расходы на ЖКХ. Во-первых, пришлось увеличить субсидирование коммунального хозяйства из бюджета,

Таблица 2

Динамика расходов консолидированных бюджетов регионов в январе–октябре 2020 г., в % к январю–октябрю 2019 г.

	Все регионы	Москва	Регионы без Москвы
Все расходы	17	22	16
Национальная экономика	15	34	9
ЖКХ	-3	-21	9
Образование	5	6	5
Здравоохранение	75	128	62
Социальная политика	24	15	26

Источник: рассчитано по данным Федерального казначейства.

чтобы не повышать тарифы для населения, доходы которого сократились. Во-вторых, несмотря на пандемию, регионы должны были выполнять нацпроекты, получая субсидии на жёстко определенные цели. Суммарный объем субсидий, т.е. целевых трансфертов, увеличился в январе — октябре в два раза, а дотаций (нецелевых трансфертов) — только в полтора раза.

Еще одно следствие ковидного кризиса — рост несбалансированности бюджетов регионов. Их расходы в январе — октябре 2020 г. росли значительно быстрее доходов (на 17% и 5%, соответственно), в результате 40% регионов уже в октябре имели дефицит бюджета. Самый сильный дефицит у тех регионов, которым не покрыли выпадающие доходы (Архангельская, Кемеровская области, республика Коми — 14–16%, Тюменская область и Ненецкий АО — 9%). Если федеральные власти не увеличат объемы помощи в ноябре — декабре, то к концу года число регионов с дефицитом бюджета сильно вырастет, поскольку пик расходов приходится на декабрь в связи с оплатой госконтрактов.

Выводы

Вторая волна коронавирусного кризиса еще не завершилась. Данные за весь 2020 г. уточнят ее влияние, но существенных изменений, скорее всего, не покажут — основные тенденции и риски уже проявились.

Первая волна сильно ударила по экономике и бюджетам регионов, при этом территориальные проекции были разными. Из-за карантина самыми пострадавшими оказались крупные урбанизированные регионы с концентрацией сервисных отраслей и занятости в них. Промышленный спад был более сильным в регионах добычи нефти и газа, зависящих от глобального спроса, а также в регионах автопрома из-за снижения внутреннего спроса. Рост неполной занятости был более значительным в индустриальных регионах и в федеральных городах, а зарегистрированной безработицы — в крупнейших агломерациях (с исходно минимальным её уровнем) и в слаборазвитых республиках. Сокращение доходов бюджетов сильнее всего проявилось в более развитых и нефтегазодобывающих регионах из-за сильного спада поступлений налога на прибыль.

Выход из первой волны коронавирусного кризиса имел разную скорость. Быстрее восстанавливалась розничная торговля, но с осени она упёрлась в потолок снизившегося платёжеспособного спроса. Восстановление платных услуг шло медленнее почти во всех регионах, за исключением курортных. Быстрее восстанавливались регионы обрабатывающей промышленности, в регионах добывающих отраслей динамика хуже. Восстановление доходов бюджетов регионов также было более медленным в регионах локализации экс-

портно-ресурсной промышленности. Масштабный рост федеральной помощи позволил компенсировать потери доходов большинству регионов, что помогло преодолеть бюджетный кризис. Территориальную динамику доходов населения оценить крайне сложно из-за проблем достоверности статистики.

Влияние второй волны коронавирусного кризиса на экономику и бюджеты пока можно оценить как слабое. Незначительно снизились только платные услуги из-за новых ограничений, розничная торговля осенью стагнировала. Вторая волна может ускорить деградацию сервисной экономики крупных городов в условиях снижения доходов населения. В промышленности негативных изменений не произошло, но продолжалась стагнация добывающих отраслей. Еще один риск — сокращение поддержки безработных при низком спросе на рабочую силу на региональных рынках труда. Оценить влияние на бюджеты регионов пока невозможно из-за отсутствия данных, но уже понятно, что состояние бюджетов будет в большей степени зависеть от масштабов поддержки (трансфертов), т.е. от политики федеральных властей.

Проведённый анализ позволяет сделать более общий вывод — и Россия в целом, и её регионы будут выходить из коронавирусного кризиса медленно, если не начнут быстро расти глобальный спрос на продукцию экспортных отраслей и доходы российского населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Бюджеты. Вирус в регионах. Комментарии о государстве и бизнесе (2020). № 291. 16 июня 2020 г. // Институт «Центр развития» НИУ-ВШЭ. www.hse.ru/pubs/share/direct/document/373271455.pdf (дата обращения 15.06.2020)
- Зубаревич Н.В. (2012). Выход из кризиса: региональная проекция // Вопросы экономики. № 4. С. 67–83.
- Зубаревич Н.В. (2020). Пандемия и регионы: итоги января-августа 2020 г. // Экономическое развитие России. Т. 27. № 11. С. 91–95.
- Зубаревич Н.В. (2015). Региональная проекция нового российского кризиса // Вопросы экономики. № 4. С. 37–52.
- Зубаревич Н.В. (2020). Региональные риски нового кризиса для занятости и бюджетов регионов // Мониторинг экономической ситуации в России: Тенденции и вызовы социально-экономического развития. М.: Институт Гайдара, РАНХиГС. С. 3–13.
- Зубаревич Н.В., Макаренцева А.О., Мкртчян Н.В. (2020) Социально-экономическое положение регионов и демографические итоги 2019 г. (по результатам регулярного мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // Экономическое развитие России. Т. 27. № 4. С. 73–87.
- Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2020). Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х // Региональные исследования. № 2 (68). С. 4–17.
- Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2014). Территориальное неравенство доходов населения России и других крупных постсоветских стран // Региональные исследования. № 4. С. 100–110.
- Кузнецова О.В. (2020). Уязвимость структуры региональных экономик в кризисных условиях // Федерализм. 2020. № 2. С. 20–38.
- Макаренцева А.О., Мкртчян Н.В., Зубаревич Н.В. (2020). Демографическая ситуация и социально-экономическое развитие регионов России в первой половине 2020 г. (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // Экономическое развитие России. Т. 27. № 10. С. 73–88.
- Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. (2020). №14 (116). Май. — М.: Институт Гайдара и РАНХиГС. www.iep.ru/ru/publikacii/publication/monitoring-ekonomicheskoy-situatsii-v-rossii-14-116-may-2020-g.html (дата обращения 10.06.2020).
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2009). Кризисное и межкризисное развитие современной России в разных географических масштабах // Известия РАН. Серия географическая. № 4. С. 7–16.
- Пишняк А., Корчагина И., Горина Е., Тер-Акопов С. (2020). Поддержка семей с детьми в условиях пандемии COVID-19. М.: НИУ ВШЭ, Институт социальной политики. Discussion paper # 4. 2020. www.hse.ru/data/2020/06/29/1610612279/ISP%20HSE_COVID-19%20and%20Families%20with%20Child..ussion%20Paper%204_June%2025%202020_RUS.pdf (дата обращения 26.06.2020).
- Хасанова Р.Р., Флоринская Ю.Ф., Зубаревич Н.В., Бурдяк А.Я. (2020). Демографическая ситуация и социально-экономическое положение регионов в апреле 2020 г. (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // Экономическое развитие России. Т. 27. № 6. С. 80–100.
- Экономические и социальные последствия коронавируса в России и в мире (2020) // Аналитический бюллетень Высшей школы экономики. №4. www.hse.ru/mirror/pubs/share/370616519.pdf (дата обращения 01.07.2020).

Зубаревич Наталья Васильевна

nzubarevich@gmail.com

Natalia Zubarevich

Doctor of sciences (Geography), Professor, Moscow Lomonosov State University, Moscow; Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow).

nzubarevich@gmail.com

INFLUENCE THE PANDEMIC AT SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT AND REGIONAL BUDGETS

Abstract. The first wave of the coronavirus crisis hit on the regional economies and budgets hardly. But that have a different territorial projection. Large cities, where the service industries and those employed in them are concentrated, have suffered the most due to quarantine. The industrial downturn was stronger in the oil and gas producing regions, as well as in the automotive regions. Incomplete employment grew faster in the industrial regions and in federal cities, while registered unemployment grew in the largest agglomerations (with her an initial minimum level) and in underdeveloped republics. Budget revenues fell more strongly in more developed and oil and gas producing regions due to the fall in income tax. At the exit from the first wave, retail trade recovered faster, but since autumn it has run up against a reduced ceiling of effective demand. The recovery of paid services was slower in almost all regions, with the except of resort ones. Manufacturing regions have recovered faster than mining regions. The growth of regional budget revenues was also slower in the regions of the export-resource industry. Large-scale federal aid compensated for income losses in most regions and helped to overcome the budget crisis. The impact of the second wave of the coronavirus crisis on the economy and budgets is still weak. Only the dynamics of paid services slightly deteriorated due to new restrictions. Retail trade stagnated. This can accelerate the degradation of the service sectors of large cities amid falling incomes of the population. There were no negative changes in the industry. Another risk is a reduction in support for the unemployed with low demand for labor on regional labor markets. It is still impossible to assess the impact of the second wave on regional budgets due to the lack of data, but the state of budgets will largely depend on the policy of the federal authorities and the scale of support.

Keywords: *regions of Russia, coronavirus crisis, dynamics of industry, retail trade, paid services, income of the population, the level of registered unemployment, regional budgets.*

JEL: A13, D00, G18, H12, I10, J10.

REFERENCES

- Byudzhety. Virus v regionakh. Kommentarii o gosudarstve i biznese* (2020). [Budgets. The virus in the regions. Comments on government and business]. No. 291. June 16 2020. Institut «Tsentr razvitiya» NIU-VSHE. www.hse.ru/pubs/share/direct/document/373271455.pdf.
- Ekonomicheskiye i sotsial'nyye posledstviya koronavirusa v Rossii i v mire* (2020) [Economic and social consequences of coronavirus in Russia and in the world] // *Analiticheskiy byulleten' Vysshey shkoly ekonomiki*. No. 4. www.hse.ru/mirror/pubs/share/370616519.pdf.
- Khasanova R.R., Florinskaya YU.F., Zubarevich N.V., Burdyak A.YA.* (2020). Demograficheskaya situatsiya i sotsial'no-ekonomicheskoye polozheniye regionov v aprele 2020 g. (po rezul'tatam regul'yarnogo Monitoringa INSAP RANKhiGS) [Demographic situation and socio-economic situation of regions in April 2020 (based on the results of regular monitoring by INSAP RANPEA)] // *Ekonomicheskoye razvitiye Rossii*. V. 27. No. 6. Pp. 80–100.
- Kuznetsova O.V.* (2020). Uyazvimost' struktury regional'nykh ekonomik v krizisnykh usloviyakh [Vulnerability of the structure of regional economies in crisis conditions] // *Federalizm*. 2020. No. 2. Pp. 20–38.
- Makarentseva A.O., Mkrtychyan N.V., Zubarevich N.V.* (2020). Demograficheskaya situatsiya i sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye regionov Rossii v pervoy polovine 2020 g. (po rezul'tatam regul'yarnogo Monitoringa INSAP RANKhiGS) [Demographic situation and socio-economic development of Russian regions in the first half of 2020 (based on the results of regular monitoring by INSAP RANPEA)] // *Ekonomicheskoye razvitiye Rossii*. V. 27. No. 10. Pp. 73–88.
- Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya.* (2020). [Monitoring the Economic Situation in Russia: Trends and Challenges of Social and Economic Development]. No 14 (116). May. Moscow: Institut Gaydara i RANKhiGS. www.iep.ru/ru/publikacii/publication/monitoring-ekonomicheskoy-situatsii-v-rossii-14-116-may-2020-g.html.
- Nefedova T.G., Treyvish A.I.* (2009). Krizisnoye i mezhkrizisnoye razvitiye sovremennoy Rossii v raznykh geograficheskikh masshtabakh [Crisis and intercrisis development of modern Russia in different geographical scales] // *Izvestiya RAN, seriya geograficheskaya*. No. 4. Pp. 7–16.

- Pishnyak A., Korchagina I., Gorina Ye., Ter-Akopov S.* (2020). Podderzhka semey s det'mi v usloviyakh pandemii COVID-19 [Supporting families with children amid the COVID-19 pandemic]. Moscow: NIU VSHE, Institut sotsial'noy politiki. Discussion paper # 4. 2020 www.hse.ru/data/2020/06/29/1610612279/ISP%20HSE_COVID-19%20and%20Families%20with%20Child..ussion%20Paper%204_June%2025%202020_RUS.pdf.
- Zubarevich N.V.* (2020). Pandemiya i regiony: itogi yanvarya-avgusta 2020 g. [Pandemic and regions: results of January-August 2020] // *Ekonomicheskoye razvitiye Rossii*. V. 27. No. 11. Pp. 91–95.
- Zubarevich N.V.* (2015). Regional'naya proyeksiya novogo rossiyskogo krizisa [Regional projection of the new Russian crisis] // *Voprosy ekonomiki*. No. 4. Pp. 37–52.
- Zubarevich N.V.* (2020). Regional'nyye riski novogo krizisa dlya zanyatosti i byudzhetrov regionov [Regional risks of the new crisis for employment and regional budgets] // *Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii: Tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Monitoring the economic situation in Russia: Trends and challenges of socio-economic development]. Moscow: Institut Gaydara, RANKhiGS. Pp. 3–13.
- Zubarevich N.V., Makarentseva A.O., Mkrtchyan N.V.* (2020). Sotsial'no-ekonomicheskoye polozheniye regionov i demograficheskiye itogi 2019 g. (po rezul'tatam regul'yarnogo monitoringa INSAP RANKhiGS) [Socio-economic situation of regions and demographic results of 2019 (based on the results of regular monitoring by INSAP RANKhiGS)] // *Ekonomicheskoye razvitiye Rossii*. V. 27. No. 4. Pp. 73–87.
- Zubarevich N.V., Safronov S.G.* (2020). Regiony Rossii v ostroy faze koronavirusnogo krizisa: otlichiya ot predydushchikh ekonomicheskikh krizisov 2000-kh [Regions of Russia in the acute phase of the coronavirus crisis: differences from the previous economic crises of the 2000s] // *Regional'nyye issledovaniya*. No. 2 (68). Pp. 4–17.
- Zubarevich N.V., Safronov S.G.* (2014). Territorial'noye neravenstvo dokhodov naseleniya Rossii i drugikh krupnykh postsovet'skikh stran [Territorial income inequality of the population of Russia and other large post-Soviet countries] // *Regional'nyye issledovaniya*. No. 4. Pp. 100–110.

И.Г. Чаплыгина

*к.э.н., доцент, Московский государственный университет
им. М.В.Ломоносова*

ПРЕПОДАВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.¹

Аннотация. В статье выделяется несколько источников, из которых берет свое начало экономическая наука: традиция естественного права, которая зарождается в рамках схоластики и затрагивает вопросы хозяйственной жизни человека с точки зрения норм поведения и правил заключения контрактов; наука о государственном управлении; прикладные разделы естественных наук (землеведение, минералогия, физика, математика). Третье направление тесно примыкает ко второму. Далее показывается, что структура экономических дисциплин, которые преподавались в Московском Университете, в полной мере отражает параллельное развитие этих направлений: экономические дисциплины преподавались на философском, юридическом и медицинском факультетах..

Ключевые слова: *Московский университет, история экономической науки России XVIII в., камерализм, философия естественного права, Ф. Дильтей, И. Рейхель, М. Афонин.*

JEL: A12, A23, B11, B31.

DOI: 10.24411/2587-7666-2021-10105.

Причиной обращения к теме является возникшее в ходе долгого изучения истории развития экономической науки в Европе и в России впечатление, что русская экономическая мысль развивалась под доминирующим влиянием континентальной, в частности германской традиции, в той её интерпретации, какую дает К. Прибрам в своей знаменитой работе «История экономического мышления»² [Pribram, 1983]. Одной из особенностей, которая, на наш взгляд, сформировалась под влиянием этой традиции, является достаточно позднее развитие *теории* в русской экономической науке, а также больший акцент на исторических и прикладных исследованиях. Поиск истоков и причин такого своеобразия отечественной экономической мысли и привел нас в XVIII в., когда начинает зарождаться академическая экономическая традиция, а именно — университетское преподавание экономических дисциплин в России.

Источники формирования экономической науки в XVIII в.

Как известно, в XVIII в. экономическая наука как самостоятельная дисциплина еще не была сформирована. Её контуры только начинали вырисовываться. Отдельные элементы развивались в рамках самых разных дисциплин, но постепенно объединялись единой исследовательской задачей, обнаруживая тесные взаимосвязи между собой. При

¹ Настоящая работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-010-01080 «Камерализм в России XVIII–XIX веков: экономическая практика и академическая дисциплина».

² Подробнее см. [Чаплыгина, 2004].

этом объединяющих задач было, на наш взгляд, как минимум две. Одна восходила к старой философской проблеме — общему анализу природы человеческого поведения и природы социума как совокупности людей. Другая носила выраженный прикладной характер — поиск способов наиболее рационального и эффективного управления домашним хозяйством, а позднее — национальными ресурсами, казённым хозяйством. Эти две задачи касались одного предмета, но по-разному подходили к его изучению и, таким образом, сформировали два альтернативных источника будущей экономической науки.

Первый развивался в рамках традиции естественного права [Шумпетер, 2001. С. 91–180], которая зародилась еще в текстах схоластов и затрагивала общие вопросы поведения человека и общественной жизни. Экономические вопросы поднимались как часть этой общей теории и касались двух аспектов: а) оценки мотивов хозяйственного поведения, что непосредственно связывало экономические исследования с этикой и моральной философией; б) оценки правомерности хозяйственных контрактов, что относилось к области зарождающейся юриспруденции. Именно здесь формируется задача поиска универсальных оснований как поведения людей, так и экономических отношений, что станет одной из основ будущей научной проблематики классической экономической теории.

В дальнейшем, в ходе развития философии естественного права, на первый план выходит новая теория общества, определяющая общие принципы построения социума, соотношения частных и общих интересов, основы гражданского права. Экономические проблемы вызывают интерес исследователей как составная часть предмета этой универсальной философии общества. Наглядной иллюстрацией такого подхода является теория Дж. Локка. И вновь главной задачей является поиск универсальных законов, управляющих обществом и человеком, что безусловно повлияло в дальнейшем на формирование исследовательской программы экономической науки, о чем, в частности, пишет Й. Шумпетер [Шумпетер, 2001. С. 203].

Второй источник развития экономической науки — наука о государственном управлении. Оформляется в отдельную дисциплину она лишь в XVII в. [Backhaus, 2009], хотя Шумпетер полагает, что её истоки нужно искать раньше, с момента возникновения европейских университетов. По его мнению, уже в XIII в. система подготовки чиновников была развита в университетах Неаполя, Оксфорда, Праги, Кракова, Вены, Саламанки и др. К XVI в. в Германии (в том числе в Кенигсберге, Марбурге, Вюрцбурге) и Австрии (Грац) она уступала по своей важности лишь подготовке священнослужителей [Шумпетер, 2001. С. 197–221].

Авторы, относящиеся к этому направлению, отличаются от философов естественного права и «профессоров» экономики прикладным характером исследовательской задачи. Их целью был поиск эффективных способов управления казённым имуществом и обеспечение налоговых поступлений государству. Универсальные общие основы социальной и хозяйственной жизни их не интересовали. Можно сказать, что их не интересовала экономическая теория — им нужны были практические рецепты управления, причем максимально приспособленные к конкретным историческим и региональным условиям. Такой слабый интерес к теориям приводил к эклектичности создаваемых ими систем знания, представлявших собой сборники рецептов государственного управления, взятых у разных авторов, из разных традиций [Cunha, 2020].

В связи с этим главной дисциплиной были государственные финансы, аудит и право. В то же время, поскольку речь шла об управлении различными отраслями хозяйственной жизни общества, любые знания, касающиеся ресурсов страны (лесоводство и горное дело, география и геология³), а также прикладные разделы естественных наук (металлургия,

³ Последние преподавались в рамках «естественной истории», науки о минералах, растениях и животных по определению, данному этой науке Линнеем.

химия, инженерное дело), дающие знания о наиболее эффективном использовании этих ресурсов, составляли важную часть дисциплины.

В качестве иллюстрации существовавшей тесной связи экономических и естественнонаучных дисциплин можно привести «курс экономики» Эммануэля Экмана в Упсальском университете, который был посвящен «применению минералов в хозяйственной области» [Документы, 1962. С. 28–29]. Можно также упомянуть структуру предметов, читавшихся на камеральном отделении юридического факультета Санкт-Петербургского Университета. Оно было открыто лишь в 1843 г., но эклектичность преподававшихся на нем предметов скорее соответствует состоянию экономической науки XVIII в. В программу входили курсы, читавшиеся на юридическом факультете (государственное право европейских держав, государственные учреждения Российской империи, законы о благоустройстве и благочинии), на историко-филологическом факультете (политическая экономия и статистика) и на физико-математическом факультете (естественная история, технология, агрономия и архитектура). Дополнительно читались курсы русского гражданского и уголовного права, всеобщая и отечественная история и один иностранный язык⁴. Подобные отделения камеральных наук были в Казанском и Харьковском университетах.

Как мы видим, различие задач формировало глубинные различия подхода к исследованию экономики.

Структура курсов согласно уставам Императорского Московского Университета

Структура экономических дисциплин, которые преподавались в Московском Университете, в полной мере отражает параллельное развитие упомянутых выше направлений, в которых развивалось экономическое знание в XVIII в. По первому уставу 1755 г. было создано три факультета — философский, юридический и медицинский. При этом в проекте, представленном М.В.Ломоносовым, предполагалось преподавание экономики на философском факультете⁵, но ни в уставе, ни в структуре кафедр эта идея не получила отражения.

Обучение начиналось на философском факультете. На нём предполагалось чтение четырех профессорских курсов: 1) философии, включающей логику, метафизику и нравоведение; 2) физики экспериментальной и теоретической; 3) красноречия; 4) истории, включающей «историю универсальную» и российскую. На юридическом факультете предполагалось создание трёх кафедр: 1) натурального и народного права «Римской древней и новой Империи»⁶; 2) российского права и 3) международного права, в рамках которого должны были читать историю международных соглашений, союзов и конфликтов государств. Структура медицинского факультета включала по проекту три кафедры: 1) химии, физической и особенно аптекарской; 2) натуральной истории, повествующей о минералах, травах и животных; 3) анатомии⁷.

Как видим, названия кафедр непосредственно не предполагают чтение экономических дисциплин. Тем не менее в дальнейшем будет показано, что и на философском, и на юридическом, и на медицинском факультетах читались курсы, имевшие прямое отношение к экономическим проблемам, по крайней мере в XVIII в.

⁴ По уставу 1863 года — распалось на составные части — естественные и хозяйственные науки отошли в исключительное ведение физико-математического факультета, а государственные науки образовали отдел юридического факультета в качестве отделения административного.

⁵ ЦГАДА, р. XVII, д. 48, л. 16.

⁶ ПСЗ, т. XIV, №10346, http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php.

⁷ ПСЗ, т. XIV, №10346, http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php.

Любопытен проект устава 1765–1767 гг., который был разработан Конференцией профессоров Московского Университета, но так и не был реализован. По проекту один из профессоров философского факультета назначался «для преподавания экономии, камеральных наук и горных дел» [Чтения, 1875. С. 117]. Работа над новым уставом Московского Университета была инициирована еще в 1760 г., поскольку Проект 1755 г. не считался полноценным документом⁸. Но она шла очень медленно. Неожиданно 29 ноября 1765 г. проф. И. Г. Рейхель привез из Петербурга письмо от А. В. Олсуфьева⁹, адресованное Конференции профессоров Университета, в котором он передавал якобы поручение Екатерины II, «чтобы вы сочинили точному императорского Московского университета положению и содержанию штат, употребляя на то с получения его не более трех недель времени, ... а если б иногда кто из вас в рассуждении своём с прочими был несогласен, тот за своею рукою положил бы особо мнение своё» [Документы, 1963. С. 200].

Проект был представлен уже в декабре 1765 г. профессорами И.Х. Керштенсом, А.А. Барсовым, И.Н. Ростом, И.Г. Рейхелем, И.М. Шаденом, К. Лангером и И.Ф. Эразмусом. Но сама инициатива вызвала много вопросов. В частности, не упоминалось о необходимости участия в составлении проекта директора Московского Университета с 1763–1771 гг., М.М. Хераскова, находившегося в этот момент в отъезде [Документы, 1965. С. 310]. Это вызвало возмущение последнего и даже заставило его усомниться в подлинности письма. Также есть предположение, что в действительности это не было инициативой Екатерины II, так как по другим источникам она желала знать мнение профессоров об общих принципах воспитания, а не о структуре Университета. В пользу этой версии говорит и тот факт, что проекту не был дан ход. В 1767 г. по просьбе Екатерины он был переведен на русский язык А.Барсовым. В 1776 г. Екатерина повторно запросила себе этот документ [Документы, 1963. С. 308], но никакой реакции не последовало. Он остался в истории лишь потому, что в 1875 г. был опубликован в «Чтениях в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете» под названием «Мнение об учреждении и содержании университета и гимназии в Москве».

Таким образом, отдельной кафедры, посвященной экономическим дисциплинам, создано так и не было. Лишь в уставе 1804 г., по которому создавалось 4 отделения и 28 кафедр, была создана кафедра дипломатики и политической экономии на отделении нравственных и политических наук. Идея принадлежала М.Н. Муравьеву. Он писал об этом Александру и ссылался на опыт французской Академии наук, в которой с конца XVIII в. действовало отделение нравственных и политических наук, упраздненное в 1803 г. Наполеоном.

В то же время на отделении физических и математических наук, согласно этому уставу, действовали кафедра «минералогии и сельского домоводства», а также кафедра «технологии и наук, относящихся к торговле и фабрикам»¹⁰. На отделении словесных наук было две кафедры, на которых читалась статистика¹¹: на кафедре «всемирной истории, статистики и географии» и кафедре «истории, статистики и географии Российского Государства».

Представленная структура кафедр показывает, что теоретические экономические дисциплины были отделены от прикладных дисциплин и статистики.

⁸ Документ 1755 г., на основе которого был создан Университет, назывался «Доношением об учреждении в Москве университета и двух гимназий», представленным И.И. Шуваловым в Сенат вместе с проектом их организации.

⁹ Олсуфьев Адам Васильевич (1721–1784), сенатор, статс-секретарь Екатерины II.

¹⁰ Глава III, §24 Устава. letopis.msu.ru/documents/327.

¹¹ Впервые этот курс был прочитан И. Рейхелем в 1772/73 учебном году на философском факультете [Зарецкий, 2017].

Профессора Московского Университета, читавшие экономические дисциплины

Юридический факультет

Поскольку экономическая мысль с самого момента своего зарождения связана с юриспруденцией, рассмотрим, что преподавалось на юридическом факультете Московского университета. С момента его основания здесь преподавал Филипп Генрих Дильтей (1723—1781). Образование Дильтей получил в Инсбрукском, Страсбургском, а затем Венском университетах, где и получил звание профессора права. Находился под влиянием философии естественного права Пуфендорфа и Гейнеция.

Будучи принят как «прав и истории ординарный профессор» в 1756 г., он некоторое время был вынужден читать курс общей истории и истории российской¹², но основной областью его деятельности стали «лекции естественного права и институций» и международное право. В разные годы он читал естественное и народное право, гражданское римское, феодальное, криминальное право, куда включалось и вексельное право. Объединение вексельного и уголовного права отражено в проекте преподавания юриспруденции, который Дильтей подал Конференции профессоров в марте 1764 г. [*Документы*, 1961, с. 283]. Этот проект не был реализован, а Дильтей вскоре был уволен из Университета по причине недолжного исполнения своих обязанностей. Требование читать вексельное право фигурирует и в тексте контракта Московского Университета с Дильтеем, который был им подписан по восстановлению его в должности в 1766 г. после увольнения: «но и в военном, морском и вексельном правах подать наставление, которое, бесспорно, должно почитать за части общего положительного права» [*Томсинов*, 2015. С. 13]. В каталогах лекций Московского Университета курс вексельного права фигурирует с 1777 г. [*Томсинов*, 2015. С. 15].

Впоследствии им был издан курс вексельного права: «Начальные основания вексельного права, а особливо российского купно и шведского, с прибавлением разных российских указов и с двумя диссертациями, к сему принадлежащим» (1768, 1772, 1781, 1787, 1794 и 1801), пользовавшийся большой популярностью, причем не только в академической, но и в купеческой среде, и выдержавший шесть изданий. Он был переведен на русский под редакцией Десницкого, который при последующих переизданиях вносил изменения, происходившие в русском вексельном законодательстве [*Грацианский*, 1984. С. 155].

С 1767 г. на юридическом факультете начинают преподавать вернувшиеся из зарубежных стажировок И.А. Третьяков (курс истории права, «сперва естественного, а затем римского с древностями») и С.Е. Десницкий (курс «римского права по Институциям с приращением к русскому праву отдельных законов» [*Документы*, 1963. С. 423]).

На взглядах как Третьякова, так и Десницкого безусловно сказались их учеба в Университете Глазго. Там они слушали курсы натуральной и нравственной философии¹³, математики, а также «между прочими науками и медицинскими¹⁴, и юридические лекции слушали вдруг» [*Документы*, 1962. С. 251], но важнее то, что их взгляды безусловно испытали влияние шотландского Просвещения с его уклоном в эволюционизм и эмпиризм в области права. Этим можно объяснить их открытую критику схоластического уклона последователей Пуфендорфа и Гейнеция, а именно немецких профессоров Московского Университета, в частности Дильтея и Рейхеля [*Чаплыгина*, 2020]. Можно в качестве иллюстрации привести слова Десницкого: «Пуфендорфов труд подлинно

¹² Его курс был опубликован в виде трехтомного издания «Первые основания универсальной истории с сокращенною хронологиею: В пользу обучающагося российского дворянства» (1762–1768 гг.).

¹³ Курс нравственной философии в Глазго в тот период читал Адам Смит. — *Прим. ред.*

¹⁴ Речь идет о курсе химии доктора Джозефа Блэка.

был излишний, ибо писать о вымышленных состояниях рода человеческого, не показывая, каким образом собственность, владение, наследство и пр. у народов происходит и ограничивается, есть такое дело, которое не совсем соответствует своему намерению и концу» [Белявский, 1955, с. 111].

Философский факультет

Элементы экономического знания могли преподаваться в рамках курса «нравоучения», «нравственной или прикладной философии». Одним из первых лекторов был И. Фромман, последователь философии Христиана фон Вольфа, который читал курсы философии теоретической и практической. В 1772 г. кафедру практической философии принимает Иоганн Матиас Шаден, до этого читавший курсы греческого языка и введение в свободные науки. Магистр философии Тюбингенского Университета, он был учеником Фридриха Христиана Баумейстера¹⁵, преподавал немецкую философию до Канта. Как пишет Шевырев, «учение философии нравственной он применял к науке права и законоведению» [Шевырев, 1855. С. 32]. Он же приводит слова М.Н.Муравьева, который называл речи Шадена на латинском языке «настоящими трактатами философии и градоправительственной науки» [Шевырев, 1855. С. 32]. С 1776 г. Шаден преподавал естественное право и политику, а в 1778/79 гг. эти курсы стал читать на юридическом факультете. Но нам не удалось найти элементов экономической мысли в оставленных им речах.

Большой интерес представляет деятельность Иоганна-Готфрида Рейхеля (1727–1778), в том числе в связи с его ролью в создании проекта устава 1765 г., согласно которому один из профессоров философского факультета должен был читать курс «экономии, камеральных наук и горных дел». Филипп Кленденнинг упоминает его среди «экономистов и историков, кто применял западные идеи к российской реальности» [Clendenning, 1972. P. 747].

Магистр философии Лейпцигского университета, ученик И.К. Готшеда [Шевырев, 1855. С. 34], находившегося под влиянием Лейбница и Вольфа, Рейхель начинает читать на философском факультете Московского Университета в 1757 г., сначала немецкую словесность, затем историю литературы. С 1760 г. после смерти своего друга Келлнера он берет на себя курс всеобщей истории.

В 1764–1765 гг. он предпринял первую попытку прочесть курс «статистического содержания» [Биографический словарь, 1855b. С. 342]. В 1775 г. материалы этих лекций были опубликованы под названием «Краткое руководство к познанию натурального, церковного, политического, экономического и учебного состояния некоторых знатнейших европейских государств, собранное из публичного в 1773 г. обучения истории в Имп. Московском университете и до самых новейших времен продолжение». А в 1772–1773 учебном г. этот курс впервые читался им в течение года. При этом, как отмечает Ю.П. Зарецкий, «статистика»¹⁶ в то время понималась как политико-экономическое описание современных государств, включавшее экскурсии в их прошлое» [Зарецкий, 2017. С. 6].

Показателен выбор темы публичной речи, с которой Рейхель выступил в 1766 г. Она называлась «О наилучших способах к умножению подданных». В этой речи он высказывал мысли о важности для империи политики в области народонаселения как главного источника богатства страны [Рейхель, 1766]. В необходимые заботы государства Рейхель включал такие меры по приумножению народа как рационализация сельского хозяйства, развитие образования, борьба с детской смертностью путем улучшения санитарных усло-

¹⁵ Был недоволен назначением Рейхеля из-за его приверженности Готшеду [Шевырев, 1855. С. 34].

¹⁶ Он же указывает, что термин был введен в научный оборот Готфридом Ахенвалем в 1746 г. с целью заменить традиционное «государствование» [Зарецкий, 2017. С. 6].

вий жизни народа и развития медицины, стимулирование рождаемости посредством поддержки института брака.

В XVIII в. проблема народонаселения была очень важной для наук о госуправлении. О значении этой темы как для камералистов, так и для России в период правления Екатерины II, подробно пишет Бартлетт [Bartlett, 2017]. В частности, свою статью он начинает с цитаты Иоганна Генриха Готлиба фон Юсти: «Если бы кто-то спросил меня, можно ли одним словом или понятием выразить главную заботу истинного и мудрого камералиста, я бы не задумываясь ни на минуту выкрикнул слово НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ. Да! Правда! Народонаселение должно быть главной целью всех мер, которые они предпринимают» [Bartlett, 2017. P. 65]. Рассмотрение населения, его численности, здоровья, образования и благополучия, как важного экономического фактора, характерно в целом для Европы эпохи Просвещения. В частности, рост населения рассматривался как важный показатель успешности государства и моральности его правителя [Bartlett, 2017. P. 69]. Отличием камералистов было лишь то, что они считали население и уровень его развития главным ресурсом экономического развития. Оно рассматривалось как источник военной мощи и развитого рынка рабочей силы, как залог внутривластной стабильности (плотность населения позволяла создавать устойчивые социальные связи и контролировать население) и увеличения ёмкости рынка, роста товарооборота, оно же было главным источником налоговых поступлений [Bartlett, 2017. P. 69].

Об интересе к экономической проблематике в широком, близком камеральным наукам понимании со стороны Рейхеля говорит и то, что он в течение нескольких лет издавал ежеквартальный журнал «Собрание лучших сочинений к распространению знания и к производству удовольствия, или Смешанная библиотека о разных физических, экономических, також до мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах». Ему же было поручено Миллером разбирать архив В. Татищева.

Чтение статистики в рамках курсов истории продолжилось и после смерти Рейхеля. В первую очередь благодаря деятельности Иоганна Виганда, начавшего преподавать в 1782 г. Курс всеобщей истории он читал по книге А. Шлецера¹⁷ «Представление всеобщей истории» и, также как и Рейхель, заканчивал свой курс истории «многими статистическими замечаниями о существующих государствах» [Биографический словарь, 1855а. С. 166]. Новейшую историю читал по работам Иоганна Георга Мойзеля¹⁸, а также Э.Тоце¹⁹, авторов, чья деятельность также связана с развитием статистики [Зарецкий, 2017. С. 30–32].

На философском факультете действовала еще одна кафедра, теоретической и прикладной математики, на которой также преподавались прикладные курсы, связанные с экономикой. В частности, на ней преподавал Иоганн Иоаким Юлий Рост, приехавший в Москву в 1757 г. из Геттингенского Университета. Он читал «геодезию и геометрию подземную, механику с гидравликой и гидростатикой, основания гражданской архитектуры и горного дела» [Шевырев, 1855. С. 35]. Напомним, что горное дело было одной из важных отраслей камерального образования, поскольку разработка ресурсов представлялась одной из ключевых отраслей экономики того периода.

¹⁷ Август Людвиг Шлецер, профессор истории и статистики Геттингенского университета, который в том числе был привлечен Екатериной II для развития статистики народонаселения (вместе с астрономом Вольфгангом Людвигом Крафтом) [Bartlett, 2017. P. 72].

¹⁸ Иоганн Георг Мойзель (Meusel J.G.), проф. Истории Эрфуртского университета. Речь идет о его работе «Всемирная история современных европейских государств», 1777–1779. Мойзель также является одним из учёных, развивавших статистику (см.: Энциклопедия статистических терминов. В 8 томах. Т. 8. Выдающиеся отечественные и зарубежные учёные в области статистики. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2013. www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/stbook11/tom8.pdf) [Зарецкий, 2017. С. 32].

¹⁹ Эобальд Тоце (Toze E.), профессор истории в Университете г.Бютцов. Его работа «Введение в описание европейских государств», со статистическими сведениями в том числе по России вышла в 1779 г.

Медицинский факультет

На медицинском факультете также преподавались курсы хозяйственной направленности. Как пишет Кленденнинг [Clendinning, 1972], медицинские дисциплины, в первую очередь в их связи с проблемами народонаселения, всегда входили в круг интересов меркантилистов и камералистов. Роджер Бартлетт в своей статье «Камерализм в России: Императрица Екатерина II и политика народонаселения» упоминает работу первого профессора медицины Московского Университета И. Керштенса «Наставления и правила врачебные для деревенских жителей, служащие к умножению недовольного числа людей в России» (1769 г.), как заслужившую высокую оценку общественности в связи с её прикладной значимостью для решения проблем, связанных с численностью населения [Bartlett, 2017. P. 72]. В самом Университете Керштенс читал с 1757 г. курс металлургической химии, минералогии и экспериментальной физики.

Но наибольший интерес с точки зрения развития экономических дисциплин вызывает фигура Матвея Ивановича Афонаина (1739–1810). С сентября 1758 г. по июль 1761 г. Афонин вместе с Александром Карамышевым проходили стажировку в Кёнигсбергском Университете. Программа обучения была очень широкой, да и конкретной цели перед студентами не было поставлено. Они слушали лекции по философии, математике, логике, экспериментальной физике, а также метафизике (онтологии, космологии, психологии). Курировал стажировку русских студентов Т.И. Клингштедт, заведовавший камеральными делами в Кёнигсберге.

Тимофей Иванович Клингштедт, статский советник и вице-президент юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел (с 1764 г.), был одним из основателей Вольного экономического общества, несколько раз избиравшийся его председателем (впоследствии и Карамышев, и Афонин будут активными членами этого общества). Он был инициатором издания «Трудов» этого общества, первый номер которого начинается с его «Предуведомления», в котором дается очень характерное для рассматриваемой нами эпохи понимание того, что такое экономика: «У всех народов нынешний наш век попечительным распространением наук и знаний, способствующих общей пользе человеческого рода, а особенно прилежным произведением опытов и неусыпным старанием, чтоб земледелие и домостроительство привести в лучшее состояние, столько себя отличает, что по справедливости можно оный назвать экономическим веком...» [Труды, 1765, без страницы, 1-й абзац].

Он был активным сторонником развития земледелия в России. В частности, в своей статье «Решение вопроса: который из земных наших продуктов больше соответствует общей пользе и распространению нашей коммерции, по чему и размножение оного долженствует быть всеми возможными способами поощряемо?» [Клингштедт, 1765] он настаивает на том, что России намного выгоднее торговать сырьем, нежели готовой продукцией, поскольку в отличие от Англии и Голландии, где земель настолько мало в сравнении с численностью населения, что она не способна его прокормить и потому есть все основания для развития мануфактур, в России ситуация обратная. Ресурсов здесь настолько много, что этого богатства хватит сполна, чтобы можно было торговать им на внешних рынках без ущерба для внутреннего потребления. При этом выступал за тщательный анализ структуры экспорта и специализации на наиболее выгодных товарах. В частности, он активно выступал за переориентацию экспорта с пеньки на пшеницу. В течение всей своей деятельности он активно писал в журнал ВЭО статьи по травосеянию, винокурению, льноводству, домоводству и т.д.

Помимо этого, Клингштедт занимался практической деятельностью, связанной с решением экономических задач. В период оккупации российскими войсками Восточной Пруссии в семилетнюю войну (1758–1762) заведовал камеральными делами в Кёнигсберге.

В 1763 г. назначен в «комиссию для учреждения коммерции российского государства», учрежденную под непосредственным ведением Императрицы, в составе действительного тайного советника П.И. Неплюева, графа Миниха (сына) и кн. Я. Шаховского.

Но вернемся к М. Афонину и А. Карамышеву. В 1761 г. Клингштедт перенаправляет их в Упсальский университет, поставив перед ними конкретную задачу изучения земледелия и горного дела²⁰, «поскольку на Московский университет той эпохи была возложена задача подготовки профессоров-специалистов в этой области» [Документы, 1963. С. 6]. В Упсале студенты осваивают курс естественной истории под руководство Карла Линнея, минералогии — под руководством ученика Линнея, Андерса Тидстрема. Помимо этого, ими были прослушаны два курса Валлериуса: приборной химии («курс доцимастики») и металлургии, а также лекции «по применению минералов в хозяйстве» и семинары по экономике уже упомянутого нами Эммануэля Экмана. Самостоятельно М. Афонин занимается земледелием и луговодством [Документы, 1963. С. 232]. Докторская диссертация, которую М. Афонин защитил под руководством Линнея, носила название «О пользе естественной истории в домашнем быту». Защитил он её на медицинском факультете 17 мая 1766 г. Она была опубликована в журнале Линнея и затем дважды переиздавалась. На русский язык так и не была переведена.

По возвращении в Москву Афонин приступил с 1 января 1770 г. к чтению лекций по ботанике и зоологии на медицинском факультете. Позднее он заменил немецкого профессора Керштенса и стал читать его курс минералогии. Также читал курс домоводства, который включал животноводство и земледелие. В 1771 г. в Издательстве М.У. публикуется работа М. Афонина: «Слово о пользе знаний, собрания и расположения чернозёму, особливо в хлебопашестве». В 1774 г., когда Афонин получил звание ординарного профессора, на медицинском факультете была создана кафедра естественной истории.

Афонин считается автором первого курса по агрономии (1770–1777). Основным направлением его интересов было применение знаний в области химии, минералогии, почвоведения к решению хозяйственных задач. После того, как Афонин был вынужден покинуть Московский Университет, он занимается прикладной деятельностью. В 1784–1788 гг. он состоял «директором экономии» в Екатеринославском наместничестве и в Крыму (Документы, 1961. С. 337) Там Афонин подружился с П.С. Палласом, проводил различные агрономические опыты, о результатах которых писал в журнал Вольного Экономического Общества.

Заключение

Наблюдаемая нами в XVIII в. диверсифицированность преподавания экономических дисциплин сохраняется в России и в XIX в. На наш взгляд, это объясняется тем, что прикладная задача развития экономического знания, задаваемая политикой государства, играла доминирующую роль. Этот процесс начался еще при Петре I, потом был продолжен его преемниками, в частности Екатериной II, и выразался в активном интересе к изучению ресурсных богатств страны и способов их экономического использования как для нужд внутреннего рынка, так и для внешней торговли.

В частности, прикладное, почти техническое отношение к экономическим проблемам можно встретить в проекте М.В. Ломоносова об учреждении Государственной коллегии «земского (сельского) домостроительства». Этот проект предполагал, что президентом и вице-президентом должны были быть люди, «весьма знающие в натуральных науках»

²⁰ Впоследствии М. Афонин будет специализироваться на земледелии, а А. Карамышев — на горном деле, в частности, он будет читать курс минералогии в Горном институте Санкт-Петербурга.

[Ломоносов, 1952. С. 411], а сама коллегия должна была состоять из физиков, химиков, ботаников, механиков, зоологов и т.д.

Упомянутая программная статья первого номера «Трудов» ВЭО, написанная фон Клингштедтом, также свидетельствует о выраженной прикладной направленности интереса к экономическим дисциплинам. Даже вернувшиеся из Глазго — колыбели классической политэкономии — Третьяков и Десницкий не проявляют интереса к абстрактным теоретическим знаниям. Их волнует прежде всего реальная историческая ситуация — российская хозяйственная практика и способы её улучшения.

Выражена и связь с естественными науками, характерная для камерализма и германской традиции и проявляющаяся во взглядах русских профессоров.

Таким образом, экономическое знание рассматривается в первую очередь не как способ познать экономическую реальность, а как средство для решения практических задач, стоящих перед государством, так и перед отдельными хозяйствами.

ЛИТЕРАТУРА

- Белявский М.Т. (1955). М.В. Ломоносов и основание Московского университета. М.: Издательство Московского университета.
- Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского Университета (1855а). Ч. 1. М.: Унив. тип.
- Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского Университета (1855б). Ч.2. М.: Унив. тип.
- Грацианский П.С. (1984). Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М.: Наука.
- Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века (1961). В 3-х т. Т. 1. М.: Издательство Московского университета.
- Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века (1962). В 3-х т. Т. 2. М.: Издательство Московского университета.
- Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века (1963). В 3-х т. Т. 3. М.: Издательство Московского университета.
- Зарецкий Ю.П. (2017). История и историки в Московском университете XVIII века: пастор Виганд. М.: ВШЭ.
- Клингштедт Т. фон (1765). Решение вопроса: который из земных наших продуктов больше соответствует общей пользе и распространению нашей коммерции, по чему и размножение оного долженствует быть всеми возможными способами поощряемо? // Труды Вольного Экономического Общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. Ч. I. СПб.: Императорская Академия наук. С. 157–168.
- Ломоносов М.В. (1952). Полное собрание сочинений. Т. 6. М-Л.: Издательство Академии Наук СССР.
- Предуведомление (1765). // Труды Вольного Экономического Общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. Ч. I. СПб.: Императорская Академия наук.
- Рейхель И.Г. (1766). О наилучших способах к умножению подданных. М.: Издательство Императорского Московского университета.
- Томсинов В.А. (2015). Первый профессор юридического факультета Московского Университета Филипп-Генрих Дильтей (1723-1781) // Вестник Московского Университета. Сер. 11. «Право». №2. С. 3–21.
- Третьяков И. (1768). Слово о происхождении и учреждении университетов в Европе на государственном иждивении. М.: Издательство Императорского Московского университета.
- Феофанов А.М. (2011). Профессора-иностранцы в российских университетах во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. №8. С. 186–195.
- Чаплыгина И.Г. (2004). Взгляды К. Прибрама на историю экономической мысли // Историко-экономический альманах. Вып. 1. М.: Академический проект. С. 118–142.
- Чаплыгина И.Г. (2020). Камерализм и философия естественного права // Terra Economicus. Т. 18. №4. С. 100–120.
- Чтения в императорском обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете (1875). Кн. I. Отд. V. М.: Университетская типография.
- Шевырёв С.П. (1855). История императорского Московского Университета, написанная к столетнему его юбилею, 1755–1855. М.: Университетская типография.
- Шумпетер Й.А. (2001). История экономического анализа. Т. 1. СПб.: Экономическая школа.
- Backhaus J.G. (2009). From Wolff to Justi // The Beginnings of Political Economy / J.G. Backhaus (ed.). Springer. Pp. 1–18.

- Bartlett R. (2017). Cameralism in Russia: Empress Catherine II and Population Policy // *Cameralism in Practice: State Administration and Economy in Early Modern Europe* / M. Seppel, K. Tribe (eds.) Boydell Press. Pp. 65–90.
- Clendenning Ph. A. (1972). Eighteenth-Century Russian Translations of Western Economic Works // *Journal of European Economic History*. No. I. Pp. 745–753.
- Cunha A. (2020). Cameralist Ideas in Portuguese Enlightened Reformism: The Diplomat Rodrigo de Souza Coutinho and His Circuits of Intellectual Exchange // *Cameralism and the Enlightenment. Happiness, governance and reform in transnational perspective* / E. Nokkala, N.B. Miller (ed). Routledge. Pp. 201–223.
- Pribram K. (1983) *A History of Economic Reasoning*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Чаплыгина Ирина Геннадиевна

igch@yandex.ru

Irina Chaplygina

Ph.D (economics), Associate Professor of Lomonosov Moscow State University, Moscow

igch@yandex.ru

TEACHING OF ECONOMY RELATED DISCIPLINES IN THE MOSCOW UNIVERSITY OF THE SEOND HALF OF THE 18-th CENTURY²¹

Abstract. Three main sources of economic science are identified in the article: 1) natural law tradition dates back to the scholastic texts and concerns human behavior and contract law; 2) the science of State and public administration; and relating to them 3) applied branches of natural sciences. In Moscow University of the second half of 18th century the structure of courses relating to economic subject well reflect this polymorphic character of economic knowledge of the time.

Keywords: *Moscow University, economic education of Russia of 18th century, natural law, Ph. Dilthey I. Reichel, M. Afonin.*

JEL: A12, A23, B11, B31.

REFERENCES

- Backhaus J.G. (2009). From Wolff to Justi // *The Beginnings of Political Economy* / J.G. Backhaus (ed.). Springer. Pp. 1–18.
- Bartlett R. (2017). Cameralism in Russia: Empress Catherine II and Population Policy // *Cameralism in Practice: State Administration and Economy in Early Modern Europe* / M. Seppel, K. Tribe (eds.). Boydell Press. Pp. 65–90.
- Belyavskij M. T. (1955). M.V. Lomonosov i osnovanie Moskovskogo universiteta [M.V. Lomonosov and the founding of Moscow University]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).
- Biograficheskiy slovar' professorov i prepodavatelej Moskovskogo Universiteta (1855a). [Biographical Dictionary of Professors and Teachers of Moscow University] Ch. 1. M.: Univ. Tip. (In Russian).
- Biograficheskiy slovar' professorov i prepodavatelej Moskovskogo Universiteta (1855b). [Biographical Dictionary of Professors and Teachers of Moscow University] Ch. 2. M.: Univ. Tip. (In Russian).
- Chaplygina I.G. (2004). Vzgl'yady K. Pribrama na istoriyu ekonomicheskoy mysli [K. Pribram's views on the history of economic thought] // *Istoriko-ekonomicheskij al'manah*. Vyp. 1. M.: Akademicheskij proekt. Pp. 118–142 (In Russian).
- Chaplygina I.G. (2020). Kameralizm i filosofiya estestvennogo prava [Cameralism and philosophy of natural law] // *Terra Economicus*. T. 18. №4. Pp. 100–120. (In Russian).
- Chteniya v imperatorskom obshchestve Istorii i Drevnostej Rossijskih pri Moskovskom Universitete (1875). [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University] Kn. I. otd. V. M.: Universitetskaya tipografiya. (In Russian).
- Clendenning Ph.A. (1972). Eighteenth-Century Russian Translations of Western Economic Works // *Journal of European Economic History*. No. I. Pp. 745–753.
- Cunha A. (2020). Cameralist Ideas in Portuguese Enlightened Reformism: The Diplomat Rodrigo de Souza Coutinho and His Circuits of Intellectual Exchange // *Cameralism and the Enlightenment. Happiness, governance and reform in transnational perspective* / E. Nokkala, N.B. Miller (ed). Routledge. Pp. 201–223.

²¹ The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within the framework of the research project № 19-010-01080 “Cameralism in Russia in XVIII–XIX centuries: Economic practice and academic discipline”.

- Dokumenty i materialy po istorii Moskovskogo universiteta vtoroj poloviny XVIII veka (1961). [Documents and materials on the history of Moscow University in the second half of the 18th century]. V 3-h t. T. 1. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).
- Dokumenty i materialy po istorii Moskovskogo universiteta vtoroj poloviny XVIII veka (1962). [Documents and materials on the history of Moscow University in the second half of the 18th century]. V 3-h t. T. 2. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).
- Dokumenty i materialy po istorii Moskovskogo universiteta vtoroj poloviny XVIII veka (1963). [Documents and materials on the history of Moscow University in the second half of the 18th century]. V 3-h t. T. 3. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).
- Feofanov A.M.* (2011). Professora-inostrancy v rossijskikh universitetah vo vtoroj polovine XVIII — pervoj polovine XIX veka [Foreign professors at Russian universities in the second half of the 18th — first half of the 19th centuries] // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N.Tatishcheva. №8. Pp. 186–195. (In Russian).
- Gracianskij P.S.* (1984). Politicheskaya i pravovaya mys' Rossii vtoroj poloviny XVIII v. [Political and legal thought in Russia in the second half of the 18th century]. M.: Nauka. (In Russian).
- Klingshtädt T. von* (1765). Reshenie voprosa: kotoryj iz zemnyh nashih produktov bol'she sootvetstvuet obshchej pol'ze i rasprostraneniyu nashej kommercii, po chemu i razmnozhenie onogo dolzhenstvuet byt' vseimi vozmozhnymi sposobami pooshchryaemo? [The solution to the question: which of our earthly products is more consistent with the general benefit and distribution of our commerce, why should its reproduction be encouraged in all possible ways?] // Trudy Vol'nogo Ekonomicheskogo Obshchestva k pooshchreniyu v Rossii zemledeliya i domostroitel'stva. Ch. I. SPb.: Imperatorskaya Akademiya nauk. Pp. 157–168. (In Russian).
- Lomonosov M.V.* (1952). Polnoe sobranie sochinenij. T. 6. [Full Collected Works]. M-L.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. (In Russian).
- Preduvedomlenie (1765) // Trudy Vol'nogo Ekonomicheskogo Obshchestva k pooshchreniyu v Rossii zemledeliya i domostroitel'stva. Ch. I. [Proceedings of the Free Economic Society to encourage agriculture and housing construction in Russia]. SPb.: Imperatorskaya Akademiya nauk. (In Russian)
- Pribram K.* (1983) A History of Economic Reasoning. Johns Hopkins University Press.
- Reichel J.G.* (1766). O nailuchshih sposobah k umnozheniyu poddannyh [On the best ways to multiply subjects]. M.: Izdatel'stvo Imperatorskogo Moskovskogo universiteta. (In Russian).
- Shevyryov S.P.* (1855). Istoriya imperatorskogo Moskovskogo Universiteta, napisannaya k stoletnemu ego yubileyu, 1755–1855 [History of the Imperial Moscow University, written for its centenary, 1755–1855]. M.: Universitetskaya tipografiya. (In Russian).
- Schumpeter J. A.* (2001). Istoriya ekonomicheskogo analiza. T. 1. [History of Economic Analysis]. SPb.: Ekonomicheskaya shkola. (In Russian).
- Tomsinov V.A.* (2015). Pervyj professor yuridicheskogo fakul'teta Moskovskogo Universiteta Filipp-Genrih Dil'tej (1723–1781) [Philip-Heinrich Dilthey (1723-1781), the first professor of the law faculty of Moscow University] // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 11 «Pravo». №2. Pp. 3–21. (In Russian).
- Tret'yakov I.* (1768). Slovo o proiskhozhdenii i uchrezhdenii universitetov v Evrope na gosudarstvennom izhdivenii [A Word on the Origins and Founding of State-Funded Universities in Europe]. M.: Izdatel'stvo Imperatorskogo Moskovskogo Universiteta. (In Russian).
- Zareckij Yu.P.* (2017). Istoriya i istoriki v Moskovskom universitete XVIII veka: pastor Vigand [History and historians at Moscow University in the 18th century: Pastor Wiegand]. M.: VSHE. (In Russian).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Малашенко

д.и.н., профессор, Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва

ИСЛАМСКАЯ ЭКОНОМИКА: ЕСТЬ ЛИ ШАНС НА РАЗВИТИЕ?

Аннотация. Исламская экономика — одна из идеологем мусульманской традиции, связанная с социальной справедливостью, этикой поведения мусульманина. Её основные положения обозначены в Коране и Сунне. Разработка её нормативов ведётся с VIII в. Однако серьёзного практического значения для развития экономики эта доктрина не имела и не имеет. Наиболее заметным проявлением исламской экономики в наше время стал исламский банкинг, активность которого наблюдается в мусульманском мире. Исламские банки создаются богатыми мусульманскими государствами, прежде всего Саудовской Аравией, для которой они, в частности Исламский Банк Развития, служат инструментом поддержания политического влияния. В России активность исламского банкинга незначительна даже в мусульманских регионах, поскольку он несовместим с российским законодательством. В то же время исламский банкинг продолжает существовать, а в последние годы даже получил некоторое развитие.

Ключевые слова: исламская экономика, банкинг, шариат, рибха, социальная справедливость, мусульмане, Исламский банк развития.

JEL: B00, F02, N15, N25.

DOI: 10.24411/2587-7666-2021-10106.

Нет экономики христианской, нет и буддийской¹. Но есть исламская экономика. Каковы её истоки, и как она выглядит сегодня в теории и на практике?

Моральные оценки хозяйственной деятельности в исламе

Начнём с того, что ислам — самая обмирщённая из мировых религий, то есть более прочих обращённая на решение мирских вопросов, в том числе политических и экономических. Иногда ислам называют «тотальной религией», а мусульмане считают его «образом жизни».

Пророк Мухаммад был политиком, основателем первой мусульманской общины, можно сказать, первого исламского государства в городе Медина, куда в 622 г. он и его община эмигрировали из Мекки. Мухаммад был организатором социального и экономического бытия общины.

Согласно исламской догме, главные нормативы исламской экономики изложены в ряде коранических сур, а также в хадисах второй священной для мусульман книги — Сунна. Эти установки просты, они обращены не просто в сферу экономики, а направлены

¹ Вспомним, например, название книги Л. Харрисона «Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма» [Харрисон, 2014], где при всех культурных различиях общества, окрашенных разными религиозными свойствами, рассматриваются как имеющие при этом общую экономическую основу. То же можно сказать и о многих работах, в которых освещается ход экономического развития православных сообществ.

на решение социальных вопросов. Среди главных положений — критика чрезмерного обогащения, осуждение ростовщичества (ссудный процент — риб), вопрос о собственности, содействие торговле. Наконец, через систему налогов и пожертвований они обязуют мусульманина помогать беднякам. Эти положения носят морально-этический характер, определяя для мусульманина не только правила хозяйственной деятельности, но и нормы поведения, поступки в обыденной жизни. В качестве примера можно привести 92-ю суру Корана «Аль-Абаиль» («Ночь»), в 21-м аяте которой изложены общие указания о том, каким должно быть «правильное», соответствующее религиозной традиции поведение мусульманина. Рассуждения же на собственно экономические темы носят как практический, так и морализаторский характер.

Трудовая деятельность — обязанность каждого мусульманина уже потому, что означает стремление обрести дарованные Всевышним блага. Однако зарабатывать на жизнь можно только дозволенным путем, согласованным с исламской этикой и моралью.

В Коране сказано:

«И не отступен в алчности своей
К земным богатствам человек»

(сура 111 «Мчашщиеся», аят 8).

Если в стремлении к обогащению человек эти нормы нарушает, то он должен понести наказание. Таких, обозначенных прежде всего в шариате, запретов, а также наказаний за них, насчитываются десятки. Многие из них стали архаикой, но запрет риб (незаконного прироста денег, ростовщичества), который только в Коране упоминается 12 раз, актуален и сейчас. Речь, разумеется, идет об исламском банкинге.

Детальная разработка и конкретизация основ исламской экономики — торговли, финансовых отношений с партнёрами, налогообложения началась в VIII–IX вв. (по христианскому календарю). Среди первых исламских «экономистов» назовём Абдуллу ибн аль-Мукаффы (727–762) — автора посвящённого вопросам государственной финансовой политики «Трактата о сподвижниках»; Абу Юсуфа (731–789), написавшего «Китаб аль-харадж» («Книга о харадже»), посвященную вопросам налогового обложения и финансового управления: Яхью ибн Адама аль-Курайшийю (757–818) — создателя сборника хадисов по социально-экономическим вопросам «аль-Харадж»; Абу Хамида бин Занджави (796–865), написавшего «Китаб аль-амваль» («Книгу о государственных доходах»).

Тему исламской экономики затрагивали и многие знаменитые ученые-богословы и мыслители, в том числе Абу Юсуф (731–796), аль-Газали (1058–1111), Ибн Таймийа (1263–1318) (крупнейший авторитет для современных исламистов), Ибн Халдун (1332–1406). С учётом этого списка можно согласиться с тем, что сторонников исламской экономики можно считать скорее «моральными экономистами» [Журавлев, 2004. С. 6]. Постулаты исламской экономики формулируются в шариате, который «регламентирует в мусульманском обществе всю хозяйственную жизнь. Часто мирские хозяйственные дела — торговые, финансовые операции, охота, рыболовство, убой животных...» [Керимов, 2007. С. 270].

Заповеди исламской экономики действуют только в пределах мусульманского сообщества. Когда же мусульмане вступают в экономические, финансовые отношения с представителями иномусульманского мира, они следуют общепринятым нормативам. Кроме того, в самом мусульманском государстве игнорировать предписываемые исламом правила разрешалось представителям других конфессий, прежде всего иудеям, которые занимались ростовщичеством и за это не преследовались. Более того, ростовщичеством занимались некоторые мусульмане, за что подвергались общественному порицанию, но не наказывались властями. На этот счет вспомним хотя бы известного персонажа из рассказов о Ходже Насреддине — «ростовщика Джафара», ненавидимого людьми, но поощряемого властью султана. Этот фольклорный эпизод показателен.

На практике наиболее заметная реализация идеи исламской экономики — *исламская банковская система*. В основу исламского банкинга положен ряд принципов, важнейшие из которых — *мудараба, мушарака, мурабаха*.

Мудараба (переводится с арабского как свободная конкуренция, или спекуляция) означает соглашение между заинтересованными сторонами, согласно которому одна из них предоставляет другой свои средства для последующего использования во благо взаимных интересов. Иными словами, первая сторона вкладывает средства в принадлежащий второй стороне банк.

Мушарака в арабском языке означает соучастие, в данном случае, можно сказать, совместный бизнес, в котором в обговорённых долях участвуют как банк, так и лицо, которое предоставляет ему некую сумму для развития совместного предпринимательства. Реализация бизнес-проекта, как и контроль над ним, осуществляется обеими заинтересованными сторонами в соответствующих долях, а в отдельных случаях, по согласованию с партнёром, только одной стороной. При неудаче убытки делятся пропорционально вкладу участников во вложенный в проект капитал.

Кстати, мушарака — однокоренное слово со словом «иштиракийя», означающее на арабском языке социализм. Здесь усматривается некая символика. Правда, в возникших в мусульманских странах концепциях социализма ссылок на исламскую экономику не наблюдалось, хотя совместимость социализма с исламом констатировалась.

Мурабаха (в арабском первое значение — перепродажа) означает принцип торговой сделки (купли-продажи), согласно которому оба её участника договариваются о наценке на получаемую прибыль. В основу мурабахи положено финансирование покупки без запретного в исламе риба, т.е. процентных платежей.

Если внимательно присмотреться к этим трем принципам, а помимо них существует ещё ряд других, которые можно считать вторичными, то становится очевидным, что речь идет об обычных торговых и финансовых сделках, обговорённых неформальными, моральными обязательствами.

Капитализм и развитие стран с доминированием ислама

Мусульманский мир, несмотря на периодически одерживаемые им военные победы, отставал от еврохристианского. Экономический рывок Европы был в огромной мере обусловлен религиозной Реформацией, которая возвышала роль личности, стимулировала индивидуальную активность верующих. Как известно, Реформация способствовала независимому мышлению, распространению научных открытий, технико-технологическому прогрессу. В мусульманском мире религиозная Реформация не состоялась, хотя её попытки предпринимались уже с середины XIX в.

На Западе формировались капиталистические отношения, тогда как в мусульманском мире преобладали отношения феодальные. Никакого влияния на экономическое развитие идеи и практика исламской экономики оказать не могли. Тем более она не могла быть задействована при экономическом и торговом взаимодействии с Западом.

Доктрина исламской экономики (если таковая вообще существует в полном объёме) призвана служить утверждению социальной справедливости, которая декларируется как основа коранического учения об устройстве общества. Знаменитый исламский богослов Мухаммад Бакр ас-Садр в 1970-е гг. пишет об исламской экономике как о «социальной гарантии», когда государство обязано обеспечить человека, с одной стороны, работой, а с другой — условиями удовлетворения его жизненных потребностей [*ас-Садр*, 1981. С. 697].

В классическом труде «Ислам и капитализм» французский исследователь Максим Родэнсон писал, что ещё «в своем прошлом ислам не стремился мобилизовывать массы

на достижение экономических целей», и эта его черта сохраняется и поныне [Radinson, 1966. Рр. 232–233].

Можно ли говорить, что исламская экономика вписывается в капитализм? Конечно. Ее нормативы могут противоречить капиталистической модели, но *de facto* они ее не сдерживают. Так называемый «мусульманский путь капитализма», о котором иногда рассуждают исламоведы, представляется условностью. В богатых (и консервативных) мусульманских государствах экономика формируется в том числе и в соответствии общемировыми, проще сказать — капиталистическими, принципами.

Религиозно-политические движения, включая «революционные», в том числе происходившие под лозунгом джихада, не ставили своей целью решение экономических задач, проведение конкретных реформ. В ходе антиколониальных, национальных освободительных движений в XIX–XX вв. отношение к национализации означало избавление от внешней зависимости — национализировалось то, что принадлежало иностранцам и их ставленникам.

Во второй половине прошлого века, казалось, появится надежда на её переосмысление, модернизацию, хотя в этом процессе сразу возникли деформации (см., например, [Eisenstadt, 1966; Эйзенштадт, 2010]). Мусульманские страны обрели независимость, их элита разрабатывала и пыталась реализовывать проекты социально-экономического развития. В 1950–1960-е гг. появились многочисленные концепты национального пути развития, в первую очередь «национальных социализмов». Одни были ориентированы на рыночную экономику, другие частично заимствовали некоторые элементы советского опыта. В обоих случаях, как уже было замечено, декларировалось их соответствие исламской традиции. Однако подобного рода заявлениями дело и ограничивалось. Никакого интереса к исламской экономике никто не проявлял, и её нормативы сохранялись на уровне личных, семейных отношений и обрядности (закят и т.д.).

Национальные проекты оказались далеко не столь успешными, как то ожидалось. Реформы не привели к кардинальному улучшению экономики, рост благосостояния общества оказался невысок, а в некоторых странах он снизился. Экономические трудности имели место даже в государствах с крупными запасами углеводородов, таких, как Алжир, Ливия, Ирак. Стоит добавить к этому жёсткость устоявшихся там авторитарных режимов, системную коррупцию, а заодно — «падение нравов» у правящего класса.

Лучше обстояли дела в богатых нефтью странах Персидского залива: Саудовской Аравии, Кувейте, образовавшихся в 1971 г. Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ). Экспорт углеводородов обеспечил им экономическое благополучие, относительную политическую стабильность (хотя избежать «дворцовых переворотов» — удачных и провалившихся — им тоже не удавалось). Нефть, объявленная мусульманскими идеологами «даром Аллаха», способствовала экономическому и политическому самоутверждению и служила косвенным доказательством исключительности мусульман. Изобилие углеводородов — важный, пусть и косвенный фактор для утверждения цивилизационной идентичности. Однако отношения с западными партнёрами эти страны выстраивали отнюдь не в соответствии с принципами исламской экономики.

В скобках представим ситуацию, когда у углеводородов появится серьёзный энергетический «оппонент», способный обрушить привычные представления об эксклюзивности мусульманских (и российских) нефти и газа. Предсказывать, как все это отразится на глобальной обстановке в мире, я не берусь, но можно предположить, что это приведет к обеднению богатых мусульманских обществ, вызовет обострение социального протеста, а отсюда — дестабилизацию, по накалу превосходящую начавшуюся во втором десятилетии нынешнего века «арабскую весну».

Нефтяное изобилие до недавнего времени сдерживало в странах Персидского залива интерес к экономическим реформам. Сырьевая экономика была самодостаточной,

что, между прочим, типично и для России. В этом контексте Россия и мусульманский мир похожи друг на друга. Это обстоятельство поддерживает общие для них антивестернизационные настроения.

Недовольство режимами, в частности несоответствием их политики исламским традициям, приводило к поискам альтернативы существующим моделям государственного устройства. Такой альтернативой становился ислам, в котором разработаны оптимальные, «самые совершенные» формы общественно-политического бытия. Альтернативную модель предложили исламисты, позиции которых в мусульманском мире продолжают крепнуть.

Об исламизме пишут много, но в данном тексте я хотел бы обратить внимание только на одно, на первый взгляд, парадоксальное обстоятельство. В деятельности исламистов, в их идеологии и пропаганде отсутствует четкая апелляция к исламской экономике, в которой даже они не видят основу для успешного экономического развития. Как и у их светских оппонентов, отсылки к исламской экономике носят формальный характер. Её упоминание — частность, символизирующая стремление остаться приверженными цивилизационной идентичности. Исламская экономика остается на лозунговом уровне.

Даже попытка устройства «исламского государства» в XXI в. не предусматривала создание некоей особой экономической модели. Дело ограничивалось социально-популистскими лозунгами. Идеологи исламского государства задумываются об экономике меньше, чем о чём бы то ни было. В то же время здесь есть и прагматический момент, играющий важную роль как в рамках экономики мусульманского мира, так и в его отношениях с немусульманской ойкуменой. Речь идет об *исламском банкинге* — исламских банках, роль которых в мировой экономике, хоть и не столь заметна, но тем менее её нельзя игнорировать.

К началу второго десятилетия нашего века в мире возникло свыше 300 банков, а также 250 паевых инвестиционных фондов, работающих в соответствии с шариатскими нормативами. Эти банки в 2014 г. распорядились примерно 2 трл. долл., что составило приблизительно 1% совокупных мировых активов. Большая часть «исламских финансовых средств» сконцентрирована в государствах — членах Совета сотрудничества стран Персидского залива (ССЗ), а также в Иране и Малайзии.

Крупнейшие в мире исламские банки — это Банк ар-Раджи в Саудовской Аравии, Исламский банк Дубаи, Финансовый дом Кувейта. Всего исламские банки действуют в 70 странах. В 2011 г. Международная бухгалтерская компания Global Finance назвала 36 самых лучших финансовых банков². С 2014 по 2018 гг. рост совокупной прибыли исламских банков составлял в 2015 г. — 279,1%, в 2016 г. — 91,8, 2017 г. — 55,2, 2018 г. — 69%³.

Особое место здесь занимает образованный в 1973 г. на конференции министров иностранных дел стран Организации Исламская Конференция (ныне Организация Исламского Сотрудничества — ОИС) Исламский Банк Развития (ИБР). Его основатели — 10 мусульманских стран, а инициатором его создания стала Саудовская Аравия, которой принадлежит свыше 27% его уставного капитала в 150 млрд долл. ИБР работает в 57 мусульманских странах. Главная его задача — оказание мусульманским странам помощи в экономическом развитии, в проведении реформ, поддержка мусульманских общин во всем мире. Ведущую роль при решении о предоставлении средств братьям по вере играет саудовская монархия, что порой вызывает раздражение у некоторых стран, например у Турции, которая оспаривает её право на лидерство в умме.

Хотя исламский банкинг составляет небольшую часть банковских активов даже в мусульманском сообществе, он растет быстрее, чем банковские активы в целом, и по прогнозам будет расти и далее. В Европе, где первый исламский банк был зарегистрирован

² www.ansar.ru/economics/opredeleny-36-luchshih-islamskih-bankov-mira.

³ bankstoday.net/last-articles/chem-islamskie-banki-otlichayutsya-ot-obychnyh-osobennosti-preimushhestva-inedostatki.

в Люксембурге в 1978 г., активность исламских банков, в основном из стран Персидского залива, заметна в Германии, Франции, Великобритании. Во Франции и Германии действуют представительства банка «аль-Барака». Активность исламских банков сосредоточена на обслуживании малого и среднего бизнеса, контролируемого проживающими здесь мусульманами. К этому можно добавить, что, идя навстречу пожеланиям мусульман, а заодно и стремясь расширить сферу своей деятельности, некоторые европейские банки разработали программы по предоставлению банковских услуг в соответствии с нормами шариата.

Не следует отождествлять исламский банкинг с общей активностью капитала из мусульманских стран, например, той же Турции. Её гостиничный бизнес, отели «Хайят» строятся отнюдь не в соответствии с нормативами исламской экономики. Также нельзя считать достижением исламской экономики приобретение в 2008 г. принадлежащей правящей в Абу Даби династии Нахайан местной компанией Abu Dhabi United Group английского футбольного клуба Манчестер Сити, которое состоялось минуя нормы шариата.

Исламский банкинг в России

В России исламский банкинг маргинален. Он заявил о себе лишь в мусульманских регионах, в первую очередь Северного Кавказа, что вписывается в контекст утверждения там религиозной идентичности. Его появление обусловлено несколькими причинами. Во-первых, оно связано с отказом части вкладчиков-мусульман получать несовместимый с нормами шариата процент по вкладу (в Дагестане таковых отказалось свыше 5 тыс. человек) [Мусаев, 2015]. Во-вторых, это обусловлено желанием некоторых мусульманских бизнесменов привлечь к себе как можно большее верующих. В-третьих, это вызвано их стремлением развивать деловые и финансовые контакты с мусульманским зарубежьем, особенно с государствами Персидского залива.

Замечания относительно исламского банкинга в России я предварю краткой историей появления элементов исламской экономики на территории России. Это связано с именем уроженца Анатолии богослова Мехмеда Биргеви (1523–1573), автора трактата «Ат-Тарика аль-Мухаммадийя ва ас-сира аль-Ахмадийя» («Магометанский метод и жизненный путь пророка»). В 1806 г. в Казани было издано сочинение «Рисаля-йн Махмуд Эффенди», в котором описывалась этика «богоугодной торговли» со множеством ссылок на работы Биргеви. В частности, утверждалось, что «капиталистические отношения могут гармонично сочетаться с исламом...» [Кемпер, 2004. С. 42–43]. В XIX в. развитие торгово-финансовых отношений ставило перед мусульманским предпринимательством дилемму: как сочетать исламскую этику с существовавшими в Российской империи «обычными» (можно сказать, что с христианскими) деловыми нормативами. Подходы внутри мусульманской общины разделились. Традиционалисты выступали блюстителями исламских норм — самой яркой фигурой среди них был Абдурахим Утыз Имяни (1754–1834). С его авторитетом никто из «модернистов» сравниться не мог. Зато все больше мусульманских «бизнесменов» Поволжья, стремясь включиться в общероссийские экономические процессы, ориентировались на общепринятые нормы, а не на исламские заповеди. Добавлю, что деловые отношения российских предпринимателей, купцов с их агентами в Туркестане также складывались отнюдь по меркам исламской традиции.

Другими словами, этические нормы «исламского бизнеса» сохранялись, но в Российской империи они были вторичны, а при советской власти их вообще не могло существовать. Но после распада СССР апелляция части мусульман к исламской экономической традиции актуализировалась. Так, в 1990-е гг. в современной России появляется исламский банкинг. Проблема состоит в том, что принципы исламского банкинга вступают в проти-

воречие с российским законодательством, в соответствии с которым банки не имеют права заниматься торговой деятельностью. А ведь именно такого рода активность позволяет исламским банкам избегать запрещённого шариатом ссудного процента. Найти выход из данной коллизии можно только с помощью введения изменений в законодательство, в том числе в Гражданский кодекс. Работа в этом направлении ведётся. Пока же для смягчения и устранения противоречий в рамках претендующих на исламский статус банков создаются «общества с ограниченной ответственностью», которые имеют право заниматься коммерческой деятельностью.

К 2020 г. на территории России функционировали несколько такого рода «банков-обществ», которые можно считать исламскими банками, оказывающими услуги с соблюдением шариатских норм. Наиболее заметные среди них — ТНБ «ЛяРиба-финанс»⁴ в Махачкале, Финансовый Дом «Амаль» в Казани, «Ак Барс банк» в Татарстане.

Полноценную деятельность, основанную на шариатской традиции, эти организации проводить не могут. Поэтому «Амаль» работает совместно с банком-партнёром — филиал «Казанский» «Булгар банка», который и оказывает услуги расчетно-кассового обслуживания. Отличие этого филиала от других банков состоит в том, что у него есть субкорсчет. То есть банк хранит средства клиентов на собственном корреспондентском счете, который открыт в Нацбанке. А значит, по сути, исламский банкинг работает в единой банковской системе.

Последнее обстоятельство показательно, поскольку свидетельствует, что некоторые «обычные» банки готовы работать, учитывая специфику своих исламских коллег. В Москве, Уфе, Нижнем Новгороде для мусульман открыты так называемые «исламские окна», хотя это не снимает противоречий между исламским и очным банкингом⁵. В 1991 г. в Москве был зарегистрирован «МКБ Бадр-Форте Банк». Он просуществовал более полутора десятка лет и был закрыт в 2008 г. по причине несоответствия его деятельности законам РФ. Ранее «Бадр-Форт Банк» упоминался некоторыми мусульманскими политиками чуть ли не как образец успешной финансовой деятельности.

Вопрос об открытии исламских контор постоянно обсуждается в Дагестане, Чечне. В средствах массовой информации, в интернете постоянно появляется сопровождаемая цветными фотографиями информация о посещении мусульманами учреждений, уже работающих в соответствии с требованиями ислама.

Через исламские банки частично оплачивался хадж мусульман к святым местам. В известной степени ими финансируется и иная религиозная активность, например строительство мечетей, поддержка религиозного образования. Тем не менее нельзя не признать, что исламский банкинг в России не стал полностью легитимным финансовым институтом. Тем более это справедливо в масштабах мировой экономики. Даже в мусульманских регионах значимой роли исламский банкинг не играет.

* * *

В целом в масштабе мировой экономики исламский банкинг занимает скромное место. Его активность заметна лишь в мусульманском мире, притом, что его главной, если не единственной, опорой являются богатые страны Персидского залива, прежде всего Саудовская Аравия. В то же время в докладе Исламского центра развития экономики в Дубае (DIEDC) по результатам экономического развития 2019 г. среди стран мира, имеющих исламскую экономику, первой названа Малайзия. Там же отмечается, что после рекордного по уровню инвестиций в компании, относящиеся к исламской экономике,

⁴ «ЛяРиба...» символическое название — с арабского языка оно переводится как «Нет ссудного процента».

⁵ islamicbanks.ru/islamskie-banki-gde-hranit-dengi-musulmanam.

2018 г., вложения за 2019 г. упали на 13%, составив 11,8 млрд долл. [*Малайзия возглавила рейтинг...*, 2020].

Исламская экономика остается преимущественно морально-этической идеологией, к которой даже религиозные деятели, богословы обращаются не слишком часто, упоминая её, когда речь заходит о социальной справедливости, о помощи бедным странам и вообще неимущим. Как таковая исламская экономика не стала и вряд ли в ближайшее время станет существенным фактором в социально-экономическом развитии мусульманских стран.

ЛИТЕРАТУРА

- ас-Садр Мухаммад Баقر* (1981). «Иктисадуна» («Наша экономика»). Бейрут: «Дар ат-Тааруф лиль матбу'ат» (Типографский дом периодических изданий). (1401г. хиджры).
- Журавлев А.* (2004). Концептуальные основы исламской экономики. Исламские финансы в современном мире. М.: «Умма».
- Кемпер М.* (2004). Мусульманская этика и «дух капитализма» // Исламские финансы в современном мире: экономические и правовые аспекты. М.: «УММА». С. 38–48.
- Керимов Г.* (2007). Шариат закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. М.-СПб: «Диля».
- Малайзия возглавила рейтинг исламских экономик мира // Islam Today. islam-today.ru/novosti/2020/11/17...vozglavila...mira (дата обращения: 20.12.2020).
- Мусаев А.* (2015). Исламский банкинг развивается в Дагестане // СевКавИнформ. 29.03.2015. sevkavinform.ru/articles/society/90639 (дата обращения: 20.12.2020).
- Харрисон Л.* (2014). Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль.
- Эйзенштадт Ш.* (2010). Срывы модернизации // Неприкосновенный запас. № 6. С. 42–47.
- Eisenstadt S.* (1966). *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice Hall.
- Rodinson M.* (1966). *Islam et capitalisme*. Paris: Editions du Seuil.

Малашенко Алексей Всеволодович

Malashenko51@gmail.org

Alexey Malashenko

Doctor habitatus in history, Professor, Lead, Reaserches, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Malashenko51@gmail.org

ISLAMIC ECONOMY: DOES IT HAVE CHANCE FOR DEVELOPMENT?

Abstract. Islamic economy remains one of the ideologems of Muslim tradition linked to the social justice and ethic norms of behavior of a Muslim. Its norms are proclaimed in holy Coran and Sunna. The elaboration of its principles has been continuing since VIII century. However Islamic economy is deprived of a practical sense. Its most significant achievement is an Islamic banking which activity is spread in the Muslim world. Today the idea of Islamic economy first of all Islamic banking is rather used by reach Muslim states, first of all by Saudi Arabia. In the Russia's Muslim regions the activity of the Islamic banking is not significant because it is not compatible with laws of the Russian Federation. However in the last years the Islamic banking has received a certain impulse for its development.

Keywords: *Islamic economy, banking, chariat, riba, social justice, Muslims, Islamic Bank of Development.*

JEL: B00, F02, N15, N25.

REFERENCES

- Eisenstadt S.* (1966). *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice Hall.
- Eisenshtadt S.* (2010). Sryvi modernizacii (2010) [Failures of modernization] // *Neprikosnovenniy zapas*. No. 6. Pp. 42–67.
- Harrison L.* (2014). *Evrei, konfutsianty i protestanty. Kulturnij kapital i konets multikul'turalizma* [Jews, Confucians, and Protestants. Cultural Capital and the End of Multiculturalism]. Moscow: Misl'.

- Juravlev A.* (2004). *Konceptualnye osnovy islamskoy ekonomiki — Islamskie finansy v sovremennom mire* [The conceptual basis of the Islamic Economy — Islamic Finances in the Modern World Moscow]. Moscow: «Ümma».
- Kerimov G.* (2007). *Shariat zakon jizny musulman. Otvetny na problemy sovremennosty* [Shariat is law of life of Muslim]. Moscow-St.Petersburg: «Dylya».
- Kemper V.* (2004). *Musulmanskaya etika i duh kapitalizma* [Muslim ethics and the “spirit of capitalism”] // *Islamskie finansy v sovremennom mire* [The conceptual basis of the Islamic Economy — Islamic Finances in the Modern World]. Moscow: Ümma, 2004. Pp. 38–48.
- Malayziya vozglavila reyting islamskikh ekonomik mira [Malaysia tops the rating of the world’s Islamic economies] // *Islam Today* (islam-today.ru ›novosti / 2020/11/17 ... vozglavila ... mira (date of access to the source 20.12.2020).
- Musaev A.* (2015). *Islamskiy banking razvivaetsia* // *SevKavInform* 29.03.2015 *Islamskiy Banking Develops*. sevkavinform.ru/articles/society/90639 (date of access to the source 20.12.2020).
- Rodinson M.* (1966). *Islam et capitalisme*. Paris: Editions du Seuil.
- Sadr Muhammad Baqr* (1981). [«Iqtisaduna». Our Economy]. Beirut: Publishing house «Dar at-ta’aruf lil matbu’at».

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский

*д.филос.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: СОДЕРЖАНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ И ПРИЧИНЫ ИСЧЕРПАНИЯ (ЧАСТЬ 1)¹

Аннотация. Итоги посткоммунистической эволюции в Восточной Европе, начавшейся с крушения Берлинской стены и распада СССР, сегодня, 30 лет спустя, становятся предметом очень противоречивых дебатов. Растущее социальное разочарование, подъем консервативного популизма и отступление демократии во многих странах этого региона делает академические дебаты частью более широкой идеологической и политической борьбы за концепцию будущей Европы и место Восточной Европы в глобализирующемся мире. В центре этой проблематики находится переоценка посткоммунистического проекта — системы ценностей, принципов и норм экономической и политической трансформации в Восточной Европе, а также дорожной карты, использовавшейся элитами для восстановления политической легитимности и проведения реформ. Автор анализирует три главных аспекта этой темы: содержание посткоммунистического проекта как теоретической конструкции, эволюция его основных идей за прошедшее время, результаты его реализации — как позитивные, так и негативные. В первой части статьи рассмотрены более общие вопросы: содержание понятия посткоммунизма в текущих дебатах; посткоммунистическая Центральная и Восточная Европа как глобальный регион в геополитической перспективе; механизмы и противоречия переходного периода; так называемые «демократические транзиты» и причины вариативности их результатов.

Ключевые слова: *посткоммунизм, Центральная и Восточная Европа, глобальный регион, транзит, отступление демократии, популизм, политические режимы, идеология, экономические и политические реформы, легитимность.*

JEL: A10, F02, F15, N20, P20.

DOI: 10.24411/2587-7666-2021-10107.

По прошествии 30 лет со времени крушения коммунизма в Восточной Европе и России (1990 г.) посткоммунистический проект вызывает всё больше вопросов, а, по мнению некоторых наблюдателей, он потерпел фиаско. К настоящему времени стало ясно, что связывавшиеся с ним ожидания оказались чрезмерно завышенными, а его первоначально заявленные цели не обрели реальность в большинстве стран региона. Возникает вопрос: объясняется такой результат качеством самого проекта, особенностями социального контекста или ошибками его осуществления?

В современных условиях актуален спор по следующим проблемам: в чем аутентичный смысл посткоммунистического проекта; каковы пути его искажения за истёкший период; причины расхождения траекторий посткоммунистических стран и вариативность достигнутых результатов; чем объясняются дисфункции переходных процессов, выражаю-

¹ Статья подготовлена в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)» в 2020–2021 гг. (№ проекта 20-01-006) и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

щиеся в сворачивании демократического вектора и возврате ряда стран к авторитаризму; в чем состоят социальные предпосылки популизма и евроскептицизма?

Предстоит выяснить, должна ли концепция посткоммунизма оставаться аналитической категорией или её следует заменить другой с учетом результатов переходного периода? Если признать, что этот период закончился, то каковы перспективы развития региона в условиях глобализации и растущего международного соперничества?

Посткоммунизм: содержание понятия в текущих дискуссиях

Посткоммунизм – понятие, имеющее разное содержательное наполнение в теоретических конструкциях, пространственном измерении и, особенно, в политических практиках [Медушевский, 2015]. Во-первых, это идеология или политическая система, возникшая на основе коммунизма, но отличная от него. Во-вторых, это культурная или политическая ситуация, последовавшая за периодом коммунистического правления и характерная преимущественно для региона Восточной Европы в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В-третьих, это переходная модель общественного и политического устройства, противоречиво сочетающая элементы коммунистической и либеральной организаций. Такой противоречивый характер системы отражен и в её названии — «пост-коммунизм», происходящем от сочетания слов — post- + communism [Meaning of Post-communism]. Как и во многих других понятиях современной науки, включающих приставку «post» (например, постмодернизм, постиндустриальное общество, постправда и т.д.), данное понятие, в сущности, не дает целостного определения явления, указывая лишь на негативные признаки, отличающие его от предшествующего феномена — коммунизма.

Очевидно, что понятие «посткоммунизм» имеет исключительно западное происхождение и выражает преимущественно идеологические установки противников коммунизма. С позиций марксистской теории коммунизм в его идеальном понимании вообще не стал реальностью нигде, даже в СССР, где говорилось лишь о предварительной стадии его построения — так называемом «развитом социализме». В этом смысле понятие коммунизма выражает ситуацию «реального социализма», причём может получать различные интерпретации — идеологические, политические, инструментальные. С позиций марксистской идеологии единства также нет — исследователи насчитывают несколько десятков концептуальной расшифровки данного понятия. В западном мейнстриме под «коммунизмом» понимается скорее историческая реальность стран, объявивших своей целью его построение. Соответственно, понятие «посткоммунизм» означает не что иное, как политические режимы, отказавшиеся от этой легитимирующей основы, приняв в ее качестве идеологию и ценности либеральной демократии. В то же время сам процесс перехода шел спонтанно — начался с согласия руководства СССР, сопровождался поиском оптимальных моделей, но привел к расколу советской элиты и крушению СССР [Горбачёв, 2018], — процессу, который сейчас получает противоположные оценки как в России, так и в самих посткоммунистических странах [Медушевский, 2019]. Для стран, сохраняющих коммунистическую идеологию (как Китай) или западных некоммунистов, понятие «посткоммунизм» имеет иной смысл или вообще неприемлемо. В данной статье я буду руководствоваться магистральным понятием посткоммунизма, имея, однако, в виду все указанные нюансы его интерпретации.

Посткоммунизм конструировал идеологию своего проекта, исходя из последовательного отрицания всех основополагающих параметров коммунистического проекта, тем самым зеркально отображая их (в перевернутом виде). Идеологии коммунизма он противопоставлял либерализм, государственной собственности и централизованной плановой экономике — частную собственность и рынок, однопартийной системе власти — многопартийность. Траектория решения проблемы была проста и включала схожие действия

в обратном направлении: установление работающего демократического режима; трансформацию государственно контролируемой экономики в рыночную; устройство эффективного государства, основанного на верховенстве права; воссоздание активного гражданского общества. Но эти цели были во многом несовместимы или противоречили друг другу, требуя разных временных и содержательных перспектив и порождая конфликты групп в обществе. Всё это — уже в начале трансформации — создавало основания для пессимизма, который получил дополнительные аргументы в последующий период.

Критика понятия посткоммунизма идет по ряду направлений. Во-первых, по-разному понимается его связь с коммунистическим проектом (и, следовательно, зависит от оценки последнего). Во-вторых, указывается на спорность охвата им очень разных стран и обществ, фигурировавших под наименованием «коммунистических» или «социалистических». В-третьих, подчеркивается выраженный европоцентризм данного понятия, являющегося продуктом классической либеральной идеологии, но не вполне чётко отражающим специфику процессов в регионе.

В *идеологическом измерении* понятие посткоммунизма используется для характеристики всех стран, где имел место коммунистический эксперимент, т.е. была представлена марксистская идеология, соответствующая этой идеологии социалистическая правовая семья и режим однопартийной диктатуры. На высшей стадии коммунизма (1970-е гг.) пространство влияния коммунистической идеологии охватывало (с разной степенью интенсивности) до половины населения земного шара. В узком смысле (более привычном сейчас) данное понятие относится к региону Восточной Европы и тем процессам, которые происходили в связи с крушением идеологии и политических режимов в странах региона в 1990-х гг. Сам термин возникает в начале 1990-х гг. для анализа социально-экономических и политических процессов в странах, входивших в «Восточный блок», и бывших республик СССР.

В *пространственном отношении* регион Центральной и Восточной Европы (далее — ЦВЕ) никогда не был географически чётко фиксированным и часто вызывал неоднозначные трактовки. Споры велись о том, как провести границы этого региона; входит ли в него Россия или иные постсоветские страны, каковы возможности его внутреннего разделения. В политическом отношении вопрос оказывается еще более сложным. В период холодной войны было более или менее ясно, что считать границами региона: в него входила территория государств, находившихся под контролем СССР. В настоящее время политическая интерпретация границ региона оказывается менее определенной. Представлены различные критерии его подразделения: разделяют Центральную и Восточную Европу, говорят о Северной части Центральной и Восточной Европы, Южной её части. В этом контексте обсуждается идея противопоставления «старой» и «новой» Европы. Выдвинута идея «Третьей Европы» — той её части, которая охватывает собственно постсоветское пространство и, несмотря на его территориальную и демографическую значительность, остается мало исследованной.

Хронологические рамки посткоммунизма определяют границы переходного процесса и его результаты. Одни исследователи рассматривают демократический транзит как кратковременный акт (непосредственный революционный переворот, приведший к власти демократические силы в 1990-е гг.), другие видят его как длительный процесс, включающий формирование основ гражданского общества и правового государства. В разное время выдвигались различные маркеры для определения границ переходного периода — формирование демократического сознания, экономическая реформа, завершение демократической консолидации, смена ряда электоральных циклов, вступление в ЕС и т.д. Вопрос о том, закончился или нет переходный период и насколько прочными оказались его результаты, имеет очевидную политическую составляющую: принять, что закончился — значит констатировать, что демократия победила (что в большинстве государств не очевидно); принять, что не закончился — значит согласиться с тезисом о незавершённости демократии или даже повороте вспять от неё. Проблема имеет и внешнеполитическое измерение:

для одних стран «транзит» закончился включением в Европу, для других — отказом от него или возникновением неопределённой ситуации (получением статуса государства — кандидата в члены ЕС с перспективой длительного стояния в очереди на прием). В связи с этим вопрос о прочности достигнутых результатов остаётся предметом полемики.

Смысл посткоммунистического переходного периода находит выражение в минималистской и максималистской трактовке транзита. Они представлены в типологии видов демократической консолидации, которая определяется как негативная и позитивная: первая основана исключительно на отрицании коммунизма; вторая — на создании гражданского общества и правового государства. Между ними есть качественное различие. В этом контексте реконструировалась логика переходных процессов. Констатируется, что вопрос не может быть решен однозначно для стран региона: в то время как одни считают демократический транзит бесповоротно завершённым, другие полагают, что он не состоялся из-за «предательства» демократической революции 90-х гг., продлится в будущем и может быть осуществлён революционным путем (точка зрения, усилившаяся благодаря неочевидности перспектив демократии в Восточной Европе).

В *семантическом отношении* эти трудности выражаются в неопределённости терминологии, описывающей проблематику посткоммунизма. После крушения СССР возникшее преобладание либеральной демократии как политического режима сопровождалось установлением доминирования либеральной идеологии как описательного языка. Это означает, что концепции социальных наук, разработанные для анализа политических систем западного типа, применялись к различным феноменам в освобожденных от коммунизма странах. Но язык либеральных демократий воспроизводит теоретическую неопределённость в отношении настоящего состояния посткоммунизма и существующих гибридных режимов.

Использование одних аналитических категорий для западных и посткоммунистических регионов, констатирует Б.Мадьяр, неизбежно имеет следствием концептуальные натяжки и несет массу скрытых допущений, многие из которых попросту не относятся к постсоветским странам. Также контекст, выраженный в языке, искажает попытки эмпирического анализа и сбора данных. Исходя из этого, предлагается развивать новые терминологические рамки, отказавшись от указанных презумпций и порождённой ими терминологической гибридологии [Magyar, 2018]. Масштаб терминологической корректировки видится значительным — следует изменить не только понятия, используемые для обозначения режимов, но и концептуально переустановить их компоненты.

Посткоммунистическая Восточная Европа — глобальный регион в геополитическом контексте

Глобализация и фрагментация международных отношений — основные конкурирующие тенденции в определении политики Европы как глобального региона. Констатируя текущий кризис ЕС, сторонники данного интеграционного проекта отвергают две крайние стратегии его развития — федералистов (выступающих за движение к единому федеративному государству) и евроскептиков (выступающих за дезинтеграцию), предлагая третий путь — эволюционной трансформации. Согласно этому взгляду, Европа станет гораздо лучше приспособленной к вызовам политической глобализации если решит проблемы, связанные с более интегрированной внешней политикой, отменной евро, более завершённым единым рынком и более выраженным трендом к реальной политике [Teschau, 2016]. В настоящее время, особенно после кризиса пандемии, процессы интеграции уступают позиции процессам фрагментации — обособлению регионов, одним из которых является ЦВЕ.

Переход от Европы ценностей к Европе интересов, предполагающий движение интеграционного проекта от идеализма к прагматизму, означает создание механизмов для продвижения общей воли европейских государств, несмотря на различие их позиций внутри ЕС. Констатируя падение роли Европы в международных отношениях, аналитики объясняют это сохранением разобщённости: ЕС не хватает единства в вопросах экономики, идентичности и внешней политики, поэтому он уступает США и Китаю. Выход из положения усматривается в обеспечении экономического роста, демократии и хорошем управлении (как основных конкурентных преимуществ ЕС) [*Europe and Globalisation*, 2013]. Но все они могут обрести действенность только с решением вопроса о разделенном суверенитете: соотношении его европейской, региональной и национальной составляющих (например, в форме многоуровневого конституционализма и управления). Многоуровневый конституционализм, однако, есть конструкция, вызывающая раскол позиций и, очевидно, она не может быть принята как единодушное решение. Принципиален вопрос, как выстраивание общеевропейского курса будет соотноситься с обеспечением интересов регионов и суверенитетом отдельных государств. При каких обстоятельствах интеграционный тренд будет поддержан всеми регионами, в частности Восточной Европой?

Восточная Европа, по мнению современных исследователей, выступает как самостоятельный «глобальный регион» — область пересечения глобальных, транснациональных, региональных и национальных интересов и прочих взаимодействий. В качестве области кросскультурного взаимодействия данный регион формирует свою собственную региональную идентичность, основой которой являются не только экономика, информационный обмен и управление, но и культура, включая, в частности, постсоветское прошлое, популистские движения и авторитаризм в транснациональном измерении [*Globalising Eastern Europe...*, 2019]. Именно культура, причём в самом широком понимании, становится ареной столкновения различных политических трендов, включая самоопределение региональных держав.

Вызовы глобализации для Восточной Европы не идентичны вызовам для Европы в целом [*Buksinski, Dobrzansky*, 2005]. По мнению критиков, ЕС — уже не вполне адекватная институциональная платформа, чтобы справиться с глобализацией. С одной стороны, он стал слишком большим и разделённым союзом, с другой — оказался не способен выработать единую культурную повестку, с третьей — представляет противоречивую политику в ряде ключевых областей (экономика, реформа трудового рынка, миграции и т.д.). Всё это создает проблемы для отдельных государств-членов [*Dale*, 2005].

Эти критические оценки иллюстрируются тем, что Восточная Европа думает о негативных сторонах глобализации для региона: надежды на экономический рост там сопровождались возникновением задолженности перед МВФ и западными банками; идея единства не исключала диспропорции субрегионов по уровню жизни (Центральная Европа живет лучше, чем Прибалтика или Восточная Европа); энергетическая безопасность обернулась зависимостью от внешних поставок; социальный пакет столкнулся с ограничениями, в частности, уровня медицинского обслуживания; свобода перемещения населения породила миграции, экспорт дешевой рабочей силы в другие страны ЕС, даже торговлю женщинами и преследование национальных меньшинств [*What Eastern Europe Thinks*, 2009]. Covid-19 только усугубил эти проблемы экономического неравенства субрегионов и дал их визуальное выражение.

Экономическое положение региона Центральной и Восточной Европы, оказавшееся чрезвычайно неустойчивым уже в результате кризиса 2008 г., активно обсуждалось в контексте глобальных и национальных стратегий выхода из него. Речь шла об общих параметрах развития (плановая экономика и переход к рынку), соотношении реального сектора экономики (производство, определяющее рост доходов населения) с номинальным (банковское регулирование и монетаристские стратегии), специфических трудностях региона

(отток капитала и инвестиций из развивающихся экономик в развитые в условиях кризиса), вопросах посткризисного урегулирования (понижение рисков и неопределенности, привлечение инвестиций и реформирование банковской системы, улучшение делового климата).

Экономическая модель ЕС, как считают региональные эксперты (например, М. Потучек), оказалась на распутье: эта модель стоит перед выбором между большим или меньшим экономическим регулированием, а также запросом более отсталых регионов на единую социальную политику. Это чрезвычайно конфликтная проблема, поскольку от её решения зависит степень единства социальных стандартов в ЕС, гарантии социальных прав, а в конечном счёте, единство и легитимность ЕС, ныне оказавшихся под угрозой [Potůček, 2018]. Поиск выхода усматривается некоторыми в гармонизированной европейской экономике, основанной на интеграции экономик отдельных регионов и стран, путем объединения их сравнительных преимуществ [Godnic, Vodopivec, 2017]. Но как быть с разделением убытков? Не требуется ли для этого более жесткая правовая система и создание единых централизованных механизмов регулирования?

Все это направление дебатов напоминает советские дискуссии о соотношении централизации и региональной экономической специфики. Господствовавшая ранее парадигма либертарианства (экономические теории Ф. Хайека и М. Фридмана), отрицавшая всякое регулирование рыночной экономики во имя спонтанной саморегуляции, свободы конкуренции и прав индивида, становится объектом критики с учетом внешних воздействий на страны региона со стороны мощных транснациональных институтов и других государств. В этом контексте обращают на себя внимание попытки переосмысления советской экономической политики в регионе, в частности предпринятых тогда мер адаптации экономики региона к вызовам глобализации. В этой логике неожиданно выяснилось, что в советский период проходила модернизация, способствовавшая вхождению этих стран в глобализацию, причём, согласно новейшим оценкам, она была довольно успешной. Установлено, во всяком случае, что экономические корни глобализации существовали ещё до 1989 г. [Besnik, 2018]. В этом качестве Восточная Европа — регион, осознающий общность постсоветских судеб и интересов, отличных от ведущих государств – создателей ЕС (прежде всего Германии и Франции). Как показал Брексит, опыт выхода одной из ведущих стран из ЕС, сепаратистский сценарий может стать реалистической альтернативой дальнейшим интеграционным тенденциям, в особенности, если не будет остановлен компромиссами Брюсселя с региональными элитами государств, вступивших в ЕС в новейшее время.

Парадоксальным результатом глобализации стал распад посткоммунистической Восточной Европы на отдельные субрегионы. Один из них представлен странами Вышеградской группы, хотя и здесь заметна дифференциация позиций [Шишелина, 2010]. Страны Юго-Восточной Европы после тяжёлых испытаний 1990-х гг. столкнулись с критической необходимостью реконструкции социально-политической повестки, соотносимой с их общим подходом и более широкой экономической политикой. Будучи, по признанию региональных аналитиков, отсталым субрегионом, они отстаивают необходимость вложений в человеческий капитал (образование, пенсионная реформа, социальное страхование и проч.), поскольку это источник консенсуса, стабильности и демократизации, а пренебрежение ими ведет к срыву стабильного развития, утрате достижений и оборачивается политическими издержками. Страны Балтии, ранее выигравшие от глобализации и евроинтеграции, теперь столкнулись с отчуждением в ЕС: данный субрегион, по признанию его представителей, оказался неспособен сформулировать общую позицию в отношении Европы, выступает пассивным наблюдателем изменений, на которые не может повлиять, а его голос оказался слишком слаб, чтобы его услышали другие акторы экономической политики [Ketels, Skilling, 2017]. Остается не ясно, кто должен платить за это выравнивание экономик европейских регионов: не станет ли поддержание общей стабильности ведущими экономиками формой дотаций отсталым регионам в ущерб темпам развития ЕС в целом?

В текущей политической обстановке государства региона Восточной Европы столкнулись с рядом новых трендов: растущей сдержанностью США, отсутствием внутреннего единства в ЕС и восстановлением российских геополитических амбиций. Они, по признанию экспертов на семинаре 2020 г., оказываются «зажаты» между Россией и ЕС. Восточная Европа, полагают они, должна быстрее сориентироваться, т.е. разработать особую политику, адекватную условиям глобализации, лавирования между этими центрами влияния в ключевых областях [*Eastern Europe and Globalization, 2020*].

Переходные процессы: механизмы и противоречия

Вызовом теории посткоммунизма стало принципиальное различие результатов переходного процесса, а сам факт этого различия ставит под вопрос изначальный смысл проекта, исходившего из линейности транзита и обусловленности его конечной стадии — торжества либеральной демократии. Четверть века спустя такой подход не может оставаться неизменным в силу появления в регионе «нелиберальных демократий» [*Fish, Gill, Petrovic, 2017*].

Переход к демократии, охвативший весь постсоветский регион, поставил проблему соотношения завышенных ожиданий и реальности. Эта тема присутствует в обобщающих трудах, суммирующих опыт и перспективы транзитов в ЦВЕ [*Maldini, Vidovic, 2007*]. Транзит выступал не только как экономика и политика, но прежде всего культура — система ценностей, имеющая свое содержание, механизмы репродуцирования и надежды по таким параметрам, как культура общества, власти и её выражение в эмансипации нации, национализме [*Kennedy, 2002*]. С позиций культуры протестного движения анализировались антикоммунистические выступления и формирование гражданской оппозиции, хотя и не всегда с чётким разделением либеральных, демократических и националистических параметров протестов. Приоритет отдавался базовым темам посткоммунизма — развитию гражданского общества, новых политических партий, экономическим реформам и фактору этнического разнообразия [*Gill, 2002*].

В этом контексте социология посткоммунизма и сравнительной демократизации вынуждена была соотносить экономические, национальные и политические факторы, определяющие развитие переходных процессов в разных странах и их итоги, не во всём позитивные [*Ekiert, Kubik, Vachudova, 2007*]. Обсуждение того, как политические, экономические культурные компоненты наследия влияют на посткоммунистические транзиты, привело к наблюдению о важности традиции — самого фактора наследия, который, как считает ряд исследователей, оказался более важен в объяснении результатов, чем институциональный выбор, внешние факторы и начальные электоральные позиции [*Pop-Eleches, 2007*]. Постсоветские режимы легитимировались целью построения рыночной экономики и демократии. Однако достижение цели, вопреки первоначальным завышенным ожиданиям, оказалось вовсе не гарантировано. Трудность согласования экономических и политических реформ стала наиболее ясным выражением степени готовности к трансформации. Некоторые государства ЦВЕ возникли впервые в истории и столкнулись с процессом выстраивания государственности, в других доминировали опасения, что крушение коммунизма усилит национализм, опасный для либерализации. Неудача или деформация транзитов с этих позиций означала возврат к исторической идентичности, отнюдь не всегда связанной с демократическими ценностями.

В центре внимания оказались механизмы, определяющие развитие демократического транзита и ключевые факторы, влияющие на его исход. В разное время перечень этих факторов и их роли менялись, что было связано с изменением концепции демократического транзита. Первоначально основная совокупность факторов определялась теми различиями, которые существовали между западным и постсоветским типами общества. Предполагалось,

что падение коммунизма автоматически означает признание демократических ценностей, создание новых политических институтов, проведение экономических и социальных реформ и развитие эффективного гражданского общества [Holmes, 1997]. С этих позиций на заре посткоммунистического проекта определялись критерии успешности транзитов к демократии в ряде стран ЦВЕ [Agh, 1998]. Велось обсуждение процессов 1990-х гг. — этнические вопросы, экономические, социальные последствия трансформации [Fowkes, 1999]. В дальнейшем акцент смещается на постановку общих проблем теории демократии, сравнительного исследования и вариативности факторов транзита. Были представлены попытки «переосмысления» общих теорий демократизации в их применимости к посткоммунистическим государствам, включая Россию [Bunce, 2003]. В настоящее время констатируется факт, что в изучении посткоммунистических режимов акцент исследователей сместился с изучения непосредственно коммунистического прошлого к сравнительному изучению с целью подчеркнуть факторы долговременной исторической преемственности [Ekiert, 2015].

Стержнем переходных процессов признавалось два фактора: рыночные реформы и построение демократии. На начальной стадии трансформации особенно актуальной была проблема соотношения экономики и политики в рамках демократического транзита. Одновременность экономических и политических реформ в Восточной Европе (отсутствовавшая в демократических переходах Южной Европы) ставила вопрос, не мешает ли одно направление другому: ответ включал разные позиции, но превалирующим стал тезис о том, что демократизация помогает рыночным реформам [Bartlett, 1997]. С этих позиций предметом рассмотрения стало формирование новой информационной и институциональной структуры рыночной экономики, сетей управления вопросами приватизации (например, в Чехии) [McDermott, 2003]. Эти исследования включали анализ более традиционных секторов экономики: изменения аграрного строя стран региона (Венгрии и Болгарии) в ходе отмены колхозов и формирования фермерства; трудности на этом пути [Meurs, 2001]. Сравнительный анализ рабочего движения и профсоюзов по посткоммунистическим странам выявил специфический фактор недоверия к профсоюзам как одну из причин слабости постсоветских рабочих движений [Kubicek, 2004]. Переход стран региона к рыночной экономике высветил тему приватизации как взаимодействия власти и формирующегося бизнеса, а в связи с этим — и роли государства в медиации между внутренними интересами и внешним давлением [Sznajder, 2016]. В целом удалось показать, как эти запросы новой экономики влияли на идеологию, законодательство и технологии посткоммунистических реформ. Однако исследователей ожидал неожиданный вывод: развитию систем демократического парламентаризма в ряде стран (в Венгрии и Польше) противостояли факторы религиозной и имперской истории, о которых не вспоминали на начальной стадии переходного периода, но воспроизводство которых оказалось возможным сегодня с опорой на традиционалистский экономический и политический менталитет. Это вновь заставляет задуматься, что вообще означает быть «постсоветским» человеком [Tiostanova, 2018].

Постепенно стала очевидна внутренняя противоречивость переходных процессов. Легитимирующей основой государств Восточной Европы постсоветского периода выступали три концепции: национального суверенитета (в виде унитарного государства), демократии (интерпретируемой как политический плюрализм и защита прав человека) и новой формы правления (в виде парламентской, смешанной парламентско-президентской или президентско-парламентской республики). Эти три компонента легитимирующей формулы неизбежно вступали в противоречие между собой: национальный суверенитет тяготел к этнической (и в ряде случаев этноконфессиональной) трактовке, что противоречило принципам демократии и защиты прав национальных меньшинств; демократия вступала в противоречие с авторитарной логикой политического режима, а последний стремился сохраниться путем ограничения национального и политического плюрализма и подавления оппозиции, используя для этого корректировки формы правления и институтов.

В результате завышенные ожидания периода либеральной трансформации сменились её пересмотром с позиций «реализма» на консервативной фазе.

Определение содержания переходных процессов включало циклическую эволюцию смысла теоретических конструкций, правовых норм, смену понятий и изменение их этимологии с течением времени. Первоначально из политической лексики ушел коммунизм (или социализм как его аналог) — он был заменен на посткоммунизм, а последний — сменён на демократический (посткоммунистический) транзит. Но понятие транзита также требовало уточнений: сначала оно использовалось в единственном числе (что предполагало единство процесса перехода от коммунизма к демократии), затем стало использоваться во множественном числе (что означало допущение различий). В рамках сравнительных исследований (написанных, в основном, десятилетие спустя) понятие транзита было конкретизировано с позиций вариативности, различия траекторий и результатов. Но все они по-прежнему имеют идеологический подтекст — деление всех транзитов на «успешные» или «провальные», исходящее из того, победила демократия или авторитаризм. Наконец, и сам «транзит» был забыт в угоду «идентичности», обретение которой демонстрирует, как мёртвый хватает живого на исходе посткоммунистического цикла. Об этом — во второй части статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Горбачев М.С. (2018). В меняющемся мире. М.: АСТ.
- Медушевский А.Н. (2019). Политическая философия М. Горбачева и перспективы нового мирового порядка // Сравнительное конституционное обозрение. № 5 (132). С. 125–144.
- Медушевский А.Н. (2015). Политические сочинения: право и власть в условиях социальных трансформаций. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
- Шишелина Л.Н. (2010). Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии. М.: Весь мир.
- Ágh A. (1998). *The Politics of Central Europe*. London: SAGE.
- Bartlett D.L. (1997). *The Political Economy of Dual Transformation: Market Reform and Democratization in Hungary*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Besnik P. (2018). *Globalization Under and After Socialism: The Evolution of Transnational Capital in Central and Eastern Europe*. Stanford: Stanford University Press.
- Bunce V. (2003). Rethinking Recent Democratization: Lessons from the Postcommunist Experience // *World Politics*. Vol. 55. No. 2. Pp. 167–192.
- Dale H.S. (2005). Challenges Facing Europe in a World of Globalization // The Heritage Foundation. Report Europe (November 28, 2005). www.heritage.org/europe/report/challenges-facing-europe-world-globalization.
- Eastern Europe and Globalization (2020) // Information on conference – 2020. www.dwih-newyork.org/en/event/backlash-against-globalization.
- Eastern Europe and the Challenges of Globalization. (2005) / T. Buksinski, D. Dobrzanski (Eds.) Washington: The Council for Research in Values and Philosophy. books.google.ru/books?id=ns7OHvK-qycC&pg=PP3&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=2#v=onepage&q&f=false.
- Ekiert G. (2015). Three Generations of Research on Post-Communist Politics — a Sketch // *East European Politics and Societies*. Vol. 29. No. 2. Pp. 323–327.
- Ekiert G., Kubik J., Vachudova M. A. (2007). Democracy in the Post-Communist World: An Unending Quest // *East European Politics and Societies*. Vol. 21. No. 1. Pp. 7–30.
- Europe and Globalisation: the dangers and the assets (2013) // Foundation Robert Schuman. The Research and Studies Centre on Europe. European Issue n°296 (02.12.2013). www.robert-schuman.eu/en/european-issues/0296-europe-and-globalisation-dangers-and-assets.
- Fowkes B. (1999). *The Post-Communist Era: Change and Continuity in Eastern Europe*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Gill G. (2002) *Democracy and Post-Communism: Political Change in the Post-Communist World*. London: Routledge.
- Globalising Eastern Europe — New Perspectives on Transregional Entanglements (2019) // BASEES Regional Conference. Accessed: <https://www.connections.clio-online.net/event/id/termine-41954>.
- Godnic B., Vodopivec R. (2017). Globalization and integration processes in Europe // *Journal of Universal Excellence*. No. 1. Pp. 1–10. www.fos-unm.si/media/pdf/RUO/2017-6-1/RUO_057_GODNIC_VODOPIVEC.pdf.

- Holmes L. (1997). *Post-Communism: An Introduction*. Durham, NC: Duke University Press.
- Kennedy M.O. (2002). *Cultural Formations of Postcommunism: Emancipation, Transition, Nation, and War*. Minneapolis and London: University of Minnesota Press.
- Ketels Ch., Skilling D. (2017). *The Future of Europe and Globalization: Where is the Voice of the Baltic Sea Region?* Stockholm: Swedish Agency for Economic and Regional Growth. eufonder.se/download/18.35e3e2bc15c8bd42aa4ae77/1497506152315/The%20future%20of%20Europe%20and%20Globalization%20Where%20is%20the%20voice%20of%20the%20Baltic%20Sea%20Region.pdf.
- Kubicek P.J. (2004). *Organized Labor in Post-communist States: From Solidarity to Infirmity* / University of Pittsburgh Press.
- Magyar B. (2018). *Typology of Post-Communist Regimes* // Seminar November 14, 2018. ias.ceu.edu/events/2018-11-14/typology-post-communist-regimes.
- McDermott G.A. (2003). *Embedded Politics: Industrial Networks and Industrial Change in Postcommunism*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Meurs M. (2001). *The Evolution of Agrarian Institutions. A Comparative Study of Post-Socialist Hungary and Bulgaria*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Pop-Eleches G. (2007). *Historical Legacies and Post-Communist Regime Change* // *Journal of Politics*. Vol. 69. No. 4. Pp. 908–926.
- Potůček M. (2018). *Economic Globalization and the Role of the EU Social Policy as Challenge (not only) for Central and Eastern Europe* // *Social Work and Society International Online Journal*. Vol. 16. No. 2. socwork.net/sws/article/view/568/1115.
- Sznaider L. A. (2016). *Transnational Capitalism in East Central Europe's Heavy Industry: From Flagship Enterprises to Subsidiaries*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Techau J. (2016). *For Predictions on the Future of Europe* // *Carnegie Europe*. January 12, 2016. carnegieeurope.eu/strategieurope/62445.
- Tiostanova M. (2018). *What does it mean to be Post-Soviet? Decolonial Art from the Ruins of the Soviet Empire* / Duke University Press.
- Transitions in Central and Eastern European Countries; Experiences and Future Perspectives (2007)* / P. Maldini, D. Vidovic (Eds.). Zagreb: University of Dubrovnik.
- What Eastern Europe Thinks about Globalization (2009)* // *Globalization*. Vol. 101. www.globalization101.org/what-eastern-europe-thinks-about-globalization-2.

Медушевский Андрей Николаевич

amedushevsky@mail.ru

Andrey Medushevsky

doctor of sciences (Philosophy), tenured professor at the National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow. amedushevsky@mail.ru

POST-COMMUNISM PROJECT IN EASTERN EUROPE: CONTENT, EVOLUTION AND THE CAUSES OF EXPIRATION

Abstract. The outcomes of Post-Communist evolution in Eastern Europe started by the fall of Berlin wall and the collapse of USSR becomes the subject of very controversial debates 30 years after. The growing social disappointment, the rise of conservative populism and the backslide of democracy in many countries of this region makes this academic debate a part of a broad ideological and political struggle over the concept of future Europe and the place of Eastern Europe in globalizing world. At the core of this problematic stay the reappraisal of Post-Communist project — system of values, principles and norms of economic and political transformation in Eastern Europe as well as road-map used by elites for the reconstruction of political legitimacy and reform process promulgation. The author analyses three major aspects of the subject: the substance of the Post-Communist project as a theoretical construction; the evolution of its basic ideas at the passed time, and the results of its fulfillment — positive and negative. The First part of the article concerns more general questions: the content of the definition of Post-communism in current debates; Post-communist Central and Eastern Europe as a global region in geopolitical perspective; contradictions of the transformation period; the so-called “transitions to democracy” and causes of their variety and different outcomes.

Keywords: *Post-Communism, Central and Eastern Europe, global region, transit, democratic backslide, populism, political regimes, ideology, economic and political reforms, legitimacy.*

JEL: A10, F02, F15, N20, P20.

REFERENCES

- Ágh A. (1998). *The Politics of Central Europe*. London: SAGE.
- Bartlett D.L. (1997). *The Political Economy of Dual Transformation: Market Reform and Democratization in Hungary*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Besnik P. (2018). *Globalization Under and After Socialism: The Evolution of Transnational Capital in Central and Eastern Europe*. Stanford: Stanford University Press.
- Bunce V. (2003). Rethinking Recent Democratization: Lessons from the Postcommunist Experience // *World Politics*. Vol. 55. No. 2. Pp. 167–192.
- Dale H.S. (2005). *Challenges Facing Europe in a World of Globalization* // The Heritage Foundation. Report Europe (November 28, 2005). www.heritage.org/europe/report/challenges-facing-europe-world-globalization.
- Eastern Europe and Globalization (2020) // Information on conference — 2020. www.dwih-newyork.org/en/event/backlash-against-globalization.
- Eastern Europe and the Challenges of Globalization (2005) / T. Buksinski, D. Dobrzansky (Eds.) Washington: The Council for Research in Values and Philosophy. books.google.ru/books?id=ns7OHvK-qycC&pg=PP3&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=2#v=onepage&q&f=false.
- Ekiert G. (2015). Three Generations of Research on Post-Communist Politics — a Sketch // *East European Politics and Societies*. Vol. 29. No. 2. Pp. 323–327.
- Ekiert G., Kubik J., Vachudova M. A. (2007). Democracy in the Post-Communist World: An Unending Quest // *East European Politics and Societies*. Vol. 21. No. 1. Pp. 7–30.
- Europe and Globalisation: the dangers and the assets (2013) // Foundation Robert Schuman. The Research and Studies Centre on Europe. *European Issue* n°296 (02.12.2013). www.robert-schuman.eu/en/european-issues/0296-europe-and-globalisation-dangers-and-assets.
- Fowkes B. (1999). *The Post-Communist Era: Change and Continuity in Eastern Europe*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Gill G. (2002). *Democracy and Post-Communism: Political Change in the Post-Communist World*. London: Routledge.
- Globalising Eastern Europe — New Perspectives on Transregional Entanglements (2019) // BASEES Regional Conference. www.connections.clio-online.net/event/id/termine-41954.
- Godnic B., Vodopivec R. (2017). Globalization and integration processes in Europe // *Journal of Universal Excellence*. No.1. Pp. 1–10. www.fos-unm.si/media/pdf/RUO/2017-6-1/RUO_057_GODNIC_VODOPIVEC.pdf.
- Gorbachev M. S. (2018). *V meniaiuschemsia mire [In a Changing World]*. Moscow: AST.
- Holmes L. (1997). *Post-Communism: An Introduction*. Durham, NC: Duke University Press.
- Kennedy M.O. (2002). *Cultural Formations of Postcommunism: Emancipation, Transition, Nation, and War*. Minneapolis and London: University of Minnesota Press.
- Ketels Ch., Skilling D. (2017). *The Future of Europe and Globalization: Where is the Voice of the Baltic Sea Region? — Stockholm: Swedish Agency for Economic and Regional Growth*. eufonder.se/download/18.35e3e2bc15c8bd42aa4ae77/1497506152315/The%20future%20of%20Europe%20and%20Globalization%20Where%20is%20the%20voice%20of%20the%20Baltic%20Sea%20Region.pdf.
- Kubicek P.J. (2004). *Organized Labor in Post-communist States: From Solidarity to Infirmary* / University of Pittsburgh Press.
- Magyar B. (2018). *Typology of Post-Communist Regimes* // Seminar November 14, 2018. ias.ceu.edu/events/2018-11-14/typology-post-communist-regimes.
- McDermott G.A. (2003). *Embedded Politics: Industrial Networks and Industrial Change in Postcommunism*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Medushevskiy A. N. (2015). *Politicheskie sochinenia: pravo i vlast' v usloviach socialnyh transformaciy [Political Writings: Law and Power under Social Transformations]*. Moscow. Centr gumanitarnykh iniciativ.
- Medushevskiy A. N. (2019). *Politicheskaia filosofia M. Gorbacheva i perspektivy novogo mirovogo poriadka [Political Philosophy of M.Gorbachev and the Prospects for a new World Order]* // *Sravnitel'noe Konstitucionnoe obozrenie*. No. 5 (132). Pp. 125–144.
- Meurs M. (2001). *The Evolution of Agrarian Institutions. A Comparative Study of Post-Socialist Hungary and Bulgaria*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Pop-Eleches G. (2007). Historical Legacies and Post-Communist Regime Change // *Journal of Politics*. Vol. 69. No. 4. Pp. 908–926.
- Potůček M. (2018). Economic Globalization and the Role of the EU Social Policy as Challenge (not only) for Central and Eastern Europe // *Social Work and Society International Online Journal*. Vol. 16. No. 2. socwork.net/sws/article/view/568/1115.
- Shishelina L.N. (2010). *Vyshegradskaia Evropa: otkuda i kuda? [Vyshegrad Europe: where to go? Two Decades of Reforms in Hungary, Poland, Slovakia and Czechia]*. Moscow: Ves' Mir.
- Sznaider L. A. (2016). *Transnational Capitalism in East Central Europe's Heavy Industry: From Flagship Enterprises to Subsidiaries*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

- Techau J.* (2016). For Predictions on the Future of Europe // Carnegie Europe. January 12, 2016. carnegieeurope.eu/strategieurope/62445.
- Tiostanova M.* (2018). What does it mean to be Post-Soviet? Decolonial Art from the Ruins of the Soviet Empire / Duke University Press.
- Transitions in Central and Eastern European Countries; Experiences and Future Perspectives (2007) / P. Maldini, D. Vidovic (Eds.). Zagreb: University of Dubrovnik.
- What Eastern Europe Thinks about Globalization (2009) // Globalization. Vol. 101. www.globalization101.org/what-eastern-europe-thinks-about-globalization-2.

А.Ю. Ермолов

*к.и.н., старший научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)*

ВЗГЛЯДЫ СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЗДНЕГО СССР (ЧАСТЬ 2)

Аннотация. Работа посвящена характеристике взглядов современных зарубежных историков, экономистов и политологов на экономические проблемы позднего СССР. Считается, что реакция на эти проблемы привела к экономическим и политическим реформам, которые в конечном итоге сформировали Российскую Федерацию такой, какова она сейчас. Но был ли диагноз поставлен правильно? Современные зарубежные исследователи предложили ряд собственных интерпретаций экономических проблем позднего СССР, которые в чём-то пересекаются, а в чём-то противоречат друг другу. Каждый видит какие-то свои важные факторы, но игнорирует другие. В значительной степени расхождения предопределяются предыдущей исследовательской деятельностью и ранее сформировавшимися взглядами. Поскольку эти взгляды и опыт различаются, то единая позиция в таком сложном вопросе становится невозможной. Тем не менее в каждом направлении можно найти полезные идеи или, как минимум, обоснованные причины задуматься о необходимости дополнительного изучения, казалось бы, уже давно установленных фактов. Каковы на самом деле были причины падения совокупной производительности факторов производства? Другой пример полезной идеи, которую нужно развивать дальше — необходимость изучать происходившие в элите процессы. Надо признать, что для развития экономики элита имеет значение. Изучение взглядов зарубежных авторов помогает выявление «структур когнитивности», формирующих объяснения прошлых событий, и в том числе «слепых пятен», то есть тех очевидных явлений или процессов, которые воспринимаются как несуществующие. Такие слепые пятна неизбежны и у российских, и у зарубежных авторов, и сравнение взглядов дает шанс их увидеть и у тех, и у других. Во второй части статьи рассматриваются новые концепции, предлагающие иные подходы, отличающиеся от господствовавших в эпоху холодной войны.

Ключевые слова: *экономическая история СССР, распад СССР, плановая экономика, социализм, рыночные реформы, институты, элиты, бюрократия.*

JEL: P2, P20, P21, P27, P3.

DOI: 10.24411/2587-7666-2021-10108.

Неоревизионизм Роберта Аллена

Оригинальные взгляды, которые можно охарактеризовать как неоревизионистские и отчасти как структуралистские, высказал в своей книге «От фермы к фабрике» Роберт Аллен¹. Эта книга посвящена в первую очередь советской индустриализации 1930-х годов и написана в очень комплиментарном по отношению к СССР стиле. Отчасти это объясняется его сомнениями в обоснованности сопоставления СССР с Западной Европой и США, которые изначально находились на другом уровне развития, и даже с Японией, Южной

¹ Роберт Аллен, профессор экономической истории Оксфордского университета, автор ряда книг и статей по широкому спектру вопросов экономической истории, от истории огораживания в Англии до конкуренции в сталелитейной промышленности. В центре его научных интересов — процессы перехода к индустриальному обществу. Наиболее известная его книга – «Британская промышленная революция в мировой перспективе».

Кореей и Тайванем, которые находились под воздействием невоспроизводимых в других местах культурных и политических факторов. Здесь взгляды Аллена совпадают с традиционным ревизионизмом, который рассматривал ранний СССР в первую очередь как страну, проводящую индустриальную модернизацию, а поздний — как модернизированное урбанизированное общество с индустриальной экономикой. Исходя из таких позиций, Аллен утверждал, что созданные в период раннего СССР экономические институты — «более совершенный способ использования рычагов государственного управления для стимулирования роста экономики» [Аллен, 2013. С. 31], что вызывает, однако, неизбежный вопрос, который он сам перед собой поставил в своём исследовании: «Как случилось и каковы причины того, что резкий экономический рост, наблюдавшийся в СССР до начала 1970-х годов, внезапно сменился замедлением темпов в последние два десятилетия существования Советского Союза? Можно ли говорить о том, что замедление темпов роста стало показателем фундаментальных противоречий советской системы, или же причина кроется во внешних факторах или ошибках политического характера, которых можно было избежать?» [Аллен, 2013. С. 22] Отвечая на этот вопрос, Аллен излагает своё мнение о том, в чём был корень экономических проблем позднего СССР.

Рост продуктивности факторов производства по отраслям, 1965–1985, %

	1965–1975	1975–1985
<i>Относительно успешные</i>		
Газ	30	49
Электроэнергия	30	8
Химическая промышленность	26	10
<i>Плохие результаты</i>		
Машиностроение	20	-1
Конструкционные материалы	15	-3
Легкая промышленность	12	3
Пищевая промышленность	12	-7
Прочее	-3	2
<i>Катастрофа</i>		
Уголь	7	-24
Нефть	35	-21
Черная металлургия	14	-11
<i>Общий итог</i>	<i>18</i>	<i>-1</i>

Источник: Аллен Р.С. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН, 2013. С. 264.

Роберт Аллен, подробно изложив традиционные взгляды М. Вайцмана, У. Истерли и С. Фишера, согласно которым падение эффективности советской модели экономики было связано с исчерпанием трудовых ресурсов и низкой эластичностью замещения между капиталом и трудом, что привело к падению совокупной производительности факторов производства, затем неожиданно переходит к их критике со структуралистских позиций. При этом ему на помощь приходит его интерес к истории некоторых отраслей промышленности, в частности, металлургии о которой он написал ряд статей [Allen, 1979. Pp. 911–937].

Аллен считает, что неправомерно просто заявить на основании общих агрегированных показателей, что коэффициент эластичности замещения между трудом и капиталом составлял 0,4, не проведя более детального анализа, в том числе с разбивкой по секторам и разбором конкретных стратегических управленческих решений. Вместо этого он предлагает обратить внимание на то, что отрасли страдали от падения совокупной производительности факторов производства неравномерно (см. табл.), и их можно с этой точки зрения разделить на три категории, сильно отличающиеся по своим тенденциям. Далее он обращает внимание на то, что решающий вклад в падение совокупной производительности факторов производства в 1975–1985 гг. внесло всего три отрасли: черная металлургия, нефтяная промышленность и угольная промышленность. Все эти отрасли испытали серьёзные негативные последствия истощения природных ресурсов в европейской части СССР, где были использованы легко извлекаемые запасы железной руды, угля и нефти. Реакцией на этот процесс стал перенос внимания к развитию ресурсной базы в Сибири, где условия добычи были существенно хуже, и требовались большие вложения. Природные богатства Сибири, по мнению Аллена, оказались не «благословенным даром», а «чёрной дырой», поглотившей инвестиционный капитал Советского Союза [Аллен, 2013. С. 266].

Что касается металлургии, то её проблемой оказалась не только истощённость месторождений, заставлявшая зарываться в землю всё глубже, чтобы добывать всё меньше железной руды со всё большей себестоимостью, но и ошибочная стратегия развития отрасли. Вместо того, чтобы сосредоточиться на строительстве новых современных металлургических заводов, постепенно ликвидируя старые, была избрана стратегия модернизации уже существующих производств, на что тратилось 60% инвестиций. Тем самым отрасль обрекалась на неэффективность, так как мировой тренд развития металлургии в это время шёл в совсем ином направлении. В качестве противоположного примера Аллен приводит Японию, где в этот период наблюдался быстрый рост металлургии. Этот рост был обеспечен за счёт строительства 9 новых сталелитейных заводов средней мощностью 9 млн т. Именно такие заводы были экономически эффективными на том уровне развития технологий. В СССР же большинство заводов выплавляло в год от 1 до 5 млн т стали, а новопостроенные заводы имели мощность в среднем в 7 млн т. На старых заводах существовало множество препятствий для повышения производства, даже в случае модернизации и применения нового оборудования и технологий. Их инфраструктура не была рассчитана на более высокие объёмы производства, их площади были слишком ограниченными, не приспособленными для эффективной эксплуатации нового оборудования, а транспортные коммуникации ограничивали поступление сырья и вывоз готовой продукции. Получается, что СССР, руководителей которого часто упрекали в стремлении к гигантизму, не проявил его именно там, где это было как раз уместно.

Аллен пишет и о другом провале, недооценке важности экономии энергоресурсов. Представители власти лишь говорили о его необходимости, но при этом не готовы были делать хоть что-то для воплощения этой политики в жизнь. В частности, её проведение упиралось в отсутствие измерительных приборов. Их производство надо было налаживать, для этого требовалось время, но руководство страны хотело результатов «здесь и сейчас» [Аллен, 2013. С. 272]. Эта мысль Аллена вызывает некоторое сомнение: ведь освоение энергоресурсов Сибири тоже не давало результатов «здесь и сейчас», но выбор был сделан в его пользу.

Далее Аллен сталкивается с ещё одним распространённым тезисом, объясняющим экономические проблемы позднего СССР отсутствием правильных стимулов для принятия решений, которые, как многие считают, может дать только рынок. Не отрицая того, что «цепочка обратной связи в советской экономике была длиннее, включала более высокие уровни и была в целом менее эффективной, чем это возможно в условиях капитализма» [Аллен, 2013. С. 271], он тем не менее считает, что основной проблемой системы принятия решений в СССР было не управленческое звено на предприятиях, то есть не руководители

производства, неспособные выполнить поставленные задачи. Напротив, планы выполнялись, однако именно они изначально несли в себе ошибки политического курса.

Наконец, последний тезис, с которым он спорит — утверждение о неспособности советской экономики создавать и использовать новые технологии, восходящее к работам Дж. Берлинера [Berliner, 1976]. Здесь Аллен сначала приводит в качестве контрдовода тезис о том, что институциональные проблемы в советской научно-исследовательской системе не могут быть объяснением спада 1970-х гг., так как этому спаду не предшествовало никаких серьёзных изменений в этой области. Далее он приводит примеры, свидетельствующие о том, что в действительности в Советском Союзе велась весьма масштабная исследовательская деятельность, в том числе по инициативе предприятий, что опровергает тезис о слабости стимулов, способствующих инновационной деятельности [Аллен, 2013. С. 275]. В действительности инновационная отрасль страдала прежде всего от конкуренции за кадры со стороны ВПК, но это было следствием внешних по отношению к системе факторов: холодной войны и гонки вооружений.

Подводя итог, Аллен приходит к ответу на заданный им самим в начале книги вопрос. В провале виноваты именно ошибки политического руководства и внешние по отношению к системе факторы. «Возможность претворения в жизнь глобальных изменений посредством директив вышестоящих кругов являлась важным преимуществом советской социалистической системы... Но к 1970 г. нарушился баланс между «правильными» и «неправильными» экономическими решениями... Особенность советской экономики, которая изначально являлась её сильной стороной, впоследствии стала её главным недостатком. Рост экономики прекратился лишь потому, что руководству страны не хватало находчивости, позволяющей справиться с новыми вызовами» [Аллен, 2013. С. 279].

Книга Аллена закономерно встретила довольно активную критику со стороны научного сообщества [Ellman, 2004. Рр. 841–849]. Но при этом критика сосредоточилась на её основной части, где Аллен пишет об индустриализации 1930-х гг. Автора обвиняли в оправдании сталинизма, в отказе учитывать страдания людей, притесняемых советской системой. Авторские же гипотезы о причинах экономических проблем позднего СССР остались на периферии дискуссии (хотя и обсуждался вопрос о достоверности используемых Алленом данных).

В той части, где Аллен прибегает к структуралистскому анализу, его идеи выглядят убедительно. Более того, они хорошо ложатся на доступный фактический материал. У меня, когда я читал его работу, перед глазами вставала картина Тагильского металлургического завода, закрытого лишь в 1990-е гг. Основанный ещё Демидовыми, он находился в центре города, не имел возможности для расширения. Тем не менее в 1970-е гг. он подвергся реконструкции, которая, судя по масштабам строительства, была достаточно затратной. Но из-за перечисленных выше недостатков этой производственной площадки она не смогла окупиться. Это живой конкретный пример того, как ошибочная экономическая политика вела к падению производительности капитала. Верно подмечены и проблемы со снабжением железной рудой. В позднем СССР география размещения металлургических предприятий действительно всё меньше и меньше оставалась адекватной ресурсной базе. Что касается последней, то реальная ситуация выглядела даже хуже, чем представляет себе Аллен, хотя и в несколько ином направлении. Сильнее всего были исчерпаны рудники Урала, а не рудники Европейской России. Более того, из Европейской части России приходилось везти руду на Урал, и эта руда обеспечивала потребности уральской металлургии на одну четверть (другая четверть поставок шла из Казахстана, и только половина руды была местной) [Запарий, 2007. С. 45]. Экономические потери при этом были грандиозными, особенно зимой, когда руда смерзлась в вагонах и её доставали из них взрывным способом [Запарий, 2007. С. 53]. Возможно, средства, потраченные на неудачную модернизацию уральских металлургических заводов, следовало использовать для развития местной

сырьевой базы, у которой были ещё не использованные резервы в виде месторождений с низким содержанием железа и нестандартными рудами, требовавшими инновационных подходов. Впрочем, понятно, что этот вариант тоже привел бы к снижению эффективности совокупных факторов производства.

Аллен делает побуждающее к дальнейшим размышлениям сравнение: политика позднего СССР, по его мнению, была бы похожа на такой контрфактический сценарий, в котором США, решив сохранить свою сталелитейную промышленность, вложили бы свои средства в масштабную модернизацию этих заводов, а топливом и рудой стали бы снабжать их из Северной Канады. Вместо этого США перешли к импорту автомобилей и стали из Японии, где их производили, используя дешевое сырье из стран третьего мира. Хотя Аллен и не утверждает это прямо, но, очевидно, он считает, что такой путь был правильным. Это действительно казалось абсолютной истиной в 2003 г. Сейчас уже нельзя давать такую однозначную оценку, поскольку очевидно, что перенос производственных мощностей в другие страны (не только в Японию) привел к тому, что мировая гегемония США оказалась под угрозой. США сами вырастили себе нового соперника.

Впрочем, дело не только в этих долгосрочных последствиях. Вопрос и в том, насколько для СССР вообще было возможно расширение вовлеченности в международные торговые отношения, и в какой форме это расширение могло происходить так, чтобы не оказаться разрушительным для экономики. В конце концов, именно это расширение вовлеченности в международную торговлю и произошло вместе с закрытием старых (к сожалению, не только старых) промышленных предприятий, но оно не принесло с собой перспективы экономического развития. США пока находят способы расплатиться за автомобили, сталь и прочие товары из других стран, но чем бы за них мог расплатиться СССР? Сейчас Россия расплачивается за них нефтью и газом, добытыми преимущественно благодаря тем программам освоения Сибири, которые Аллен критикует как неэффективные. Но если путь США был для СССР закрыт, то мог ли он пойти по пути Японии? Япония великолепно решила проблему логистики, построив свои сталелитейные комбинаты на побережье, где они получали необходимое сырье прямо с кораблей. Но где смог бы построить такие комбинаты СССР? Ещё в первой половине XIX в. самые первые исследователи экономической географии России отмечали одну из её главных проблем — плохую обеспеченность страны водными коммуникациями, препятствующую её вовлеченности в мировую торговлю [Гловели, 2009. С. 20].

Если размышлять над этой проблемой дальше, то получается, что речь шла не только и не столько о соревновании капитализма и социализма или СССР и США. Речь шла о соревновании мира морской торговли и железнодорожной транспортной сети Северной Евразии. Соревнование явно было неравным, поскольку морские перевозки существенно дешевле железнодорожных, а мир значительно больше, чем Северная Евразия.

В конечном итоге, если вспомнить о старой дилемме «жокей или лошадь», Аллен склонен всю вину возлагать на жокея. Лошадь же, как он считает, была не так уж и плоха. Однако, даже если согласиться с такой оценкой, всё равно неизбежно возникают следующие вопросы. Почему именно такие решения принимал «жокей»? И более того, мог ли «жокей» принимать какие-то другие решения? Но это уже ставит вопросы о природе и характере власти в СССР, от анализа которых Аллен воздержался.

Постиндустриализм

Ревизионисты полагают, что СССР обладал мощной экономикой, чья эффективность снижалась из-за ряда проблем. Но что, если именно мощь и масштабы такой экономики были её главной проблемой? Такое возможно, если экономика устарела структурно. С точки зрения структуры экономики главным трендом второй половины прошлого

века принято считать переход к постиндустриальному обществу. И вполне закономерно, что некоторые исследователи захотели посмотреть на проблемы советской экономики с точки зрения перехода к постиндустриальному (информационному) обществу.

Картина, которую рисует нам такой подход, довольно безрадостна. Примером могут служить взгляды Стивена Коткина². По его мнению, советская экономика в период позднего СССР представляла собой «самую большую в мировой истории свалку устаревшего оборудования» [Коткин, 2018. С. 26]. Если это верно, то самой большой проблемой советской экономики было то, как эту свалку утилизировать. Проблема эта не решена по сей день, так как промышленность в Российской Федерации не исчезла полностью. Так что агония советской экономики всё ещё продолжается.

Проблемы СССР не были уникальными. Аналогичные процессы, по мнению Коткина, происходили и в других развитых странах. В 1970-е гг. эпоха индустриальной экономики, построенной в середине прошлого века, исчерпала себя. Толчком стал нефтяной кризис 1973 г., но ещё до этого промышленные гиганты потеряли большую часть своей конкурентоспособности. «Но для тех из них, кто с грехом пополам свои проблемы решал, нефтяной кризис означал час расплаты» [Коткин, 2018. С. 20].

Экономические и социальные потери от нефтяного шока были катастрофичными, но они позволили, во-первых, перейти к более энергоэффективной экономике и, во-вторых, сопровождались переходом к гибкому автоматизированному производству, значительно повысившему производительность труда.

Советский Союз счастливо (как казалось) избежал всего этого комплекса проблем, поскольку воспользовался своим выгодным положением экспортера нефти (а также оружия, продаваемого другим экспортерам нефти). Но в действительности он просто отложил их на более позднее время и обрек себя тем самым на ещё более жестокую катастрофу. Структура советской экономики, построенной как совокупность сверхгигантских индустриальных комплексов, усугубляла её ещё сильнее. Несмотря на предпринятые попытки компьютеризировать производство за счёт импортных технологий, «советские заводы и фабрики оказались не способны к адаптации новых технологий, особенно информационных систем» [Коткин, 2018. С. 69]. Но хуже всего было отсутствие институтов, необходимых для функционирования рынка (в России, по мнению Коткина, они так и не появились до сих пор) [Коткин, 2018. С. 27].

При этом Коткин не считает, что СССР имел какую-то возможность совершить постиндустриальный переход вслед за развитыми странами. По его мнению, единственная реалистичная альтернатива была в том, чтобы пойти по консервативному пути и смириться с экономическими потерями, сохраняя политическую стабильность, отказавшись от непосильных геополитических амбиций и проводя постепенные рыночные реформы. Что же касается рыночных реформ, то они, может быть, могли бы улучшить положение, но фактически переход к рыночной экономике был невозможен, что показал опыт радикальных экономических реформ в Российской Федерации. По мнению Коткина, рыночные реформы в ней так и не были проведены, а остались не более чем иллюзией [Коткин, 2018. С. 130]. Более того, они просто не могли быть проведены в реальных условиях позднего СССР с его беспринципной и бесконтрольной бюрократией.

С другой стороны, СССР был «всеобъемлющим экспериментом по созданию некапиталистического современного общества»³, а также «странной реинкарнацией царской

² Стивен Коткин, профессор истории и международных отношений Принстонского университета, автор нескольких книг о Сталине и сталинском СССР, а также рассказывающей о распаде СССР книги «Предотвращенный Армагеддон». Ученик Мартина Малиа.

³ Тут Коткин следует взглядам своего учителя М. Малиа. В то же время он считает нужным подчеркнуть свои расхождения с обеими школами старой советологии, утверждая, что СССР не был ни «железной диктатурой в изолированном и живущем по своим правилам мире, ни малоинтересной разновидностью западной системы, неуклонно стремящейся к слиянию с ней» [Коткин, 2018. С. 7].

империи» [Коткин, 2018. С. 15]. По этой причине СССР оказался втянут в холодную войну с Западом, которую он был обречён проиграть, независимо от своих достоинств и дефектов. «Представьте себе геополитическое соревнование, в ходе которого одна сторона говорит: «Я возьму Западную Германию и Францию, а ты — Восточную Германию и Румынию; мне достанется Британия и Италия, а тебе — Болгария и Венгрия; мне Япония и Саудовская Аравия, а ты бери Кубу и Анголу». Победитель предсказуем» [Коткин, 2018. С. 32]. Соревнование с капитализмом было невозможно выиграть, но обещание победы над ним было составной частью легитимации режима.

На всё это наложились нереалистичные представления М.С. Горбачёва и нового поколения советской элиты, которые Коткин называет «социалистическим идеализмом» и «романтизмом». Поэтому вместо консервативной стратегии был избран путь попытки реформ, которые должны были реализовать некий нераскрытый потенциал социализма. Эти реформы и стали причиной гибели СССР.

В работе Коткина, на мой взгляд, интерес представляет в первую очередь попытка поместить СССР в контекст мировых социально-экономических процессов. В остальном взгляды Коткина можно считать новой вариацией старого тезиса о неререформируемости советской системы (которая сумела пережить даже гибель своего государства). В версии Коткина он выглядит более убедительным, но лишь на первый взгляд. Как понимает и сам Коткин, бывшим советским директорам достались в основном не реальные богатства, а лишь свалка, годная для индустриального каннибализма. А вот те части экономики, которые продолжали работать, очень быстро оказались в руках других людей, не связанных со старым менеджментом. И если реформаторы уступили перед силой коррумпированной бюрократии в вопросе о последовательности рыночных реформ, то они почему-то были успешны в более важной борьбе за самые перспективные куски советской экономики. Так ли бессильны перед советской бюрократией были они на самом деле, или же их сила была просто направлена на другие цели?

Другим слабым местом, общим у Коткина, Аллена и других авторов, придерживавшихся структуралистского подхода к анализу советской экономики, остается вопрос о критериях «правильности». Кого бы исследователи не рассматривали в качестве нормы: экономики США, Японии, других развитых или развивающихся стран, мировая экономика в целом или даже просто некие идеальные модели, построенные в их головах, неизбежен вопрос: почему советская экономика должна была соответствовать этой норме. Логичнее предположить, что, будучи уникальной по своим условиям существования, экономика СССР должна была и по своим структурным пропорциям оставаться уникальной. И поэтому непонятно, почему Коткин предлагает в качестве универсального образца постиндустриального перехода американскую модель. Понятно, что СССР не мог совершить постиндустриального перехода по американской модели, но значит ли это, что был невозможен некий иной постиндустриальный переход и/или переходы, и, смотря на структуру современной экономики Российской Федерации, где всё большую роль играют услуги, можно утверждать даже, что этот переход произошёл. Но само по себе это говорит скорее в пользу предположения, что не этот переход был главной проблемой позднего СССР, а настоящей проблемой была интеграция в мировую экономику и требующаяся для этого перестройка структуры экономики.

Важный составной элемент постиндустриальной модернизации — создание инновационной экономики. Можно ли было добиться инновационного развития экономики в позднем СССР? Это один из вопросов, на которые попытался ответить Лорен Грэхэм⁴ в своей книге «Сможет ли Россия конкурировать?». Как и большинство других упомяну-

⁴ Лорен Грэхэм, профессор Массачусетского технологического института. По образованию химик, стажировался по обмену в МГУ, после стал писать статьи и книги о советской науке.

тых здесь авторов, его интересуют более широкие временные рамки, чем позднесоветский период. В данном случае он начинает своё исследование с первой половины XIX в., и в той области, которую он изучает (культурная и институциональная среда в сфере инновационной деятельности), СССР выглядит историческим продолжением Российской империи, унаследовавшим её проблемы и усугубившим их на свой социалистический лад. Ряд тем (его исследование построено по методу case studies), привлечших его внимание, затрагивают интересующий нас период: история авиационной промышленности, изобретение полупроводников, появление ЭВМ и лазеров.

Взгляд Грэхэма на способность СССР и Российской Империи осуществлять инновации достаточно скептичен. Хотя в России XIX–XX вв. было совершено много научных открытий, в том числе имеющих прикладное применение, их за редкими исключениями так и не удалось превратить в успешные инновации. Поскольку вышеуказанная проблема проявила себя ещё в имперскую эпоху, причины её лежали не только в специфических особенностях советской экономической модели (хотя и она вносила свой вклад). Речь идет о комплексе культурных и политических причин. Так, в русской культуре сформировался взгляд на науку как на некое высокое служение, которое должно быть отделено от низменного коммерческого интереса. Поэтому учёные, как правило, не стремились к коммерческому успеху за счёт своих открытий и часто даже не задумывались о каком-то их практическом применении. Всё это сочетается с негативным образом предпринимателя в общественном сознании [Грэхэм, 2014. С. 148–150]. Видимо, этот тезис можно считать главной идеей автора, на что намекает и английское название книги, которое можно перевести как «Одинокие идеи».

Но кроме этой проблемы были и другие, институционального свойства. Так, инновациям препятствует авторитарный политический режим. Далее автор приводит ряд примеров, когда крупные учёные и изобретатели пострадали из-за подозрений в неблагонадёжности или же неправильного происхождения. Как считает Грэхэм, «российские правители во все времена были более заинтересованы в развитии технологий, которые способствовали наращиванию военной мощи, производили неизгладимое впечатление на наблюдателей или приносили пользу элите, нежели технологий, направленных на улучшение российской экономики в целом» [Грэхэм, 2014. С. 156]. Здесь с автором трудно согласиться, так как предлагаемое им противопоставление выглядит спорным. Для наращивания военной мощи необходимо экономическое развитие, и, по крайней мере, руководители советской эпохи это прекрасно понимали, в том числе потому, что этот вопрос разъяснялся в штудируемых ими трудах основоположников марксизма.

Автократическое правительство в разные эпохи упорно боролось за контроль над передвижением населения, что ограничивало пространственную и социальную мобильность. Его вмешательство в экономику либо очень сильно ограничивало возможности инновационного предпринимательства, либо вовсе запрещало его (как это было в советскую эпоху). Результатом стало отсутствие условий для инновационного предпринимательства. Если в США изобретатель мог создать самостоятельное предприятие и попытаться довести свою идею до практического воплощения, в России и СССР он полностью зависел от своего руководства, и если оно не хотело воплощать его идею на практике, то она обречена была оставаться «под сукном».

Вместо наиболее приспособленной для инновационного развития западной патентной системы в России использовались экономически неэффективные альтернативные подходы [Грэхэм, 2014. С. 168–170]. В случае с Советским Союзом это было «авторское свидетельство об изобретении», которое ограничивало возможности обогащения за счёт изобретений, поскольку было неотчуждаемым и ограничивало размеры выплаты в случае практического использования. На мой взгляд, самой негативной чертой этой системы было то, что её не признавали в других странах (о чём автор почему-то не упоминает).

нул), другие же её особенности носят неоднозначный характер⁵. Лишь в последние годы наметился прогресс в приближении российской системы к западным стандартам (тот факт, что внедрение «правильной» системы не привело к росту активности изобретателей, ставит выводы автора в данном конкретном случае под сомнение). Свой вклад вносит и ошибочная институциональная система, отделяющая научные исследования от образования.

К сожалению, когда начинаешь рассматривать тот фактический материал, на основании которого Грэхэм делает свои выводы, обнаруживается слишком вольное обращение автора с фактами. Один из рассмотренных им «кейсов» — история авиапромышленности. Разбирая её, он подробно рассказывает, как И.В. Сталин, увлеченный гонкой за авиационными рекордами, вмешивался в разработку перспективных самолетов, требовал реализации бессмысленных проектов, таких как самолет-гигант «Максим Горький». Из-за сталинской политики в СССР так и не появилось коммерчески целесообразных самолётов. Далее следует резкий переход к нынешнему плачевному состоянию гражданского авиастроения в России, причём главной причиной автору видятся приобретенные в сталинский период вредные привычки [Грэхэм, 2014. С. 73]. У имеющего минимальные представления об истории советской авиапромышленности человека неизбежно возникает вопрос: а как же целый ряд коммерчески успешных гражданских самолетов, которые в 1960–1980 гг. продавались в десятки стран мира, в том числе не входившие в советскую зону влияния? Финальный крах гражданской авиапромышленности в бывшем СССР очевиден и не случаен, но он заслуживает более внимательного и менее предвзятого анализа.

Даже с учетом подобных фактических искажений рассуждения Грэхэма выглядят логично. Культурная и институциональная среда в СССР абсолютно не годилась для создания инновационного механизма по типу того, который возник в послевоенный период в США и который с разной степенью успеха потом пытались воспроизводить в других странах. Тот механизм, который сложился в СССР, был реализацией некоторых общемировых тенденций первой половины XX в., которые были ошибочно восприняты как доминирующие. И этот механизм не мог соперничать с американским. Но, учитывая все разобранные Грэхэмом факторы (а также один им пропущенный, но немаловажный — инновационный механизм американского типа требует финансовых вливаний американского масштаба), не был ли советский инновационный механизм наилучшим образом приспособленным к тем условиям, в которых он существовал? Возможен ли был какой-то более выигрышный вариант инновационного механизма? Поскольку все разобранные автором факторы остаются частью нашей социальной реальности, этот вопрос имеет более актуальное значение, чем просто историческое любопытство.

Вопросу нарастающей неспособности СССР преодолеть технологическое отставание в информационных технологиях посвящена первая глава третьего тома исследования Мануэля Кастельса⁶ «Информационная эпоха. Экономика, общество и культура». В ней автор, приведя сначала стандартную аргументацию мейнстримного объяснения провала советской экономики, затем утверждает, что главная проблема СССР была в том, что он упустил начало эпохи информатизации. В качестве аргумента он рассказывает о своём знакомстве с советской электронной промышленностью, в ходе которого он удостоверился

⁵ Оценивать этот характер лучше в рамках более широких споров о влиянии патентного права на инновационное развитие Запада, в частности, на индустриальную революцию. Так, Дж. Мокир в своей книге «Рычаг богатства» называл патентную систему обоюдоострым мечом и утверждал, что она «явно не являлась необходимым фактором» [Мокир, 2014], Р. Аллен в своём исследовании британской промышленной революции показал, что большинство создателей крупных инноваций не смогли или не захотели воспользоваться её институтами [Аллен, 2014].

⁶ Мануэль Кастельс — испанский политик, социолог-постмарксист, в настоящее время министр образования Испании.

в её глубокой технологической отсталости, хотя и отметил высокое качество научного и инженерного персонала. Советский Союз не смог воспроизвести новую технологическую революцию, начатую в западных странах на основании новых информационных технологий [Кастельс, Кисилева, 1999. С. 20]. Далее он анализирует причины отставания: негативное влияние военных, которые оказались слишком консервативными потребителями, разрыв между чистой наукой и практикой, надежды на решение проблем за счёт импорта и переноса технологии, негибкость плановой экономики.

Безусловно, техническая база советской электронной промышленности отставала от западной, но имелись ли в СССР возможности для таких же инвестиций, которые делались в эту отрасль в США? И насколько это отставание сказалось в 1970-е и даже 1980-е гг.? Известно, что СССР довольно активно занимался автоматизацией и роботизацией производства. С разработкой персональных компьютеров СССР запоздал, но такой ли большой вклад они вносили в 1980-е гг. в экономический рост Запада? Наконец, сама история их разработки показывает ловкость и изворотливость советских инженеров, которым удалось их создать на отставшей технологической базе. Как известно, ключевое значение для электронной промышленности имеет разрешающая способность технологии производства транзисторов. По этому показателю СССР всегда отставал на одно-два поколения, что закладывало отставание элементной базы. Это заставляло советских инженеров заниматься в первую очередь поисками возможности создания на отсталой базе продукта с наименьшим возможным отставанием от иностранных образцов, а не работой на опережение. Но корнем проблемы была неспособность СССР обеспечить сопоставимый с мировой электронной промышленностью объем инвестиций в развитие базовых технологий.

Неоинституционализм

Как видно из предыдущего изложения, исследуя экономические проблемы, мы постоянно сталкиваемся с влиянием на них политических институтов. И тут нельзя пройти мимо Дарона Аджемоглу⁷ и Джеймса Робинсона⁸, чьи оригинальные идеи подчеркивают роль политических институтов и элит в развитии и стагнации экономики. Их книга «Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty» (в русскоязычном переводе «Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты») снискала широкую популярность. Возможно, причина в том, что она удобно вписывается и в современный правый, и в современный левый идеологический дискурс. Эта теория может, с одной стороны, обосновывать американскую исключительность, а с другой — дать аргументы в пользу более «инклюзивной» внутренней политики, в том числе необходимости улучшения положения различных меньшинств. Её польза очевидна и с точки зрения внешней политики США, так как обосновывает необходимость распространения либеральной демократии в мире. Возможно, эта идеологическая нагрузка повлияла на некоторую склонность к упрощению, которую можно поставить в упрек этой теории. Но, хотя она и заслуживает критики по многим пунктам, в ней есть рациональное зерно. Оно, как минимум, в том, что имеют значение не только культура и институты, но и элиты.

Аджемоглу и Робинсон делят все страны на две категории: с инклюзивными и экстрактивными политическими институтами. В первых господствует экономическая и политическая свобода, не ограничивающая людей в доступе к ресурсам и возможности экономической деятельности. В них происходит развитие технологий и стабильный долгосрочный экономи-

⁷ Дарон Аджемоглу (Асемоглу) — американский экономист армянского происхождения, профессор Массачусетского технологического института.

⁸ Джеймс Робинсон — британский экономист и политолог, профессор Гарварда.

ческий рост. В странах с экстрактивными политическими институтами у власти находится жадная элита, монополизировавшая власть и экономические возможности, озабоченная тем, чтобы выжать из своих сограждан как можно больше средства, опираясь на инструменты политического господства. В таких странах экономический рост тоже иногда возможен, но редко, и в историческом масштабе недолго. «Экономический рост и процветание приходят вместе с инклюзивными политическими и экономическими институтами, тогда как экстрактивные институты ведут к стагнации и нищете» [Аджемоглу, Робинсон, 2016. С. 209].

Экстрактивные и инклюзивные институты в разных областях склонны поддерживать другие институты того же типа. Поэтому какие-то промежуточные, переходные формы от одного к другому встречаются редко, как и мягкий переход между ними. Чаще всего общества сильно зависят от прошлого, в котором его движение пошло в одну или в другую сторону, причём порой по случайным или малозначительным причинам. Например, инклюзивная система в США начала формироваться из-за отсутствия золота в зоне английской колонизации в Северной Америке. Но если система уже сформировалась, то обычно для перехода требуется уникальное событие, которое авторы называют точкой перелома [Аджемоглу, Робинсон, 2016. С. 239–240]. Это может быть чума, начало колонизации нового континента или революция (хотя в последнем случае часто одна тирания просто меняется на другую).

Не избежали авторы необходимости высказаться об экономической истории Советского Союза. СССР они относят к категории экстрактивных государств, ставя в один ряд с Мексикой или Гаити. С их точки зрения это, был пример того, как экстрактивная система может обеспечить высокие темпы роста, но этот рост не будет стабильным. Причина затухания экономического роста в том, что экстрактивные институты не могут поддерживать непрерывные технологические инновации, которым препятствует не только отсутствие экономических стимулов, но и сопротивление элит [Аджемоглу, Робинсон, 2016. С. 283]. Советская система не могла создать таких стимулов, которые «заставили бы работника мыслить и порождать новые идеи» [Аджемоглу, Робинсон, 2016. С. 292]. Более того, нацеленная на экстрактивный рост система не могла допустить, чтобы люди начали реализовывать свои таланты и выдвигать новые идеи. Здесь мне как исследователю хочется поспорить с авторами, поскольку мое изучение работы советской промышленности показывает, что как раз с задачей мотивировать людей «мыслить и порождать новые идеи» она справлялась хорошо [Ермолов, 2013. С. 291–299], в том числе и за счёт неоднозначного института «авторского свидетельства», который уже обсуждался выше (хотя одного этого недостаточно для эффективного инновационного механизма). Более того, если бы советская элита действительно не хотела, чтобы люди на работе проявляли свои таланты, выдвигая новые идеи, то таких новых идей и не появлялось бы, примером чему может отчасти служить экономика современной России. Нам же источники времен позднего СССР доносят многочисленные жалобы на то, что перспективные идеи работников не реализуются из-за равнодушия бюрократии. Сейчас таких жалоб мы не встречаем, потому что никаких идей работниками не предлагается.

Понятно, что любая теория, делящая государства на два типа, заслуживает уже только за это изрядную порцию критики⁹. Хуже того, если для инклюзивного государства в качестве модели были выбраны США, то модельным экстрактивным государством оказалась Мексика. Из-за этого получившаяся модель подходит в первую очередь для латиноамериканских и африканских стран (а также для некоторых стран, возникших в результате распада СССР). Но уже азиатские страны с их «диктатурами развития» помещаются в эту бинарную модель с трудом, и авторам приходится постоянно делать оговорки. А в случае с социалистическими странами возникает ещё больше вопросов. В частности, почему социалистические режимы постоянно и очень сильно ограничивали своей элите возмож-

⁹ Более подробная критика идей Аджемоглу: [Арсланов, 2016].

ности самообогащения (ради которого, по теории Аджемоглу и Робинсона, эти режимы и должны существовать), почему они проводили политику, расширяющую для не входящих в элиту людей доступ к образованию и карьере? Идея поставить СССР в один ряд с диктаторскими режимами стран третьего мира не может быть продуктивной, так как слишком противоречит фактам.

Другое важное упущение модели Аджемоглу и Робинсона — вопрос о взаимодействии стран двух типов в мировой экономике. Если уж мы говорим о диктаторах Африки и Латинской Америки, то их режимы существуют не сами по себе, и их элиты не просто так накапливают богатства. Более того, они извлекают ресурсы из своего населения «экстрактивными методами» не только и не столько для себя, эти ресурсы и деньги потом уходят из их стран и попадают в мировую экономическую систему. Составной частью благополучия и прогресса «стран с инклюзивными институтами» были и остаются финансовые потоки и потоки ресурсов из «стран с экстрактивными институтами».

Элитологический подход

В нашей работе мы постоянно сталкиваемся с бюрократией, правящим слоем, властью, элитой. И, возможно, ответы на наши вопросы нам может дать изучение истории советской элиты. На помощь нам тут приходит несколько авторов, которые очень по-разному описывают это явление, но всё же в этих описаниях есть общие черты. Все они считают процессы, происходившие в советской элите, ключевыми для понимания истории Советского Союза. И их взгляды основаны на тщательном изучении советских архивных документов. И если мы примем эти взгляды, то получается, что сам дискурс об экономических реформах меняет смысл, потому что их судьба зависела не от потенциального позитивного воздействия на экономику, общество, государство, а от динамики взаимодействия элитных слоев и группировок.

Насколько связаны советские элиты и нелёгкая судьба социалистической экономики? Не выходит ли тут изложение за рамки темы? Я считаю, связь очень сильна. В качестве примера приведу проблему взаимоотношений между местными региональными элитами и промышленными предприятиями. Не секрет, что во многом местная власть пользовалась ресурсами предприятий для решения каких-то своих задач, от улучшения социального положения в регионе до повышения личного комфорта. Фактически в СССР действовал неформализованный натуральный налог с промышленных предприятий в пользу местной элиты. За счёт этого налога создавалась социальная инфраструктура, но и загородные резиденции секретарей обкомов возводились из тех же кирпичей и досок. Этот налог собирался в виде рабочей силы, стройматериалов, автомобильных перевозок, бензина и т.д., и не учитывался централизованным планированием и распределительной системой (что само по себе ставит под сомнение возможность существования плановой экономики в СССР). Это лишь один из факторов, показывающих, насколько состояние экономики зависело от баланса сил внутри элиты.

Книга Арча Гетти¹⁰ «Практика сталинизма: большевики, бояре и неумирающая традиция» отличается несколько эпатажным стилем изложения. Уже название намекает нам, что автор будет искать корни советской системы очень глубоко. С его точки зрения, эту систему можно кратко описать так: «клан царя или верховного руководителя главенствовал над сетью подчиненных кланов, которые сообща правили страной, опираясь на личные связи и верность, а не на закон» [Гетти, 2016. С. 276]. Это началось ещё с киевских князей

¹⁰ Джон Арчибалд Гетти III — американский историк, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе, изучал историю Большого террора, относит себя к историкам-ревизионистам.

и продолжается после распада СССР, когда «Ельцин, подобно настоящему московскому князю, действительно собрал вокруг себя родственников и свойственников. Так Россией всегда и управляли» [Гетти, 2016. С. 277]. Впрочем, не только Россией. «Политические кланы, слабость институтов, персонализированная политика доминируют почти всюду». Современное общество существует лишь в немногих странах «по обе стороны Ла-Манша» и там, где оно оттуда было пересажено [Гетти, 2016. С. 300]. Таким образом, Гетти, с одной стороны, рассматривает СССР как продолжение политических традиций исторической России, а с другой — помещает его в ряд государств со слабыми институтами, как это делают упомянутые выше неоинституционалисты.

Гетти называет такую систему патримониальной, ссылаясь на Макса Вебера, хотя его модель патримониального государства от модели Вебера принципиально отличается. Веберовское патримониальное государство — это государство, превращенное в персональную собственность правителя и управляемое как персональная собственность (за образец модели были явно взяты княжества Священной Римской Империи). По Гетти же правит не правитель, а кланы, то есть государство тут превращается в коллективную добычу. Кроме того, Гетти считает, что на самом деле нет противоречия между тенденцией к «рационализации» государства и сохранением патримониальной системы власти (то есть власти элитных кланов) [Гетти, 2016. С. 281]. Поэтому клиентеллизм и патримониальность вовсе не обречены на историческую гибель, и даже укрепление институтов их не остановит.

Конечно, радикализм формулировок Гетти кажется слишком экстравагантным. Он сам в заключении делает оговорки, что не считает, что общество в России в разные периоды её истории не менялось, и признает, что Российская империя, СССР и Российская Федерация имели разную идеологию, социальную структуру и экономику. Но эта оговорка не снимает другие вопросы, мимо которых он прошёл. Прежде всего, почему элита, опираясь на похожие институты, в разные исторические периоды вела себя по-разному, в том числе по-разному влияла на экономическое развитие? Допустим, подмеченные Гетти черты сходства между «путинской» и «сталинской» элитой действительно имеют место, но почему путинские чиновники и олигархи ведут себя по отношению к стране и экономике не так, как сталинские наркомы? И почему те же сталинские наркомы действовали в 1940-е гг. не так, как в 1970-е?

Другое интересное исследование о советской элите — книга Дж. Истера¹¹ «Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификации элиты в Советской России» тоже исследует элиту раннего советского периода, но содержит выводы, ориентированные на более широкий контекст. Изучая поведение ранней советской элиты, Истер пришёл к выводу, что решающее значение для неё имела система личных связей, благодаря которой в распоряжение её членов поступали «неформальные ресурсы власти» [Истер, 2010. С. 194]. Наличие этих ресурсов было необходимо, чтобы поддерживать власть в условиях слабости государственного аппарата. Поскольку советское государство в первую половину своей жизни было слабым, то такого рода неформальные ресурсы и сети были жизненно важны для его существования. Неформальные связи и личная взаимопомощь оказали положительное влияние на способность советского государства к территориальному управлению.

Но и после того как государственные институты укрепились, эта система продолжила существовать в новых условиях, но роль её недооценивалась исследователями. «Из-за существовавшего у страноведов представления, что сила государства либо в официальных органах сверху, либо в социальных силах снизу, они не видели основных ограничений на власть, созданных переплетением неформальных систем личных взаимоотношений

¹¹ Джеральд Истер — доцент факультета политологии Бостонского колледжа.

с официальными организационными структурами» [Истер, 2010. С. 200]. Это, по мнению Истера, заставляет задуматься о правильности современных представлений о государственном строительстве, которые противопоставляют укрепление официальных институтов и силу неформальных сетей. Он также обращает внимание на то, что сети личных связей были характерной чертой управления многих государств на этапе их становления, в том числе Израиля и Китайской Народной Республики.

Впрочем, у элитных групп в раннем и позднем СССР помимо сходных черт было и существенное отличие. В ранний период элитные сети были ориентированы во вне, то есть тянулись за пределы органов, структур и территорий, связывая их друг с другом. В позднем СССР группы были ориентированы вовнутрь, то есть представляли собой замкнутые в своём ведомстве или регионе кланы. Как считает Истер, это стало одной из важнейших предпосылок развала СССР. При Сталине сформировалось две альтернативы дальнейшего развития советской системы, соединявшей деспотическую верховную власть и неформальные сети этажом ниже. Либо протокорпоративный режим с упорядоченной и контролируемой властью наверху и персонифицированной и бесконтрольной «инфраструктурной властью» внизу, либо бюрократический абсолютистский режим с контролируемой и рационализируемой «инфраструктурной властью» и бесконтрольной персонифицированной верховной властью [Истер, 2010. С. 196–197]. Первоначально в конфликте победила вторая альтернатива. Но эта победа не стала окончательной. После отставки Хрущёва наоборот, первая альтернатива возобладала над второй. Наконец, реформы Горбачёва стали борьбой против этой первой альтернативы, и эта борьба привела советскую систему к гибели. Так же, как и Гетти, Истер считает, что система личных связей успешно пережила развал и демонтаж официальных структур и успешно обосновалась в современной России.

Особое внимание сторонники элитологического подхода уделяют репрессиям (и, шире, политической борьбе, в том числе подковёрной) против элиты в сталинский период. Для Истера это была схватка между двумя альтернативными моделями патримониальной системы. Региональные руководители не смогли вовремя устранить Сталина, а вот центральная власть, напротив, сумела многое сделать, чтобы лишить их неформальных ресурсов. Но после победы она не отказалась от прежних практик полностью, а лишь сделала местные сети более зависимыми от центральной власти.

Как считает Дж. Хоскинг, сталинский террор был направлен против кланов и «посреднических сетей», но «система зависела от них, поэтому в конечном счёте он был обречен на неудачу... однако сначала причинил огромные страдания и уничтожил множество отдельных людей, но не систему» [Hosking, 2000. P. 317–318].

В ещё одном исследовании о советской элите, книге Эвана Модсли¹² и Стивена Уайта¹³ «Советская элита от Ленина до Горбачёва», авторы утверждают, что первое поколение советской элиты к середине 1930-х фактически стало несменяемым, и без каких-либо экстренных жестких мер могло бы оставаться несменяемым ещё десятилетия. Фактически сменить её можно было только путем физического уничтожения [Модсли, Уайт, 2011. С. 381]. С помощью Большого террора Сталин смог этого добиться, но не создал механизмов, которые обеспечили бы смену поколений элиты. Фактически произошла просто замена одной элиты на другую. Новая элита постепенно стала такой же сплоченной и несменяемой, как и предыдущая. Чтобы ввести в элиту новых людей, нужно было расширять число привилегированных должностей. Экономические проблемы и стагнация в технологическом развитии были результатом этого кадрового застоя. «В период с 1960–1980-х гг. интересы элиты возобладали, и вся система в известной степени была нацелена на их

¹² Эван Модсли, британский историк, преподавал в Университете Глазго в Шотландии. Изучает историю СССР и Второй Мировой войны.

¹³ Стивен Уайт — профессор политологии университета Глазго. Автор книги о внешней политике России.

удовлетворение» [Модсли, Уайт, 2011. С. 389]. Здесь выводы авторов совпадают с неинституциональным взглядом.

В конечном итоге Горбачёв попытался преодолеть кадровый застой и всевластие элиты. Он устранил многих представителей старой элиты, но не смог сформировать новую элиту из людей, рожденных после 1940 г., что предопределило результаты его правления. Возможно, более быстрое выдвижение представителей третьего и четвертого поколения советской элиты придало бы системе большую адаптивность и позволило ей выжить, но этого не случилось. Вместо этого борьба между Горбачевым и элитой привела к краху системы. Модсли и Уайт оставляют открытым вопрос, в какой степени новая элита России была преемственной по отношению к советской. Они указывают на то, что многие элитариеты советской эпохи заняли в 1990-е важные позиции в политической системе Российской Федерации, а также на «комсомольскую экономику», из которой выросли российские олигархи¹⁴. Но всё же авторы склонны говорить не о полной преемственности, а о частичной смене элит [Модсли, Уайт, 2011. С. 407]. Коммунистическую элиту убедили поделить власть под давлением народа, но в посткоммунистической России вопрос стоит не только о власти, но и о сохранении собственности и безопасности от наказания за совершенные преступления. Поэтому маловероятно, что элиты будут уступать позиции под давлением демократического избирательного процесса.

Как и большинство других направлений, элитологическое считает советскую систему не поддающейся реформированию. Но на фоне всех остальных её выводы наиболее печальны. Ведь согласно этим теориям, главный фактор, сделавший СССР неререформируемым и погубивший его, пережил его гибель и по-прежнему влияет на нашу жизнь. Не придется ли следующему поколению историков писать о неререформируемости Российской Федерации?

Выводы

Что можно сказать в заключение этого обзора, кроме стандартной фразы о том, что тема нуждается в дальнейшем исследовании? Очевидно, что надо смотреть и глубже, и шире. Надо продолжать изучать оставшиеся от эпохи источники. И одновременно необходимо смотреть на проблемы СССР не только как на экономические, но и как на социальные и политические. И особенно полезным, мне кажется, будет обратить внимание на элиту. Надо признать, что имеют право на жизнь не только принципы «культура имеет значение» и «институты имеют значение», но и «элита имеет значение». И не всегда это значение положительное.

После распада СССР прошло 30 лет, но единства мнений о его причинах нет. Хотя, казалось бы, если не брать в расчёт бывший СССР, проблему изучает не так уж много людей. Конечно, все согласны с тем, что какую-то роль в нем сыграли экономические трудности. Но как оценить эту роль по силе влияния? Какие именно это были трудности? В чем были корни этих трудностей? Что препятствовало реформированию системы? В ответах на этот вопрос нет единства. Каждый видит какие-то свои важные факторы, но не видит другие. Какую-то роль в оценках, конечно, неизбежно играет идеология, какую-то ещё — внутренняя жизнь научного сообщества, противостояние разных его направлений, но значительно важнее, как мне представляется, является предыдущая исследовательская деятельность; то, какие вопросы человек изучал до того, как счёл необходимым выска-

¹⁴ Мне представляется, что рассмотрение тезиса о преемственности советской и постсоветской элиты требует ответить на вопрос: почему олигархическая элита вышла из комсомола, а не, скажем, из аппарата ЦК, Совмина, Госплана?

заться по разбираемой здесь проблеме. В том числе могут иметь значение даже темы, не связанные непосредственно с поздним СССР или вообще Россией (как история сталелитейной промышленности повлияла на Р. Аллена). А поскольку у каждого свой уникальный багаж, то и объяснения выдвигаются свои. Кроме того, разные авторы склонны помещать СССР в разный контекст, и этот контекст формирует различные представления о нем. Так, для одних СССР — это в первую очередь социалистическое государство (что может быть хорошо или плохо), для других — урбанизированная страна с индустриальной экономикой, для третьих — продолжение исторической России. СССР предстал перед нами то как одна из восточноевропейских империй, то как ещё одна диктатура в ряду грабительских диктаторских режимов, то как государство на этапе становления в ряду других новых государств, преимущественно постколониальных.

Изучаемое явление оказалось слишком сложным, многосторонним, и для его понимания недостаточно какой-то одной идеи, подхода, модели. Такое понимание может дать только сложный комплексный подход, который будет учитывать и сильные стороны упомянутых выше подходов, и какие-либо другие новые взгляды. И пока такого подхода нет, то наблюдаемое многообразие взглядов может считаться скорее позитивным. И, если такого подхода нет сейчас, то тем более его не могло быть 40, 35, 30 лет назад, когда созрели идеи экономических реформ, предлагавших простые решения проблем, которые и сегодня не вполне ясны. Мы не можем пока сказать, что у нас есть правильный диагноз, но мы можем сказать, что правильного диагноза не было тогда.

Впрочем, история позднего СССР не единственный пример многообразия взглядов и подходов. В конце концов, гибель Римской империи обсуждают и более интенсивно, и куда дольше. В результате этого изучения в 1984 г. немецкий историк А. Демандт установил, что мировым интеллектуальным сообществом было предложено 210 объяснений падения Рима [Demandt, 1984]. Он расставил их в алфавитном порядке, начиная с абсолютизма и заканчивая эскапизмом. С тех пор список продолжал пополняться. Многие из них вполне подходят для Советского Союза. Скажем, аргументы в пользу вины абсолютизма очень похожи на рассуждения сторонников «тоталитарной школы». Эскапизмом, кажется, никто всерьёз не занимался, но у этого направления тоже есть большие перспективы: в позднем СССР явление это было чрезвычайно распространено. Догонит ли СССР Римскую империю?

ЛИТЕРАТУРА

- Аджемоглу Д., Робинсон Д. (2016). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.
- Аллен Р.С. (2013). От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН.
- Аллен Р.С. (2014). Британская промышленная революция в глобальной картине мира. М.: Изд-во института Гайдара.
- Арсланов В.В. (2016). География, институты и история глобального неравенства: критика концепции экономического развития Аджемоглу и Робинсона. М.: Институт экономики РАН.
- Гетти А. (2016). Практика сталинизма: большевики, бояре и неумирающая традиция. М.: РОССПЭН.
- Гловели Г.Д. (2009). Геополитическая экономия в России: от дискуссии о самобытности к глобальным моделям (XIX в. – первая треть XX в.). СПб.: Алетейя.
- Грэхэм Л. (2014). Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М.: Издательство «Манн, Иванов и Фарбер».
- Ермолов А.Ю. (2013). Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. СПб.: Алетейя.
- Запарий В.В. (2007). Черная металлургия Урала в 70-е гг. XX века. Екатеринбург: Изд-во УМЦ-УПИ.
- Истер Дж. М. (2010). Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М.: РОССПЭН.

- Кастельс М., Кисилева Э. (1999). Кризис постиндустриального этатизма и коллапс Советского Союза // Мир России. №3. С. 3–56.
- Коткин С. (2018). Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000. М.: Новое литературное обозрение.
- Модсли Э., Уайт С. (2011). Советская элита от Ленина до Горбачёва. Центральный комитет и его члены. 1917–1991. М.: РОССПЭН.
- Мокир Дж. (2014). Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. М.: Изд-во института Гайдара.
- Ореховский П.А. (2019). Структуры когнитивности и российские реформы. М.: Институт экономики РАН.
- Асемоглу Д.; Робинсон Дж. (2012). Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York: Crown Business.
- Allen R.C. (1979). International competition in Iron and Steel, 1850–1913 // Journal of Economic History. Vol. 39. Pp. 911–937.
- Berliner J.S. (1976). The Innovation Decisions in Soviet Industry. Cambridge; Mass.: The MIT Press.
- Castells M. (1998). The End of the Millennium. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III. Cambridge. MA; Oxford, UK: Blackwell.
- Easterly W., Fischer S. (1995). The Soviet Economic Decline // World Bank Economic Review. Vol. 9. Pp. 341–371.
- Ellman M. (2004). Soviet Industrialization: A Remarkable Success? // Slavic Review. Vol. 63. No. 4. Pp. 841–849.
- Graham L. (2013). Lonely Ideas: Can Russia Compete? Cambridge, London: The MIT Press.
- Harrison M. (1993). Soviet economic growth since 1928: The alternative statistics of G. I. Khanin // Europe-Asia Studies. Vol. 45. No. 1. Pp. 141–167.
- Hosking G. (2000). Patronage and the Russian State // Slavonic and East European Review. Vol. 78. No. 2. Pp. 301–320.
- Jensen M., Meckling W. (1976). Theory of the Firm. Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // Journal of Financial Economics. Vol. 3. No. 4. Pp. 305–360.
- Weitzman M. L. (1970). Soviet Postwar Economic Growth and Capital-Labor Substitution // American Economic Review. No 5 (60).

Ермолов Арсений Юрьевич

fhctybq@mail.ru

Arseniy Ermolov

*Ph.D. (History), Senior Researcher at the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
fhctybq@mail.ru*

THE VIEWS OF MODERN FOREIGN SCIENTISTS ON THE ECONOMIC PROBLEMS OF THE LATE USSR

Abstract. In this report, the author describes the views of modern foreign historians, economists and political scientists on the economic problems of the late USSR. It is believed that the reaction to these problems led to economic and political reforms that eventually formed the Russian Federation as it is now. But was the diagnosis made correctly? Modern foreign researchers have proposed a number of their own interpretations of the economic problems of the late USSR, which in some ways overlap and in some ways contradict each other. Everyone sees some important factors, but ignores others. These differences are determined by previous research activities and previously formed views. Since these views and experiences differ, a unified position on such a complex issue becomes impossible. Nevertheless, each position can have useful ideas, or at least some reasons to think again about the need for additional study of seemingly long-established facts. For example, what were the actual reasons for the decline in aggregate factor productivity? An example of a useful idea that needs to be developed further is the need to study the processes that took place in the elite. We must admit that the elite is important for the development of the economy. Studying the views of foreign authors helps identify “cognitive structures” that create explanations for past events, and “blind spots”, that is, those obvious phenomena or processes that are perceived as nonexistent. Such blind spots are unavoidable for both Russian and foreign authors, and a comparison of views gives a chance to see them in both. The second part of the article examines new concepts that offer approaches that differ from those that prevailed during the Cold war era.

Keywords: *Economic history of the USSR, collapse of the USSR, planned economy, socialism, market reforms, institutions, elites, bureaucracy.*

JEL: P2, P20, P21, P27, P3.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J.A.* (2012). *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York: Crown Business. (In Russian).
- Acemoglu D., Robinson J.A.* (2016). *Why Some Countries Are Rich and Others Are Poor. The Origin of Power, Prosperity and Poverty*. M.: AST (In Russian).
- Allen R.C.* (1979). *International Competition in Iron and Steel, 1850–1913 // Journal of Economic History*. Vol. 39. Pp. 911–937.
- Allen R.C.* (2013). *Farm to Factory: A Reinterpretation of Soviet Industrial Revolution*. M.: ROSSPEN. (In Russian)
- Allen R.C.* (2014). *British Industrial Revolution in the Global Picture of the World*. M.: Izd-vo instituta Gajdara. (In Russian).
- Arslanov V.V.* (2016). *Geography, institutions and history of global inequality: a critique of the concept of economic development of Acemoglu and Robinson*. Scientific report, preprint. M.: Institute of Economics. (In Russian).
- Berliner J.S.* (1976). *The Innovation Decisions in Soviet Industry*. Cambridge; Mass.: The MIT Press.
- Castells M.* (1998). *The End of the Millennium, The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. III. Cambridge; MA; Oxford, UK: Blackwell.
- Castells M., Kisileva E.* (1999). *The crisis of post-industrial statism and the collapse of the Soviet Union // Mir Rossii*. №3. Pp. 3–56. (In Russian).
- Easter G.M.* (2010). *Soviet State Construction. Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia*. M.: ROSSPEN. (In Russian).
- Easterly W. Fischer S.* (1995). *The Soviet Economic Decline // World Bank Economic Review*. Vol. 9. Pp. 341–371.
- Ellman M.* (2004). *Soviet Industrialization: A Remarkable Success? // Slavic Review*. Vol. 63, No. 4. Pp. 841–849.
- Ermolov A. Ju.* (2013). *State Management of the Military Industry in the 1940s: the Tank Industry*. Sankt-Peterburg: Aletejya. (In Russian).
- Getty J. A.* (2016). *Practicing Stalinism: Bolsheviki, Boyars, and the Persistence of Tradition*. M.: ROSSPEN. (In Russian).
- Glovely G.* (2009). *Geopolitical economy in Russia: from the discussion of identity to global models (XIX-the first third of the XX century)*. Sankt-Peterburg: Aletejya. (In Russian).
- Graham L.* (2013). *Lonely Ideas: Can Russia Compete?* Cambridge: London: The MIT Press.
- Graham L.* (2014). *Can Russia Compete? History of Innovation in Tsarist, Soviet, and Modern Russia*. M.: Izdatelstvo «Mann, Ivanov i Ferber». (In Russian).
- Harrison M.* (1993). *Soviet economic growth since 1928: The alternative statistics of G. I. Khanin // Europe-Asia Studies*. Vol. 45. No. 1. Pp. 141–167.
- Hosking G.* (2000). *Patronage and the Russian State // Slavonic and East European Review*. Vol. 78. No. 2. Pp. 301–320.
- Jensen M., Meckling W.* (1976). *Theory of the Firm. Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // Journal of Financial Economics*. Vol. 3. No. 4. Pp. 305–360.
- Kotkin S.* (2018). *Armageddon averted. The Soviet Collapse, 1970–2000*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Mawdsley E., White S.* (2011). *The Soviet Elite from Lenin to Gorbachev: The Central Committee and its Members. 1917–1991*. M.: ROSSPEN. (In Russian).
- Mokyr J.* (2014). *Wealth Lever. Technological Creativity and Economic Progress*. M.: Izd-vo instituta Gajdara. (In Russian).
- Orekhovskiy P.A.* (2019). *Cognitive structures and Russian reforms*. Scientific report, preprint. M.: Institute of Economics. (In Russian).
- Weitzman M. L.* (1970). *Soviet Postwar Economic Growth and Capital-Labor Substitution // American Economic Review*. No. 5 (60).
- Zaparij V.V.* (2007). *Ferrous Metallurgy of the Urals in the 1970s*. Ekaterinburg: Izd-vo UMC-UPI (In Russian).

М.А. Фельдман

д.и.н., профессор, Уральский институт — филиал Российской Академии народного хозяйства при Президенте РФ (Екатеринбург)

«ПРЕДВОСХИТИВШИЕ РАБОТУ, ВЫПОЛНЕННУЮ ЗАПАДНЫМИ ЭКОНОМИСТАМИ», ИЛИ ФЕНОМЕН ЖУРНАЛА «ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО»

Аннотация. Важнейшим фактором, способствовавшим развитию советских экономических исследований в 1920-е гг., был высокий уровень статистики и возможности для научных дискуссий и публикаций. Внимание работников редакции журнала «Плановое хозяйство» было обращено к детальному анализу вариантов Плана первой пятилетки. Авторы статей журнала «Плановое хозяйство», в период до апрельского пленума ЦК 1929 г., смогли донести до корпуса управленцев и хозяйственников основные идеи экономической науки и внести их, даже в условиях острой борьбы двух ведомств — Госплана и ВСНХ, — в итоговый (оптимальный) вариант Плана первой пятилетки.

Ключевые слова: *Первая пятилетка, пятилетний план, индустриализация, экономисты, журнал.*
JEL: N60, N70, N90, O25.
DOI: 10.24411/2587-7666-2021-10109.

Издаваемый с 1923 г. журнал Госплана СССР «Плановое хозяйство» с первых своих выпусков объединил ведущих учёных страны. Во многом этому способствовали имена ответственных редакторов: в 1924 г. — В.А. Базарова — заместителя, председателя секции труда и культуры, члена президиума Госплана; а с 1925 г. — Г.М. Кржижановского. Анализ выступлений главы Госплана и ответственного редактора журнала «Плановое хозяйство» Кржижановского на Пленумах ЦК ВКП (б) в апреле 1928 — апреле 1929 гг. свидетельствует и о такой стороне характера одного из первых русских марксистов, как готовность к компромиссу с руководством ВКП(б) ради спасения своего проекта — Первого пятилетнего плана.

Период 1923–1928 гг. был «золотым» для журнала «Плановое хозяйство». Переход к НЭПу ознаменовал новый этап отношений власти и научной интеллигенции. Он позволил экономистам активно включиться в работу по восстановлению народного хозяйства страны. По мнению историка экономики Н.М. Ясного, в период НЭПа, особенно в первой его половине, идеологический контроль над экономической наукой был, по сравнению с последующими периодами советской истории, относительно мягким [Ясный, 2012. С. 717]. Прямые связи с Госпланом позволили авторам журнальных статей не только опираться на богатейшую статистику, но и использовать комментарии специалистов отделов Госплана.

Вот почему среди обширного массива научных изданий (в 1927 г. в СССР насчитывалось 750 социально-экономических журналов, в том числе 400 экономических) [Белых, 1990. С. 10] журнал «Плановое хозяйство» не просто занимал достойное место, но выполнял функции координатора экономических и экономико-математических исследований, обогащая мировую науку новейшими методологическими концепциями [Белых, 1990. С. 26, 36]. Будучи, по сути, теоретическим органом Госплана, коллектив журнала принимал активное

участие в проведении пяти съездов плановых работников, занимавшихся выработкой вариантов Первого пятилетнего плана [Фельдман, 2020]. В указанные годы очевидно и воздействие экономической науки, в том числе и публикаций журнала «Плановое хозяйство», на мировоззрение части большевистской элиты, на региональные Советы народного хозяйства.

В журнале «Плановое хозяйство» активно сотрудничали многие работники Конъюнктурного института при Наркомате финансов. Между тем известно, что годы нэпа этот институт, руководимый Н.Д.Кондратьевым, ежегодно готовил свыше 100 справок и записок по специальным заданиям ЦК ВКП (б), ВЦИК, ИККИ, ЦКК, ВСНХ [Комлев, 1991] и других организаций.

Важнейшим фактором, способствовавшим развитию советских экономических исследований в 1920-е гг., был высокий уровень статистики и возможности для научных дискуссий и публикаций. Огромная роль в формировании редакционной политики принадлежала В.А. Базарову — «возможно, самому разностороннему экономисту своего времени» [Ясный, 2012. С. 42–43]. Он первым начал разрабатывать методологию перспективного планирования. В 1924 г. Базаров опубликовал работу «К методологии перспективного планирования»; ряд разделов книги был опубликован в виде статей в журнале «Плановое хозяйство». Выделим основную его публикацию: «О методологии построения перспективных планов» [Базаров, 1926].

Базаров дал классификацию планов, определил порядок выстраивания перспективных планов. Основной задачей перспективного планирования должно было стать достижение оптимального развития [Базаров, 1926. С. 10]. Реализация этой задачи была связана с тем, что на языке современной науки называется «управление рисками».

Баланс народного хозяйства мог служить основой для годового плана. Необходимость перспективного планирования поставила вопрос о соответствующей методологии. Базаров первым начал разрабатывать методологию перспективного планирования. Он выделил два возможных подхода к планированию — генетический, базирующийся на экстраполяции существующих тенденций, и телеологический, основанный на целевых заданиях. Генетический предполагал использование математики — построение и экстраполяцию кривых, описывающих динамику показателей экономики.

Дальнейшие разработки оптимизационного подхода затруднялись тем, что к тому времени *не было создано формализованного описания экономики и критериев оптимальности*. Интенсивная разработка моделей начиналась с моделирования экономического роста. Основная проблема заключалась в определении источников накопления для обеспечения экономического роста и в выработке стратегии роста [Белых, 1990. С. 61, 64].

Работа над теорией перспективного планирования позволила Базарову одним из первых выдвинуть задачу составления «Генерального плана развития СССР на 15 лет». Для учёного это был не проект создания утопического социалистического общества, а прежде всего «план радикального преодоления нашей отсталости» на основе международного разделения труда [Базаров, 1926. С. 14–15]. Генеральный план должен был исходить из гибкой системы ориентиров, меняющихся в зависимости от изменения обстановки [Базаров, 1926. С. 16].

Базаров указывал на то, что планирование — вид научной деятельности, неподвластный идеологии. Методы планирования немыслимы без использования математических расчётов (вариационного исчисления). Более того, достаточно детализированные планы противоречат экономическим реалиям. По мнению Базарова, в течение ближайших 10–15 лет не следует ждать революций в мире капитализма. В силу этого существует необходимость выстраивания взаимовыгодных связей с западными странами [Базаров, 1926. С. 13, 15]. Он задал определённую научную планку журнальным публикациям, нацелив коллег на устранение диспропорций как отраслевого, так и регионального развития.

Идеи Базарова были восприняты и развиты в статье Н.А.Ковалевского «Методология плана реконструкции» [Ковалевский, 1928], где автор сделал акцент на «реконструкции

всего народного хозяйства на энергетической базе, с оптимальным использованием достижений мировой техники и применения принципа общественного разделения труда между экономическими районами». При этом «мелочные детали и расчёты не только не полезны..., но и вредны» [Ковалевский, 1928. С. 9]. Как видно, в главном Ковалевский поддержал подходы Базарова. Большое внимание в статье уделялось выравниванию уровня развития различных экономических районов. Для обоих учёных не подлежало сомнению, что развитие народного хозяйства будет проходить в рамках «новой экономической политики» и многоукладной экономики.

Важным вкладом в науку стали разрабатывавшиеся Г.А. Фельдманом теория экономического роста [Фельдман, 1928] и аналитический метод построения перспективных планов [Фельдман, 1929]. Согласно этим идеям, централизованно планируемые показатели определялись с учетом прогноза изменений ряда экономических параметров. Хотя отмеченные публикации, по оценке А.А.Белых, и принадлежали к высшим достижениям советской экономической мысли 1920-х гг., но в реальной практике планирования не были использованы, а в начале 1930-х гг. подверглись критике и были надолго забыты [Белых, 2011. С. 71]. Между тем к концу 1930-х гг. применение математики в экономике уже прочно связывалось с традициями западной математической школы.

Так, большую роль в создании теории межотраслевого баланса сыграл В.Г. Громан. Именно по его настоянию было принято решение СТО от 21 июня 1924 г., в соответствии с которым ЦСУ должно было разработать баланс народного хозяйства СССР, реализованный в 1926 г. в форме баланса капиталов, производства и распределения общественного продукта [Белых, 2011. С. 41]. Идеи Громана постоянно развивались и дополнялись его последователями. Например, в 1928 г. в журнале «Плановое хозяйство» была опубликована статья М.И. Баренгольца «Ёмкость промышленного рынка в СССР», в которой наиболее полно были сформулированы принципы межотраслевого баланса [Баренгольц, 1928. С. 41]. А практика межотраслевого баланса была использована при составлении Первого пятилетнего плана.

В 1926–1928 гг. внимание работников редакции журнала «Плановое хозяйство» было обращено к детальному анализу вариантов плана первой пятилетки. Среди многих публикаций выделялась статья Н.А.Кондратьева «Критические заметки о плане развития народного хозяйства» [Кондратьев, 1927]. В ней в концентрированном виде были указаны те потенциальные недостатки советского планирования, которые во многом определяют будущий крах СССР: формально-декларативный характер задач планов; ставка на количественные показатели; абсолютизация отдельных методов хозяйствования (например, балансового метода).

В поле зрения редакционной политики всегда находились социальные разделы пятилетнего плана. Так, статья Н.Е. Горского «Организация жилищного строительства и рабочий бюджет» [Горский, 1927], формально была посвящена проблемам состояния жилищного фонда. Однако ее главное содержание заключалось в указании на мизерность существующих расходов на жилищное строительство и невозможность для большинства рабочих самостоятельно улучшить свой быт. Следует также заметить, что многие статьи в журнале представляли собой краткое изложение монографических трудов авторов, получивших широкую известность. Среди таких статей можно вспомнить работы, отражающие содержание таких монографий, как «Тектология — всеобщая организационная наука» А.А. Богданова (1922), «Хозяйственное положение СССР. (Статистико-экономический очерк)» В.Г. Громана (1924 г.), «Капиталистические циклы и восстановительный процесс в СССР» В.А. Базарова (1927 г.), «Денежная политика Советской власти (1917–1927)» Л.Ю.Юровского (1928).

С весны 1928 г. тема пятилетнего плана становится доминирующей. В диапазоне исследований были представлены региональный и межрегиональный аспекты развития экономики; социальные проблемы вопросы рынка труда, ряд других важных аспектов. Наиболее глубокий анализ работы над вариантами плана содержался в статье Б.А. Гухмана

«К критике построений пятилетнего плана развития промышленности СССР» [Гухман, 1927], где был дан очерк истории создания *десяти предварительных вариантов Первого пятилетнего плана*. Состязательность двух ведомств ВСНХ (Высший Совет Народного хозяйства) и Госплана могла бы принести пользу общему делу, если бы ВСНХ опирался на исключительно научные принципы. Между тем запланированное стремительное повышение производительности труда в вариантах пятилетки ВСНХ предполагалось осуществить при *отсутствии самой программы повышения производительности труда* [Гухман, 1927. С. 126]. В целом вариант пятилетнего плана ВСНХ был основан на огромном росте капиталовложений в новые предприятия без увязки с экономическими показателями и программами обеспечения новостроек всем необходимым [Гухман, 1927. С. 127–128].

Применение теории межотраслевого баланса позволило Гухману выявить серьезные диспропорции в расчётах производства специалистами ВСНХ и нарастающую динамику диспропорций в планируемом пятилетии. Вывод статьи был категоричен: «...объем запроектированных (ВСНХ) капитальных затрат не обоснован, и не обеспечивается ни перспективами накопления, ни производством строительных материалов...» [Гухман, 1927. С. 136]. По сути, публикация в журнале *предсказала причины тех экономических кризисных явлений, которые начнутся с первого же года пятилетки*.

В целом советские учёные-экономисты, верно сформулировав вопросы, смогли найти конструктивные теоретические решения, положенные в основы плана первой пятилетки и предвосхитившие находки западной научной мысли за два последующих десятилетия. Как подчеркивает Ясный, передовые советские учёные-экономисты хотели создать и развивать «нормальную экономику», т.е. такое рыночное хозяйство, в котором с учетом специфики России значительную роль играл бы государственный сектор [Ясный, 2012. С. 28].

По мере нарастания внутривластной борьбы, в 1928–1929 гг. на страницах журнала впервые появляются статьи, далекие от научных традиций издания. В них доминировали основанные на левацкой идеологии тезисы, не подкрепленные статистическими данными и расчётами [Сабсович, 1929]. Характерная деталь: на изложение фантастических проектов роста советской экономики редакция не жалела места: статьи по 50 страниц в журнале до этого ещё не печатались!

Противником НЭПа выступил видный советский экономист С. Г. Струмилин [Струмилин, 1928а; Струмилин, 1928б; Струмилин, 1929]. С его точки зрения, товарно-денежные отношения как наследие прошлого должны быть ликвидированы. Установление социалистического общества, утверждал Струмилин, возможно только при устранении влияния рыночной стихии на экономику. «При законченном построении социализма, — писал Струмилин, — у нас уже не будет рыночного распределения общественной продукции. И потому вопрос о ценах вообще потеряет всякий смысл и актуальное содержание» [Струмилин, 1928а. С. 48]. Важнейшим инструментом преодоления товарно-денежных отношений он считал директивный план, утверждая: «В условиях советской экономики критерий рентабельности тех или иных затрат не может уже играть столь решающей роли» [Струмилин, 1928а. С. 46].

Приоритет целевых установок над научными прогнозами для Струмилинина не вызвал сомнений. Мерилом же ценности пятилетнего плана он рассматривал скорость продвижения к «социализму» [Струмилин, 1928б. С. 28; Струмилин, 1928а, С. 45]. Поддержка такой точки зрения со стороны соратников И.В.Сталина привела к тому, что к лету 1929 г. точка зрения Струмилинина стала рассматриваться как единственно верная.

На пути советских экономистов встали два основных препятствия: требование оправдания высоких темпов экономики и быстрого расширения социалистического сектора. Эти требования противоречили друг другу. На непонятливых авторов обрушивались запреты на публикации, резкая критика и (начиная с 1930 г.) репрессии. В течение 1929 — 1930 гг. со страниц журнала исчезли имена большинства известных авторов периода

НЭПа. Не помогали уже и письма главе советского правительства А.И. Рыкову. [*Ясный*, 2012. С. 113, 169].

Концепция планирования, ориентирующаяся на сбалансированный рост отраслей экономики, была окончательно отвергнута после речи Сталина на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. Сталин назвал баланс ЦСУ «игрой в цифири»; осудил подходы Базарова и Громана к составлению баланса народного хозяйства. После выступления Сталина термин «равновесие» употреблялся лишь в негативном смысле [*Белых*, 1990. С. 32]. Критике так называемой «буржуазной методологии», связанной с именами Громана и Базарова, было посвящено заседание общества марксистов-статистиков Коммунистической академии 12 ноября 1930 г. [*Белых*, 1990. С. 51]. Моделирование товарно-денежных отношений было практически прекращено вплоть до конца 1950-х гг. А репрессии против экономистов привели к снижению общей научной культуры экономистов — и исследователей, и практиков.

Общепризнано, что одной из основных причин репрессий, начавшихся в конце 1920-х гг., было желание руководителей страны найти тех, на кого можно было возложить ответственность за собственные ошибки, за снижение жизненного уровня населения. Был создан миф о «вредительстве»: недостатков в экономике и в жизни людей много потому, что существуют «вредители», сознательно мешающие социалистическому строительству. В случае с экономистами важным фактором также стало желание подавить всех, кого считали идеологическими противниками. Знаменательно, что на процессе меньшевиков 1–8 марта 1931 г. и последовавшими затем процессом над специалистами Донбасса («Шахтинское дело») и процессом Промпартии — из 14 обвиняемых 12 были экономисты [*Ясный*, 2012. С. 116, 118]. Многие из них были известны как авторы статей в журнале «Плановое хозяйство».

В то же время и ведущие отечественные экономисты оказывали влияние на эволюцию взглядов части советского руководства. Символично, что отдельная глава книги американского историка А. Эрлиха «Дискуссия об индустриализации в СССР. 1924–1928 гг.» названа «Школа Бухарина пересматривает свои взгляды» [*Эрлих*, 2010. С. 98–118]. В ней показано, как под влиянием выдающихся учёных-экономистов изменилось представление части советского руководства о подходах к масштабной промышленной реконструкции; о модернизации народного хозяйства; о сущности и сроках того длительного периода, который считался переходным от капитализма к социализму, а на деле открывал самостоятельную эпоху.

Статьи учёных-экономистов 1920-х гг. в журнале «Плановое хозяйство» во многом создали ту научную базу, на которой прошли съезды работников госпланов СССР в 1926–1929 гг., обсудившие варианты Пятилетнего плана. Они стали оружием той части партийно-государственной элиты, которая на Пленумах ЦК ВКП(б) в апреле 1928 — апреле 1929 гг. защищала «новую экономическую политику» [*Фельдман*, 2020а; *Фельдман*, 2020b]. По мнению А. Эрлиха, «поднятые проблемы и получаемые решения предвосхитили работу, выполненную западными экономистами, работавшими в той же области (в 1940–1950-е гг.) — но на более высоком профессиональном уровне и в рамках других концепций» [*Эрлих*, 2010. С. 25].

Жестокие репрессии не могли не сказаться на качестве журнальных статей журнала начиная с весны 1929 г. — времени поражения рационально мыслящей части руководства партии. Более того, начинается и ускоряется период отставания советской экономической науки, поскольку, с одной стороны, в конце 1920-х гг. перестали выходить многие экономические журналы, в том числе близкие к «Плановому хозяйству» по содержанию и коллективу авторов — «Экономическое обозрение» и «Экономический бюллетень» Конъюнктурного института. С другой стороны, в это время на Западе начался период развития эконометрических исследований как синтеза экономической науки, статистики и математики [*Белых*, 2011. С. 115].

Но верность профессиональному долгу оставалась у ряда авторов «Планового хозяйства». Показателен здесь пример статьи Е. Люстих «Влияние образования и стажа на эффективность труда рабочих», построенной на научных методах обработки материалов профсоюзной переписи 1929 г. [Люстих, 1930].

Нельзя не отметить и то, что подведение итогов Первой пятилетки потребовало хотя бы некоторого научного осмысления, и статья В. Грановского и Г. Невольского «Организация труда в тяжёлой промышленности» [Грановский, Невольский, 1934] стала редким, но все-таки определённым прорывом из теоретического «болота» экономической науки начала 1930-х гг. Авторы отмечали, что «охват технически обоснованными нормами составляет по машиностроению не более 30–35%; по каменноугольной промышленности — 25–30%; по металлургии и химической промышленности — только 15–20%». Заявления о «значительном росте производительности труда в годы первой пятилетки» дезавуировались чётким выводом: «нынешний уровень планирования показателей по производительности труда совершенно не соответствует их значению». Углубляя свою мысль, эти авторы подчеркивали: «...до сих пор мы, по существу, не имеем на предприятиях единой системы технико-экономических обоснований плановых расчётов по труду, несмотря на указания 17 партийной конференции и директивы НКТП и ВЦСПС о том, что в основу всех пересчётов по производительности труда и рабочей силе были положены нормы времени на единицу продукции» [Грановский, Невольский, 1934.С. 116–117] (!).

Невнятность подсчётов динамики производительности труда объяснялась «плохой подготовкой производственных процессов; с большим количеством доплатных талонов за так называемые отклонения от нормальных условий работы». Вывод о нетерпимости подобной организации труда в тяжёлой промышленности касался и «отклонений от нормальных условий работы» — ставших повсеместными сверхурочных работ занятых в промышленности.

Статья В. Грановского и Г. Невольского, косвенным образом, показывающая пагубность курса «бешеных реформ», доказывала, что славные традиции журнала «Плановое хозяйство» большевистским цензорам полностью выкорчевать не удалось. Движение Индустриального проекта настоятельно требовало адекватных научных подходов, и 1930-е гг. заканчивались не только сталинским «Кратким курсом», но и «Математическими методами организации и планирования производства» Л.В. Канторовича [Канторович, 1939]. Учёные уходили либо в узковедомственные журналы, либо в специализированные, например в журнал «Техническая учёба», ставший ещё одним феноменом 1930-х гг.

Идеология, сопряженная с возможностями тоталитарного государства, может одерживать победу над наукой, но только временную. Значительное воздействие статей журнала «Плановое хозяйство» объяснялось не только тем, что его авторы одновременно являлись крупными учёными и работниками Госплана, а также близких к нему структур. Большевистское руководство, начиная индустриальный рывок, стояло на распутье: дорога к «социализму» могла пойти разными путями. «Новая экономическая политика», завещанная Лениным, «освящённая» его именем, имела немало приверженцев в ЦК ВКП (б), готовых прислушаться к голосу учёных-экономистов.

Авторы статей журнала «Плановое хозяйство», в период до апрельского Пленума ЦК ВКП(б) 1929 г., оказались в нужное время в нужном месте, трансформируя свои идеи в варианты Плана первой пятилетки. Даже в условиях острой борьбы двух ведомств — Госплана и ВСНХ — в итоговый (оптимальный) вариант Плана первой пятилетки вошли основные идеи учёных-экономистов.

Упрёки ряда историков, бросаемые сторонникам сохранения НЭПа, в недооценке слабых сторон отечественной ситуации — огромной устарелости парка промышленного оборудования в большинстве отраслей промышленности и на транспорте; недостаточности объема капитальных вложений в экономику и т. д. [Ханин, 2015] — указывают на недора-

ботку коллектива редакции журнала «Плановое хозяйство». Публикации журнала действительно необходимо было посвящать, прежде всего, путям преодоления указанных проблем. Однако проблемы кажутся непреодолимыми и тогда, когда их обходит стороной наука.

Но на протяжении 1923–1929 гг. в условиях авторитарного государства, постепенно лишаясь поддержки своей профессиональной деятельности и гарантий личной безопасности, команда журнала «Плановое хозяйство» во главе с Кржижановским передала советскому планированию импульс научности. Именно он при чудовищных нагрузках и испытаниях смог уберечь экономику СССР в годы и первых пятилеток, и Великой Отечественной войны от краха и разрушения. Советская экономическая наука 1920-х гг., пройдя жесточайшие испытания на протяжении всех 1930-х гг., внесла решающий вклад в достижения индустриализации, включая создание оборонно-промышленного комплекса.

Учёные, публиковавшиеся в журнале «Плановое хозяйство», решая проблемы преобразований, связанные с проектом индустриализации, по ряду направлений далеко опередили уровень западной экономической мысли и внесли оригинальный вклад, по достоинству оценённый только спустя 3–4 десятилетия, в период кризиса *прежней модели* кейнсианской и институциональной экономической политики. В число вопросов, которые разрабатывались российскими экономистами 1920-х гг., входят и те, что актуальны для нынешнего века: механизмы равновесия как предмет экономической науки в узком смысле и механизмы развития как предмет социально-экономической генетики; вопрос о факторах и институциональных основах экономического развития; природа экономических институтов; причина их возникновения и распада, механизм отбора [Ольсевич, 2004. С.13–15].

На XX съезде КПСС «культ личности» Сталина был осужден. Были осуждены и расправы над советскими экономистами в начале 1930-х гг. Однако относительность расставания со сталинизмом привела и к относительности возрождения в стране экономико-математического направления. Линейное программирование Л.В. Канторовича, превратившись в метод составления оптимального плана посредством системы разрешающих множителей [Ольсевич, 2004. С. 20], так и осталось либо отвлечённым теоретическим знанием для преемников Сталина, либо пропуском для временных тактических преобразований.

Промедление тактического характера не раз в истории оборачивалось стратегическим поражением. Распад СССР — яркое тому подтверждение. Станут ли статьи учёных, например, в журнале «Экономист» — правопреемнике с 1991 г. издания «Планового хозяйства», наряду с публикациями в иных отечественных ведущих экономических журналах, — ориентиром для неоиндустриального проекта с приоритетом социальных программ в современной России? Альтернатива превращению научной мысли в основу государственной политики очевидна: вытеснение России из первой десятки и даже двадцатки неоиндустриальных держав, уход за рубеж капитала и высококвалифицированной рабочей силы, обнищание подавляющей части населения страны. Извлечем ли мы уроки из нашей собственной относительно недавней истории?

ЛИТЕРАТУРА

- Базаров В.А. (1926). О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. № 7. С. 7–21.
- Баренгольц М.И. (1928). Емкость промышленного рынка в СССР // Плановое хозяйство. № 7. С. 325–348.
- Белых А.А. (1990). История советских экономико-математических исследований (1917 — начало 1960-х годов) Л. Изд-во ЛГУ.
- Белых А.А. (2011). История российских экономико-математических исследований: первые сто лет. 3-е изд. М.: URSS.
- Грановский В., Невольский Г. (1934). Организация труда в тяжёлой промышленности // Плановое хозяйство. № 10. С. 105–120.

- Горский Н.Е. (1927). Организация жилищного строительства и рабочий бюджет // Плановое хозяйство. № 10. С. 100–121.
- Гухман Б.А. (1928). К критике построений пятилетнего плана развития промышленности СССР // Плановое хозяйство. № 10. С. 113–138.
- Канторович Л.В. (1939). Математические методы организации и планирования производства. Л.: Изд-во ЛГУ. 1939.
- Ковалевский Н.А. (1928). Методология плана реконструкции // Плановое хозяйство. № 4. С. 7–30.
- Комлев С.А. (1991). Конъюнктурный институт (судьба научной школы Н.Д.Кондратьева) // Репрессированная наука. Л.: Наука. С. 163–180.
- Кондратьев Н.А. (1927). Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Плановое хозяйство. № 4. С. 2–33.
- Люстих Е. (1930). Влияние образования и стажа на эффективность труда рабочих // Плановое хозяйство. № 7–8. С. 273–292.
- Ольсевич Ю.Я. (2004). Введение // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: В 5 т. Т. 4. Век глобальных трансформаций / Отв. ред. Ю.Я. Ольсевич. М.: Мысль. С. 5–22.
- Сабсович Л.М. (1929). Гипотеза масштабов продукции основных отраслей народного хозяйства СССР в период генерального плана // Плановое хозяйство. № 1. С. 54–103.
- Струмилин С.Г. (1928а). Процессы ценообразования в СССР. Ч. 1 // Плановое хозяйство. № 5. С. 42–64; Ч. 2. // Плановое хозяйство. № 6. С. 44–62.
- Струмилин С.Г. (1928б). Сводный доклад о пятилетнем плане // О Пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. Дискуссия в Коммунистической Академии. М.: Изд-во Коммун. акад. С. 26–39.
- Фельдман Г.А. (1928). К теории темпов народного дохода (Под углом зрения народного хозяйства СССР) // Плановое хозяйство. № 11. С. 146–170; № 12. С. 151–180.
- Фельдман Г.А. (1929). Аналитический метод построения перспективных планов // Плановое хозяйство. № 12. С. 94–127.
- Фельдман М.А. (2020а). «Прения должны быть гильотинированы»: съезды советов госпланов СССР и проблема выбора пути развития // Российская история. № 5. С. 108–123.
- Фельдман М.А. (2020б). Дискуссии на Пленумах ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг.: борьба и взаимодействие социалистической Утопии и Индустриального проекта // 1929: «Великий перелом» и его последствия: Материалы XII Международной научн. конф. Екатеринбург, 26–28 сент. 2019. М.: РОССПЭН. С. 695–724.
- Эрлих А. (2010). Дискуссия об индустриализации в СССР. 1924–1928 гг. М.: Дело АНХ.
- Ханин Г.И. (2015). Произведения Р. Дэвиса по истории советской экономики и общества // Клио. № 8. С. 41–48.
- Ясный Н.М. (2012). Советские экономисты 1920-годов. Долг памяти. М.: Дело.

Фельдман Михаил Аркадьевич

feldman-mih@yandex.ru

Mikhail Feldman

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Ural Institute of Institute of management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ekaterinburg)

feldman-mih@yandex.ru

“ANTICIPATING THE WORK DONE BY WESTERN ECONOMISTS”, OR THE PHENOMENON OF THE MAGAZINE “PLANNED ECONOMY”.

Abstract. The most important factor contributing to the development of Soviet economic research in the 1920s was the high level of statistics and opportunities for scientific discussion and publication. The attention of the editorial staff of the magazine “Planned economy” was drawn to a detailed analysis of the options for the first five-year plan. The authors of the articles “a Planned economy”, in the period before the April Plenum of the Central Committee in 1929, was able to convey to case managers and farmers the basic ideas of economic science and to make them even in conditions of acute struggle between the two departments of Gosplan and the Supreme economic Council in the final (optimal) version of the first five-year Plan.

Keyword: *First five-year plan, five-year plan, industrialization, economists, journal.*

JEL: N60, N70, N90, O25.

REFERENCES

- Barengolts M.I.* (1928). Emkost' promyshlennogo rynka v SSSR [Capacity of the industrial market in the USSR] // *Planovoe hozyajstvo*. No. 7. Pp. 325–348.
- Bazarov V.A.* (1926). O metodologii postroeniya perspektivnykh planov [O the methodology of building long-term plans] // *Planovoe hozyajstvo*. No. 7. Pp. 7–21.
- Belykh A.A.* (1990). Istoriya sovetskikh ekonomiko-matematicheskikh issledovaniy (1917 — nachalo 60-h godov). [History of Soviet economic and mathematical research (1917 — early 60s)]. St-Petersburg: LSU publishing house.
- Belykh A.A.* (2011). Istoriya rossijskikh ekonomiko-matematicheskikh issledovaniy: pervye sto let. [History of Russian economic and mathematical research: the first hundred years]. 3-th ed. Moscow: URSS.
- Ehrlich A.* (2010). Diskussiya ob industrializacii v SSSR. 1924–1928 [Discussion about industrialization in the USSR. 1924–1928]. Moscow: Delo ANKH.
- Feldman G.A.* (1929). Analiticheskij metod postroeniya perspektivnykh planov // [Analytical method for building long-term plans] // *Planovoe hozyajstvo*. No. 12. Pp. 94–127.
- Feldman G.A.* (1928). K teorii tempov narodnogo dohoda (Pod uglom zreniya narodnogo hozyajstva SSSR). [On the theory of national income rates (from the point of view of the national economy of the USSR)] // *Planovoe hozyajstvo*. No. 11. Pp. 146–170. No. 12. Pp. 151–180.
- Feldman M.A.* (2020a). Preniya dolzhny byt' gil'otinirovany»: s'ezdy sovetov gosplanov SSSR i problema vybora puti razvitiya ["Debates must be guillotined": congresses of Soviets of state planning bodies of the USSR and the problem of choosing the path of development] // *Rossiyskaya istoriya*. No. 5. Pp. 108–123.
- Feldman M.A.* (2020b). Diskussii na Plenumah CK VKP (b) 1928–1929 gg.: bor'ba i vzaimodejstvie socialisticheskoy Utopii i Industrial'nogo proekta. [Discussions at the plenums of the Central Committee of the CPSU (b) 1928–1929: the struggle and interaction of the socialist Utopia and the Industrial project] // 1929: «Velikij perelom» i ego posledstviya. Materialy XII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Ekaterinburg, 26–28 sentyabrya 2019. [1929: "the Returning point" and its consequences. Materials of the XII International scientific conference. Yekaterinburg, September 26–28, 2019]. Moscow: ROSSPEN. Pp. 695–724.
- Granovsky V., Nevolsky G.* (1934). Organizaciya zhilishchnogo stroitel'stv i rabochij byudzhet [Organization of labor in heavy industry] // *Planovoe hozyajstvo*. No. 10. Pp. 105–120.
- Gorsky N.E.* (1927). Organizaciya zhilishchnogo stroitel'stv i rabochij byudzhet [Organization of housing construction and working budget] // *Planovoe hozyajstvo*. No. 10. Pp. 100–121.
- Gukhman B.A.* (1928). K kritike postroeniy pyatiletnego plana razvitiya promyshlennosti SSSR [To criticize the construction of the five-year plan for the development of industry in the USSR] // *Planovoe hozyajstvo*. No. 10. Pp. 113–138.
- Kantorovich L.V.* (1939). Matematicheskie metody organizacii i planirovaniya proizvodstva. [Mathematical methods of organization and planning of production]. Leningrad: Izd-vo LGU. 1939.
- Khanin G.I.* (2015). Proizvedeniya R. Devisa po istorii sovetskoj ekonomiki i obshchestva [Works of R. Davies on the history of the Soviet economy and society] // *Clio*. No. 8. Pp. 41–48.
- Komlev S.A.* (1991). Kon'yunkturnyj institut (sud'ba nauchnoj shkoly N.D. Kondrat'eva) [Conjuncture Institute (the fate of the scientific school of N.D. Kondratiev)] // *Repressirovannaya nauka*. [Repressed science]. Leningrad: Nauka. Pp. 163–180.
- Kondratev N.A.* (1927). Kriticheskie zametki o plane razvitiya narodnogo hozyajstva [Critical notes on the national economy development plan] // *Planovoe hozyajstvo*. No. 4. Pp. 2–33.
- Kovalevsky N.A.* (1928). Metodologiya plana rekonstrukcii [Methodology of the reconstruction plan] // *Planovoe hozyajstvo*. № 4. Pp. 7–30.
- Lustig E.* (1930). Gipoteza masshtabov produkcii osnovnykh otraslej narodnogo hozyajstva SSSR v period general'nogo plana // [Hypothesis of the scale of production of the main branches of the national economy of the USSR in the period of the General plan] // *Planovoe hozyajstvo*. No. 1. Pp. 54–103.
- Olsevich Iu.Ya.* (2004). Vvedenie [Introduction] // *Mirovaia ekonomicheskaja mysl. Skvoz prizmu vekov V 5 tomakh*. T. 4. Vek globalnykh transformatsii [World economic thought. Through the prism of centuries. In 5 volumes. Vol. 4. The century of global transformations]. Moscow: Mysl'. Pp. 5–22.
- Sabsovich L.M.* (1929). Vliyanie obrazovaniya i stazha na effektivnost' truda rabochih [Influence of education and seniority on labor efficiency of workers] // *Planovoe hozyajstvo*. No. 7–8. Pp. 273–292.
- Strumilin S.G.* (1928a). Processy cenoobrazovaniya v SSSR. [Pricing processes in the USSR] // *Planovoe hozyajstvo*. Part 1. No. 5. Pp. 42–64; Part 2. No. 6. Pp. 44–62.
- Strumilin S.G.* (1928b). Sodoklad o pyatiletnem plane [Co-report on the five-year plan] // *O Pyatiletnem plane razvitiya narodnogo hozyajstva SSSR. Diskussiya v Kommunisticheskoy Akademii* [On the Five-year plan for the development of the national economy of the USSR. Discussion in the Communist Academy]. Moscow: Izd-vo Kommun. akad. Pp. 26–39.
- Yasny N.M.* (2012). Sovetskie ekonomisty 1920-gg. Dolg pamyati [Soviet economists of the 1920s. Debt of memory]. Moscow: Delo.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А.П. Заостровцев

к.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург); научный сотрудник, Центр исследований модернизации, Европейский университет в Санкт-Петербурге

Я.Д. Ширяева

к.э.н., научный сотрудник, Институт экономики и права им. Фридриха фон Хайека (Санкт-Петербург)

АЙН РЭНД: ФИЛОСОФИЯ СВОБОДНОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье рассмотрена объективистская этика Айн Рэнд, из которой органически вытекает необходимость свободной, не подверженной государственному регулированию рыночной экономики. Важнейший инструмент воплощения этой экономики — разум, который реализует себя через такую добродетель, как рациональность. Рациональность включает такое качество как справедливость, которая понимается как нечто противоположное альтруизму. Она противостоит стремлению к перераспределению. Следовательно, отношения людей должны строиться как обмен. Одновременно государству необходимо ограничить себя только защитой прав индивида в качестве прав на собственность, но не на социальную поддержку. В противном случае государство утрачивает свое нравственное основание и превращается в криминальную организацию. Учение Айн Рэнд близко к взглядам австрийской экономической школы. В своем главном художественном произведении «Атлант расправил плечи» она развивает свои философские и экономические теории.

Ключевые слова: Айн Рэнд, объективизм, объективистская этика, разум, рациональность, австрийская экономическая школа, индивидуализм, права человека, эгоизм, государственный интервенционизм.

JEL: B25, B41, B53.

DOI: 10.24411/2587-7666-2021-10110.

Айн Рэнд (Алиса Розенбаум, 1905–1982) — уникальная личность в истории литературы. Не было до неё в мире иммигранта, приехавшего в чужую страну в 21 год со слабым знанием государственного языка и почти без средств существования, но ставшего в итоге не просто выдающимся национальным писателем¹, но и владельцем дум и руководителем поступков многих людей². Для философов — она философ, создатель учения, названным ею объективизмом [Рэнд, 2012; 2015. С. 7–42]³. Однако и для экономистов её имя — далеко

¹ В 1998 году издательский дом Modern Library (США) провел опрос читателей с целью составить рейтинг 100 величайших книг XX в. Романы Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» и «Источник» заняли первые и вторые места в этом списке. Повесть «Гимн» и роман «Мы — живые» заняли седьмое и восьмое места, обойдя «Великого Гэтсби» Фрэнсиса Фитцджеральда, «Гроздь гнева» Джона Стейнбека и «Улисса» Джеймса Джойса [Вильгоцкий, 2015. С. 7].

² По результатам проведенного в 1991 г. опроса, её роман «Атлант расправил плечи» стал второй после Библии книгой, наиболее сильно повлиявшей на жизнь американцев [Вильгоцкий, 2015. С. 5].

³ Философская доктрина объективизма Айн Рэнд также подробно изложена ее последователем Леонардом Пейкоффом [Пейкофф, 2012].

не пустой звук. Она была яростным защитником свободной рыночной экономики. Не случайно одна из посвященных её творчеству книг содержит определение «богиня рынка» [Burns, 2009].

Понимание природы её апологетики чистого капитализма невозможно без обращения к объективизму, поскольку данная апологетика является читателю как развёртывание исходной философской доктрины. В центре доктрины — так называемая *объективистская этика*. Айн Рэнд поставила себе сверхзадачу: до неё все философы трактовали этические ценности по-разному, но сходились в том, что это вещь субъективная; её же «этическая революция» должна состоять в том, чтобы не оставить в этике ни грамма субъективного. Для неё «этика — это *объективное, метафизическое требование выживания человека...*» [Рэнд, 2015. С. 26]. Ценностный стандарт объективистской этики — это, согласно Айн Рэнд, человеческая жизнь: что подходит для жизни, следует считать добром, что портит и разрушает жизнь, — злом [Рэнд, 2015. С. 26].

Далее она обходит ловушки, которые могут быть поставлены оппонентами данного воззрения. Казалось бы, если собственная жизнь индивида и есть его нравственное предназначение, то тогда все средства её обеспечения могут быть оправданы. Однако тут появляются ограничения. Вводятся три главные ценности объективистской этики, и они же одновременно оказываются как средствами достижения конечной ценности (надо понимать — человеческой жизни), так и формами её реализации. Эти ценности — разум, предназначение и самооценка. Им же, в свою очередь, отвечают главные добродетели: рациональность, продуктивность и гордость, соответственно [Рэнд, 2015. С. 27] (схематически объективистская этика Айн Рэнд представлена на рис.).

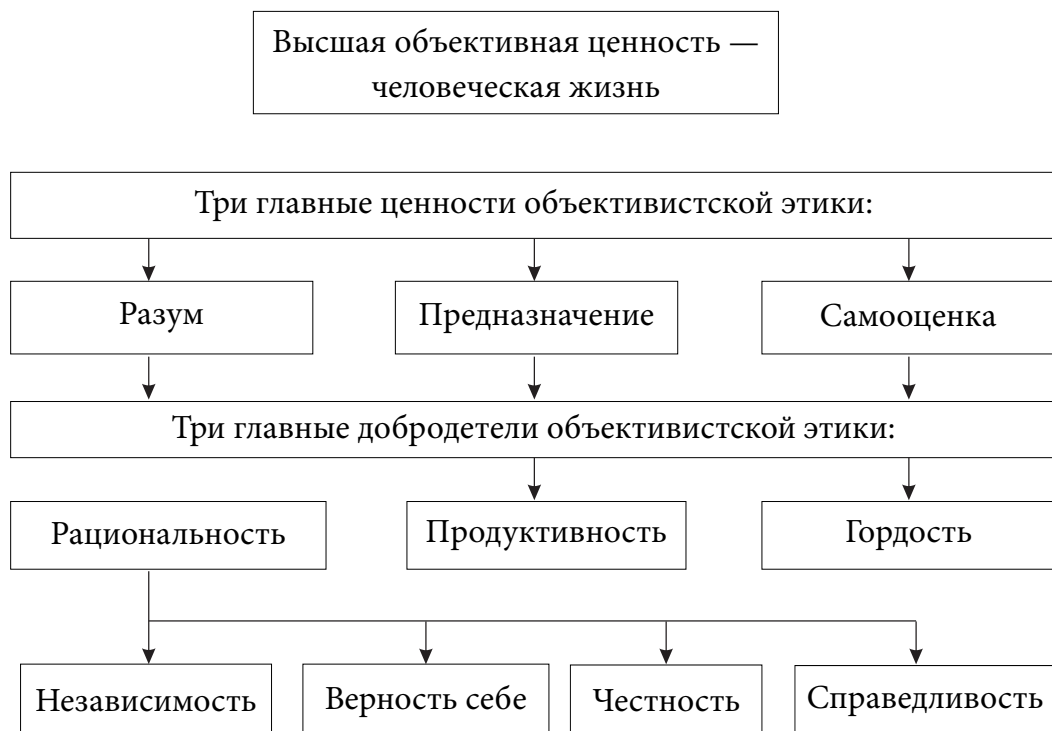

Рис. Объективистская этика Айн Рэнд (составлено авторами)

Рациональность — это фундаментальная добродетель, согласно которой разум — единственный источник знаний, служащих человеческой жизни. Иррациональность — это «отказ от средств выживания», «выступление против разума и против жизни» [Рэнд, 2015. С. 27]. Попутно заметим, что такая трактовка рациональности и иррациональности отличается от тех, которых, при всех расхождениях в этом вопросе, придерживаются эконо-

номисты [Капелюшников, 2018]. Ближе всего писательнице, конечно, было бы определение рациональности как максимизации какой-то заданной внешним наблюдателем (в нашем случае — ею самой) объективной полезности (в нашем случае — человеческой жизни). Однако, очевидно, что она не приняла бы и такого видения. Поэтому вернёмся к рассматриваемым ею добродетелям.

Итак, рациональность представляется ею как безоговорочная верность способному всё познать разуму, что означает отторжение любых форм мистицизма, «любых заявлений о существовании каких-то вневещественных, нерациональных, неведомых, сверхъестественных источников знания» [Рэнд, 2015. С. 31]. Отсюда проистекало её категорическое неприятие русской религиозной философии, с которой она успела познакомиться в период обучения в Петроградском университете (ей преподавал Николай Лосский), и воинствующий атеизм. «Концепция Бога представлялась ей недоказуемой при помощи рациональных методов и унижающей человеческое достоинство» [Вильгоцкий, 2015. С. 23]. В этой связи заметим, что она была последовательным либертарианцем: верующий в бога либертарианец — это оксюморон, всё равно что либертарианец-сталинист⁴.

Как видно из приведённого выше рисунка, рациональность включает четыре качества: независимость, верность себе, честность и справедливость. Для понимания заложённой в объективизм Айн Рэнд идеологии свободного рынка важнее всего её трактовка справедливости. Согласно ей, «никто не должен сам стремиться к получению и не должен допускать получения другими того, что не заработано и не заслужено, ни в материальной, ни в духовной сфере...» [Рэнд, 2015. С. 30]. Это означало полное неприятие альтруизма, с одной стороны, и всех форм хищнического поведения, — с другой. Таким образом, человек служит себе и только себе (эгоизм), но при этом не пользуется любыми нерыночными способами получения доходов⁵. Тем самым на достижение цели — поддержание жизни налагаются серьёзные этические ограничения.

Предназначение человека — это продуктивный труд (вторая добродетель). Он предполагает «наиболее полное и целенаправленное использование рассудка» [Рэнд, 2015. С. 31]. И, наконец, добродетель гордости (результат самооценки), которая, как полагает Айн Рэнд, лучше всего описывается тем, что она именуется моральной ответственностью, в соответствии с которой «человек должен заслужить право считать себя самого наивысшей ценностью путем достижения морального совершенства...» [Рэнд, 2015. С. 31]. И тут снова следует атака на альтруизм, который писательница часто определяла как «духовный каннибализм» [Вильгоцкий, 2015. С.125]. Смысл моральной ответственности в том, «чтобы отказаться от роли жертвенного животного, от любой доктрины, которая объявляет самопожертвование нравственной добродетелью или обязанностью» [Рэнд, 2015. С. 32]⁶. Естественно, что провозглашение самопожертвования злом вело к отрицанию как религии, так и любой формы коллективизма.

В итоге Айн Рэнд формулирует то, что она назвала основным социальным принципом этики объективизма.

⁴ Попытки католических экономистов-либертарианцев вывести идеологию свободного рынка из исповедуемой ими религии вряд ли более обоснованы, чем традиционное следование Макс Веберу с его привязкой капитализма к протестантской этике. «Свободные рынки распространяют свободу жить так, как каждый отдельный человек считает нужным» [Мюллер, 2015. С. 513]. В то же время «ограничивая пределы свободного применения разума, религии уменьшают способность людей принимать такие индивидуальные и коллективные решения, которые способствуют их благополучному земному существованию» [Мюллер, 2015. С. 496].

⁵ Добродетель справедливости сформулирована в клятве Джона Голта: «Клянусь своей жизнью и любовью к ней, что никогда не буду жить для кого-то другого и не попрошу кого-то другого жить для меня» [Рэнд, 2012. С. 1030].

⁶ «Согласно этике объективизма добро для человека не требует его собственных жертв и не может быть достигнуто с помощью чьих-то жертв» [Рэнд, 2015. С. 37].

Основной *социальный* принцип этики объективизма состоит в том, что жизнь есть самоцель, следовательно, и каждый человек — самоцель, а не средство достижения каких-то целей или обеспечения благосостояния других, а значит он должен жить исключительно ради себя самого, не жертвуя собой ради других и другими ради себя. Жить ради самого себя — *значит считать высшей моральной целью достижение собственного счастья*» [Рэнд, 2015. С. 32]⁷.

Как это всё сопрягается с философией свободного рынка? Довольно просто. Если какой-либо альтруизм столь радикально отменяется, то остаётся единственный возможный способ добровольного взаимодействия между людьми — свободный и взаимовыгодный обмен. «Принцип обмена — единственный разумный этический принцип для любых человеческих взаимоотношений, личных и общественных, частных и публичных, духовных и материальных. Это *справедливый* принцип» [Рэнд, 2015. С. 37]. Как видим, принцип обмена распространяется не только на рыночные отношения: всякие иные человеческие отношения моделируются подобно рынку. Например, уважение, восхищение, любовь — есть своеобразная плата в качестве признания добродетелей человека.

Однако остаётся взаимодействие недобровольное, связанное с существованием государства. Здесь Айн Рэнд дополняет свою этическую систему тем, что она назвала основным политическим принципом объективистской этики. Состоит он в том, что «ни один человек не имеет права *первым* применять грубую силу против других» [Рэнд, 2015. С. 39]. Поэтому выдвигается требование «минимизации государства», которое должно быть наделено исключительно функцией защиты человека от применения по отношению к нему силы со стороны других людей. «Единственное достойное, *моральное* предназначение правительства — это защита прав человека, то есть защита его от физического насилия, защита его права на жизнь, на свободу, на владение имуществом и на достижение счастья. Без прав собственности другие права не имеют смысла» [Рэнд, 2015. С. 40]. Права собственности и права человека были для неё, по существу, тождеством. «Никакие права человека не могут существовать без прав собственности» [Рэнд, 2015. С. 117].

Айн Рэнд не разделяла позицию анархо-капиталистов. В этом, в частности, заключались её разногласия с одним из лучших учеников её кумира Людвиг фон Мизеса⁸ — американским экономистом и радикальным сторонником идеи свободного рынка без государства Мюреем Ротбардом. Он отвергал даже концепцию ограниченного правительства, которой она придерживалась [Sciabarra, Secherst, 2005. P. 243].

В статье «Природа государства» Айн Рэнд писала, что государство нельзя считать злом по своей природе. «Анархия как политическое понятие — наивная и расплывчатая абстракция...». «...Общество без государства будет отдано на милость первого же подвернувшегося преступника, который ввергнет его в хаос междоусобной войны» [Рэнд, 2011b. С. 415–416].

В то же время у неё находятся и самые жёсткие определения в адрес государства, когда оно выходит за рамки дозволенного и подавляет права человека. Такое правление

⁷ «Моя философская концепция основана на представлении о человеке как героическом существе, нравственно оправданной целью жизни которого является собственное счастье, самой благородной деятельностью — созидательный труд, а бесспорным абсолют — разум» [Рэнд, 2012. С. 1121].

⁸ Одна из глав ее биографии, написанной А. Вильгоцким, названа «Holy Mises» («Святой Мизес») [Вильгоцкий, 2015. С. 222]. Она встречалась с Л. фон Мизесом во время его пребывания в США и обсуждала с ним философские и экономические вопросы [Хюльсманн, 2013. С. 714]. Ее расхождения с его философским субъективизмом ничуть не перевешивали их общие ценности: индивидуализм, свободное предпринимательство, нерушимость прав частной собственности, нерегулируемый рынок и минимальное государство. «Айн Рэнд и Людвиг фон Мизес разделяют выдающуюся роль быть ведущими защитниками свободного (laissez-faire) капитализма в двадцатом веке. Их идеи взаимодополняют и взаимоусиливают друг друга. Расхождения, которые существуют между ними в сущности незначительны и поверхностны» [Reisman, 2005. P. 251].

есть «узаконенное правление бандитов» [Рэнд, 2011b. С. 410]. «Вместо того, чтобы быть защитником прав человека, государство становится их самым опасным нарушителем; вместо того, чтобы охранять свободу, государство насаждает рабство...» [Рэнд, 2011b. С. 418]. Это восприятие очевидно связано с её детскими впечатлениями, когда в 1918 г. красные пришли опечатывать аптеку её отца в революционном Петрограде. Однако, как доказала последующая история, они отнюдь не были иллюзорными. Более того, иллюзорными оказались впечатления ряда западных интеллектуалов, посещавших СССР в 30-е гг. XX в.

Идеал Айн Рэнд — капитализм. Капитализм в чистом виде, без ненужных примесей в виде избыточного присутствия в нем государства. «Когда я говорю “капитализм”, — писала она, — я имею в виду полный, чистый, неконтролируемый капитализм свободного рынка...» [Рэнд, 2011b. С. 418]. Проблемы капитализма — это не проблемы капитализма как такового, в его, скажем так, незамутнённом виде; на самом деле это проблемы государственного вмешательства, защитники которого выдают их за пороки капитализма. И будущее мира она видела в том самом идеальном капитализме. «Капитализм — это не система прошлого; это система будущего, если у человечества вообще есть будущее» [Рэнд, 2011b. С. 418]. Капитализм для неё — это, по сути, то, чем для верующих является хилиазм.

Капитализм её мечты не существовал и в США. Она вполне это осознавала и говорила, что «та или иная степень государственного контроля подавляла и извращала его с самого начала» [Рэнд, 2011b. С. 418]. Её жизнь в Америке была наполнена не только писательским трудом, но и участием в политической борьбе. Особо люто она ненавидела Ф. Рузвельта и его «Новый курс». «Рэнд не видела большой разницы между вооружённым восстанием коммунистов и тем, как быстро Рузвельт расширяет полномочия федерального правительства» [Вильгоцкий, 2015. С. 76]⁹. В 1940 г. она прекратила работу над романом «Источник» и стала волонтером в предвыборном штабе соперника Ф. Рузвельта в борьбе за президентский пост — Уэндалла Уилки.

Однако куда больший вклад в эту борьбу внес законченный ею в 1942 г. роман «Источник». Масса писем читателей подтверждала, что в США «существует сильная антиправительственная традиция и почти инстинктивный страх перед бюрократизацией, государственным регулированием и централизацией власти» [Вильгоцкий, 2015. С. 159]. Нельзя сказать, конечно, что она безоговорочно выиграла битву за умы американцев, но нельзя и отрицать, что она сделала для внедрения в них либертарианских идеалов, пожалуй, больше, чем кто-либо в XX в.

Её упорная борьба (и идейная, и политическая) против американских государственныхников сочеталась с жёсткими отповедями тем, кто смотрел на США как на вселенское зло. И раскрывала природу этой ненависти. Она крылась не в каких-то благородных чувствах, а в элементарной зависти. «Люди ненавидят Соединенные Штаты Америки не за их недостатки, а за их достоинства, не за их слабости, а за их достижения, не за их ошибки, а за их успехи...» [Рэнд, 2011b. С. 236].

В то же время она абсолютно бескомпромиссно оценивала те страны, где утвердился социализм. Для неё они однозначно были полюсом зла. Имея в виду Советскую Россию, Китай и Кубу, она писала, что «в этих странах социализм отбросил народы на много веков назад, к невообразимой нищете доиндустриальной эпохи, к настоящему голодомору» [Рэнд, 2015. С. 112]. Однажды в дебатах она хорошо ответила стороннику модного и в наши дни релятивизма: «Если вы не понимаете разницы между Соединенными Штатами и Россией, то вы заслуживаете того, чтобы её узнать!» [Вильгоцкий, 2015. С. 297].

⁹ Сторонники свободного рынка в США видят в политике Ф. Рузвельта не спасение от Великой депрессии, а, наоборот, ее главную причину. «Вина за Великую депрессию должна быть снята со свободной экономики и помещена туда, где ей и следует быть: к дверям кабинетов политиков, чиновников и многочисленных “просвещенных” экономистов» [Ротбард, 2012. С. 466].

Характерно, что Айн Рэнд резко нападала на тех, в чьих трудах она видела хоть малейшую уступку альтруизму и государственному интервенционизму. Достаточно указать на её полное неприятие Фридриха фон Хайека, которого, обычно, наряду с Л. фон Мизесом, видят апостолом свободного рынка. Она же считала его, как минимум, непоследовательным и нередко допускала очень нелестные комментарии в его адрес [Вильгоцкий, 2015. С.170–173]. Если её разногласия с Л. фон Мизесом были «более философские, чем экономические» [Long, 2005. Р. 299], то о её разногласиях с Ф. фон Хайеком этого сказать нельзя.

В то же время надо заметить, что современные исследователи часто не видят никакой пропасти между Айн Рэнд и австрийской экономической школой в целом. В частности, попытку интегрировать методологические подходы и создать объединенную австрийско-объективистскую парадигму предпринял Эдвард Янкинс [Younkins, 2005]. Будет ли такая попытка удачной или нет, покажет время и дальнейшие разработки в этом направлении. Для нас же сейчас важно заметить, что с точки зрения взглядов на экономику, это, как выразился автор посвященной сравнению концепций Айн Рэнд и австрийской экономической школы статьи, «две горошины в горшке» [Block, 2005], то есть практически неотличимы.

Opus magnum писательницы — «Атлант расправил плечи» (1957) — можно рассматривать как иллюстрацию её экономических взглядов, донесённых до читателя в форме огромного романа-антиутопии¹⁰. Известный экономист и один из ведущих представителей современной австрийской школы Питер Беттке в выпуске “The Journal of Ayn Rand Studies”¹¹, посвященном 100-летию со дня рождения Рэнд, поместил в нем статью под заголовком: «Обучая экономике через Айн Рэнд: как экономика подобна роману и как роман может научить нас экономике» [Boettke, 2005]. Он же в сборнике работ, вышедшем по поводу 100-летия публикации «Атланта», поместил статью «Экономика “Атланта расправил плечи”» [Boettke, 2007]. «Она дала понять своим последователям, — пишет П. Беттке, ссылаясь на одно из её писем, — что её экономическая теория вытекает из ведущих защитников свободного рынка её века — Генри Хазлитта (1946) и Людвига фон Мизеса (1949)¹²» [Boettke, 2007. Р. 179].

Л. фон Мизес, в свою очередь, очень высоко оценил роман «Атлант расправил плечи», о чем и поведал в письме автору. «“Атлант расправил плечи” — это не просто роман. Это также убедительнейший анализ тех пороков, которые отравляют наше общество, подкрепленное доводами отклонение идеологии наших интеллектуалов-самозванцев и безжалостное обнажение лживости той политики, которую ведут правительства и политические партии. Это сокрушительная демонстрация “моральных каннибалов”, “жиголо от науки” и “учёной болтовни” творцов “антипромышленной революции”» [Цит. по: Хьюльсманн, 2011. С. 711].

В этом романе представители различных социальных наук обычно обращают внимание на речь Джона Голта. На неё Айн Рэнд потратила два года после того, как основной текст был уже закончен [Вильгоцкий, 2015. С. 250]. Она должна была стать квинтэссенцией её философии объективизма. Действительно, в ней содержится многое из того, что было развито в дальнейшем в ряде её статей, вошедших в сборники «Капитализм: незнакомый идеал», «Добродетель эгоизма», «Возвращение примитива: Антииндустриальная революция» [Рэнд, 2011a, b; 2015].

¹⁰ На наш взгляд «Атлант расправил плечи» относится именно к этому жанру. Не в меньшей степени, чем «Мы» Евгения Замятина или всемирно знаменитый «1984 год» Джорджа Оруэлла.

¹¹ Академический «Журнал исследований творчества Айн Рэнд» был основан в США в 1999 г. тремя авторами-либертарианцами: публицистами и издателями журнала *Liberty* Раймондом Брэдфордом (Raymond Bradford) и Стефаном Коксом (Stephen Cox), а также политологом Крисом Скиабарра (Chris Sciabarra). В центре внимания издания находится философия объективизма Рэнд.

¹² В скобках П. Беттке приводит года выхода в свет главных работ Г. Хазлитта и Л. фон Мизеса. Они переведены на русский язык и изданы в России [Мизес, 2005; Хазлитт, 2007].

Экономисты часто уделяют внимание Директиве 10-289 как воплощению тотального государственного регулирования экономики [Caplan, 2007] или же блестящему монологу Франсиско д'Анкония, воспевающему деньги [Horwitz, 2007]. Именно в нем прозвучали знаменитые слова, вложенные писательницей в уста героя: «Так вы думаете, что деньги — корень зла? А вы не задумывались над тем, что является корнем денег?» [Рэнд, 2012. С. 422]. И далее вывод о том, чем людям угрожает мир без денег: «Пока люди на земле живут вместе и у них есть причина взаимодействовать, их единственным доводом, если они отринут деньги, станет ружейный ствол» [Рэнд, 2012. С. 424]. Вместе с тем часто игнорируется рассказ бродяги, бывшего квалифицированного рабочего моторостроительного завода «Двадцатый век», с которым случайно встречается Дагни Таггерт — владелица компании «Таггерт Трансконтинентал», пытающаяся вести свой бизнес в удушающих условиях госрегулирования — который не менее важен для понимания философии свободной экономики по Айн Рэнд.

Название «XX век» выбрано не случайно: это символ мрачного торжества социалистических идей и их воплощения в реальности в этом столетии. Наследники завода воспылали такими идеями и стали внедрять работу по плану. «План состоял в том, чтобы каждый на заводе работал сообразно своим способностям, а оплату получал согласно своим нуждам» [Рэнд, 2012. С. 655]. Причем план этот был принят демократическим путем на общем собрании работников, которые неоднократно слышали о том, что это справедливо от многих, — начиная от родителей и до министров. В результате, естественно, на первый план вышел интерес выставлять свои нужды как истинные, так и мнимые, которые удовлетворялись за счет работающих. Худшие — выигрывали, лучшие — проигрывали. Бродяга констатирует: «Чем больше мы старались жить по этому закону, тем больше мы страдали. Чем больше мы его нарушали, тем большее вознаграждение получали» [Рэнд, 2012. С. 659]. В итоге люди бежали с этого завода, «пока мы не остались только людьми с потребностями, но без людей со способностями» [Рэнд, 2012. С. 662]. Понятно, что завод обанкротился.

В картинке краха, нарисованной Айн Рэнд, обращают на себя внимание несколько интересных особенностей. Во-первых, показано, что социализм — не есть порождение каких-то низовых движений и их идеологий. Напротив, это — игрушка интеллектуалов, «нравственный закон профессоров» [Рэнд, 2012. С. 663]. Здесь прослеживаются параллели с идеями Ж. Бенда о предательстве интеллектуалов [Бенда, 2009] и всё той же австрийской экономической школой. Так, например, Ф. фон Хайек писал: «Социализм нигде и никогда не был рабочим движением» [Хайек, 2012. С. 229]. И продолжал: «Это построения теоретиков, выросшие из некоторых тенденций развития абстрактных размышлений, с которыми были знакомы только интеллектуалы» [Хайек, 2012. С. 229].

Во-вторых, Айн Рэнд показывает превращение альтруизма в войну всех против всех. В результате, как сказали бы современные экономисты, происходит «отбор худших» (adverse selection). Именно такие отрицательные стимулы приводят к развалу всего предприятия. Более того, писательница устами рабочего подчеркивает опасность распространения альтруизма в глобальном масштабе. В таком случае придется «работать, не надеясь на добавочный паек, пока всех камбоджийцев и патагонцев не накормят и не пошлют в колледж» [Рэнд, 2012. С. 663]. В современном Западе направленные против не рыночного распределения идеи Айн Рэнд были бы даже более актуальны, чем в её время.

В-третьих, в описываемом эпизоде романа присутствует сильный антидемократический пафос, то есть неприятие решения экономических вопросов всеобщим голосованием. «Когда народ ... пытается принять решение, не имея мерил, резона и смысла, когда в игре нет правил и каждый требует всего, не имея права ни на что, когда каждый признает власть закона над всеми, кроме самого себя, всё идет кувырком» [Рэнд, 2012. С. 661]. Для автора романа характерен ярко выраженный элитизм. Она считала, что властные полномочия

следовало делегировать только самым выдающимся представителям общества, а не предоставлять всех прав большинству [Вильгоцкий, 2015. С. 88].

Очевидно, что Айн Рэнд не является сторонницей безусловного всеобщего избирательного права. Для либертарианца такое есть нарушение прав собственности, а следовательно, и подрыв принципов рыночной экономики. Принимать решения должны только те, кто вносит свой вклад в общий пай (демократия налогоплательщиков), а не только черпает из него.

В её отказе массам на столь любимую ею рациональность она смотрела далеко вперед. Лишь полвека спустя в 2007 г. выйдет работа экономиста Брайана Каплана «Миф о рациональном избирателе», где он покажет отсутствие способности у рядовых граждан делать рациональный выбор. «Избиратели счастливы в своей глупости» [Каплан, 2012. С. 195], — заявит он. В том же году появится и обстоятельная критика всеобщего избирательного права в работе экономиста и философа австрийской экономической школы Ганс-Генрих Хоппе, одно название которой говорит само за себя: «Демократия: бог, который умер» [Норре, 2007].

Для Айн Рэнд борьба за свободу — это удел героев, а не толпы. В речи Джона Голта «компетентная элита сталкивается с некомпетентными народными массами» [Вильгоцкий, 2015. С. 264]. С тем, кого сама автор нередко презрительно называла секонд-хэндерами. Их власть убивает свободный рынок, который есть «социальный результат приложения объективистской теории ценностей к практической жизни» [Рэнд, 2011b. С. 27]. Ведь они не обладают ключевым для воплощения этой теории качеством — способностью мыслить рационально, а, значит, и действовать рационально.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенда Ж. (2009). Предательство интеллектуалов / Пер. с франц. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М.: ИРИСЭН, Мысль, Социум.
- Вильгоцкий А. (2005). Кто такая Айн Рэнд? М.: АСТ.
- Капелюшников Р.И. (2018). Вокруг поведенческой экономики: несколько комментариев о рациональности и иррациональности [Текст]: препринт WP3201804. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Каплан Б. (2012). Миф о рациональном избирателе: Почему демократии выбирают плохую политику / Пер. с англ. Д. Горбатенко / Под ред. А.В. Куряева. М.: ИРИСЭН, Мысль.
- Мизес Л. фон. (2005). Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / Пер. А.В. Куряева. Челябинск: Социум.
- Мюллер Д. (2015). Разум, религия, демократия / Пер. с англ. А.А. Столярова. М.: Мысль.
- Пейкофф Л. (2012). Объективизм: философия Айн Рэнд. М.: Астрель; Полиграфиздат.
- Ротбард М. (2012). Великая депрессия в Америке. М.: ИРИСЭН, Мысль.
- Рэнд А. (2011а). Возвращение примитива: Антииндустриальная революция / С добавлением статей Питера Шварца / Ред. Ю. Быстрова. М.: Альпина Паблишер.
- Рэнд А. (2011b). Капитализм: Незнакомый идеал / С добавлением статей Натаниэля Брандена, Алана Гринспена и Роберта Хессена / Ред. Ю. Быстрова. М.: Альпина Паблишер.
- Рэнд А. (2012). Атлант расправил плечи. М.: Альпина Паблишер.
- Рэнд А. (2012). Введение в объективистскую эпистемологию / Пер. И.И. Подунова. М.: Астрель.
- Рэнд А. (2015). Добродетель эгоизма / С добавлением статей Натаниэля Брандена / Ред. Ю. Быстрова. М.: Альпина Паблишер, 2015.
- Хазлитт Г. (2007). Экономика за один урок: Пер. Б.Л. Глушака и С.В. Ляховки / Под ред. Б. Л. Глушака. М.: ООО «И. Д. Вильямс».
- Хайек Ф. (2012). Капитализм и истории / Бертран де Жувенель; Людвиг фон Мизес; Фридрих Хайек; Томас Эштон. Челябинск: Социум.
- Хьюльсманн Й.Г. (2013). Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвиг фон Мизеса / Пер. с англ. / Под ред. А. В. Куряева. М.; Челябинск: Социум.
- Block W. (2005). Ayn Rand and Austrian Economics: Two Peas in a Pod // The Journal of Ayn Rand Studies. Vol. 6. No. 2. Pp. 259–269.
- Boettke P.J. (2005). Teaching Economics Through Ayn Rand: How the Economy is Like a Novel and How the Novel Can Teach Us About Economics // The Journal of Ayn Rand Studies. Vol. 6. No. 2. Pp. 445–465.

- Boettke P.J. (2007). *The Economics of Atlas Shrugged* // *Ayn Rand's Atlas Shrugged: A Philosophical and Literary Companion* / Ed. E.W. Younkins. Aldershot: Ashgate. Pp. 179–187.
- Burns J. (2009). *Goddess of the Market: Ayn Rand and the American Right*. Oxford: Oxford University Press.
- Caplan B. (2007). *Atlas Shrugged and Public Choice: The Obvious Parallels* // *Ayn Rand's Atlas Shrugged: A Philosophical and Literary Companion* / Ed. E.W. Younkins. Aldershot: Ashgate. Pp. 215–224.
- Hoppe H.-H. (2007). *Democracy — the God that Failed: The Economics and Politics of Monarchy, Democracy and Natural Order*. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers.
- Horwitz S. (2007). *Francisco's d'Anconia on Money: A Socio-Economic Analysis* // *Ayn Rand's Atlas Shrugged: A Philosophical and Literary Companion* / Ed. E.W. Younkins. Aldershot: Ashgate. Pp. 225–236.
- Long R.T. (2005). *Praxeology: Who Needs It* // *The Journal of Ayn Rand Studies*. Vol. 6. No. 2. Pp. 299–316.
- Reisman G. (2005). *Ayn Rand and Ludwig von Mises* // *The Journal of Ayn Rand Studies*. Vol. 6. No. 2. Pp. 251–258.
- Sciabarra C.M., Secherst L.J. (2005). *Introduction: Ayn Rand Among the Austrians* // *The Journal of Ayn Rand Studies*. Vol. 6. No. 2. Pp. 241–250.
- Younkins E.W. (2005). *Menger, Mises, Rand and Beyond* // *The Journal of Ayn Rand Studies*. Vol. 6. No. 2. Pp. 337–374.

Заостровцев Андрей Павлович

zao-and@yandex.ru

Andrey Zaostrovtssev

PhD (economics), professor, National Research University — Higher School of Economics; research fellow, Center of Modernization Studies, European University, St. Petersburg, Russia

zao-and@yandex.ru

Ширяева Ярослава Дмитриевна

y-sh@yandex.ru

Iaroslava Shiriaeva

PhD (economics), research fellow, Institute of Law and Economics named after Friedrich von Hayek, St. Petersburg,

AYN RAND: THE PHILOSOPHY OF A FREE ECONOMY

Abstract. The article considers objectivist ethics of Ayn Rand, from which the necessity of a free market economy not subject to state regulation follows. The most important tool for the realization of this economy is the mind, which realizes itself through such virtue as rationality. Rationality includes such quality as justice, which is understood as something opposite to altruism. It must resist the desire for redistribution. Consequently, the relationship of people should be built as an exchange. At the same time, the state has to limit itself and deals only with the protection of the rights of individuals as rights to property, but with the social assistance. In the opposite case, the state loses its moral foundation and turns into a criminal organization. The teaching of Ayn Rand is close to the views of the Austrian economic school. In her main novel, “Atlas Shrugged”, she conducts her own philosophical and economic theories.

Keywords: *Ayn Rand, objectivism, objectivist ethics, reason, rationality, Austrian school of economics, individualism, human rights, egoism, state interventionism, “Atlas shrugged”.*

JEL: B25, B41, B53.

REFERENCES

- Benda J. (2009). *Predatel'stvo Intellektualov [La Trahision Des Clerks]*. Moscow: IRISEN, Mysl, Sotsium.
- Bloch W. (2005). *Ayn Rand and Austrian Economics: Two Peas in a Pod* // *The Journal of Ayn Rand Studies*. Vol. 6. No. 2. Pp. 259–269.
- Boettke P.J. (2005). *Teaching Economics Through Ayn Rand: How the Economy is Like a Novel and How the Novel Can Teach Us About Economics* // *The Journal of Ayn Rand Studies*. Vol. 6. No. 2. Pp. 445–465.
- Boettke P.J. (2007). *The Economics of Atlas Shrugged* // *Ayn Rand's Atlas Shrugged: A Philosophical and Literary Companion* / Ed. E.W. Younkins. Aldershot: Ashgate. Pp. 179–187.
- Burns J. (2009). *Goddess of the Market: Ayn Rand and the American Right*. Oxford: Oxford University Press.
- Caplan B. (2007). *Atlas Shrugged and Public Choice: The Obvious Parallels* // *Ayn Rand's Atlas Shrugged: A Philosophical and Literary Companion* / Ed. E.W. Younkins. Aldershot: Ashgate. Pp. 215–224.
- Caplan B. (2012). *Mif o ratsionalnom izbiratele: Pochemy demokratii vybirayut plokhuyu politiku [The Myth of the Rational Voter: Why Democracies Choose Bad Policies]*. Moscow: IRISEN, Mysl.
- Hayek F. (2012). *Kapitalizm i istoriki [Capitalism and the Historians]*. Chelyabinsk: Sotsium.

- Hazlitt H.* (2007). *Ekonomika za odin urok* [Economics in One Lesson]. Moscow: ООО ID. Williams.
- Hoppe H.-H.* (2007). *Democracy — the God that Failed: The Economics and Politics of Monarchy, Democracy and Natural Order*. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers.
- Horwitz S.* (2007). *Francisco's d'Anconia on Money: A Socio-Economic Analysis // Ayn Rand's Atlas Shrugged: A Philosophical and Literary Companion / Ed. E.W. Younkins*. Aldershot: Ashgate. Pp. 225–236.
- Hülsmann J. G.* (2013). *Poslednyi ryttsar liberalizma: zhizn' i idei Ludwiga von Misesa* [The Last Knight of Liberalism: Life and Ideas of Ludwig von Mises]. Moscow; Chelyabinsk: Sotsium.
- Kapelyushnikov R.I.* (2018). *Vokrug povedencheskoi ekonomiki: neskolko kommentariiev o ratsionalnosti i irratsionalnosti* [On behavioral economics: several commentaries on rationality and irrationality]. Working paper WP3/2018. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics.
- Long R.T.* (2005). *Praxeology: Who Needs It // The Journal of Ayn Rand Studies*. Vol. 6. No. 2. Pp. 299–316.
- Mises L. von.* (2005). *Chelovecheskaya deyatelnost': traktat po ekonomicheskoi teorii* [Human Action: A Treatise on Economics]. Chelyabinsk: Sotsium.
- Mueller D.* (2015). *Razum, religiya, demokratiya* [Reason, Religion, Democracy]. Moscow: Mysl.
- Peikoff L.* *Obektivizm: Filosofiya Ayn Rand* [Objectivism: The Philosophy of Ayn Rand]. Moscow: Astrel, Poligraphizdat, 2012.
- Rand A.* (2012). *Atlant raspravil plechi* [Atlas Shrugged]. Moscow: Alpina Publisher.
- Rand A.* (2015). *Dobrodetel' egoizma* [The Virtue of Selfishness]. Moscow: Alpina Publisher.
- Rand A.* (2011a). *Vozvrashchenie primitiva: Antiindustrialnaya revolyutsiya* [Return of the Primitive: Antiindustrial Revolution] / With articles by Piter Shwartz. Moscow: Alpina Publishers.
- Rand A.* (2011b). *Kapitalizm: Neznakomyi ideal* [Capitalism: The Unknown Ideal]. Moscow: Alpina Publishers.
- Rand A.* (2012). *Vvedenie v obektivistskuyu epistimologiyu* [Introduction to Objectivist Epistemology]. Moscow: Astrel.
- Reisman G.* (2005). *Ayn Rand and Ludwig von Mises // The Journal of Ayn Rand Studies*. Vol. 6. No. 2. Pp. 251–258.
- Rothbard M.* (2012). *Veliraya depressiya v Amerike* [America's Great Depression]. Moscow: IRISEN, Mysl.
- Sciabarra C.M., Secherst L.J.* (2005). *Introduction: Ayn Rand Among the Austrians // The Journal of Ayn Rand Studies*. Vol. 6. No. 2. Pp. 241–250.
- Vil'gotskiy A.* (2015). *Kto takayya Ayn Rand?* [Who is Ayn Rand?]. Moscow: AST.
- Younkins E.W.* (2015). *Menger, Mises, Rand and Beyond // The Journal of Ayn Rand Studies*. Vol. 6. No. 2. Pp. 337–374.